
Секция IV.

Лексикология и лексикография русского языка

Упорядочение и унификация лингвистической терминологии

А. Х. Азаматова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан)

Терминология, метаязык, терминологический элемент, унификация

Summary. The article is devoted to the issues of unification and regularization of the linguistic terminology. The alignment and universalization of semantic space, conventionalization of meanings are appreciably supported by use of standard meanings of Greco-Latin lexemes and word-formative elements.

Совокупность наименований научных фактов базируется на определенной системе понятий, теоретических построений, которые характеризуют соответствующее научное направление. В частности, можно утверждать, что терминология языкознания имеет в своей основе те понятия, явления, определения понятий, которые составляют концептуальные основы в изучении предмета. При исследовании терминов лингвистики чрезвычайно важным оказывается их изучение не только в системе терминологии, но и более широко – в системе метаязыка.

Метаязык в целом и целом характеризует мировоззрение использующего его субъекта, отражает внутреннюю сторону ментальной репрезентации, особенности структурирования непосредственного опыта человека. Поэтому важным является выявление того, какие именно концепты (по структуре, по содержанию и по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и более всего способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний (Л. А. Манерко, В. Ф. Новодранова, С. Д. Шелов и др.). «Научное общение между учеными осложняется, если в процессе обмена научной информацией обнаруживается несоответствие методологических положений, лежащих в основе используемых метаязыковых систем» [1, 30].

Метаязык, как всякая языковая система, не является закрытой субстанцией, постоянно изменяясь, развиваясь в зависимости от развития и эволюции понятийного аппарата науки. Эти процессы, в свою очередь, проецируются на деривационную систему языка науки, развивая и модифицируя аспекты ее организации и функционирования.

Любая терминология предполагает обязательную и постоянную работу по ее упорядочению. «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга. Форма науки оказывается отнюдь не безразличной к содержанию самой науки» [2, 124]. Упорядочение терминологии предполагает унификацию терминов, которая «реализуется в виде гармонизации, упорядочения и стандартизации терминов и их совокупностей» [3, 41].

Сложная (неоднородная, многослойная) структура термина как единицы метаязыка, предполагает многогранность и многоаспектность терминологического анализа. Являясь обозначением определенного научного понятия, термин возникает и функционирует не в языке в целом, а внутри отдельных подязыков, наиболее представительной частью которых, является терминология, формирующая единое межязыковое пространство и обеспечивающая «выход» за пределы конкретных языков. Общее ноэтическое пространство, пространство значений и смыслов непосредственно формируются терминосистемами.

Принадлежность термина к терминологии, а терминологии к подязыку отнюдь не исключает термин из лексической системы общенационального языка. Все структурно-семантические особенности термина вытекают из проблемы *логоса*, специфической, присущей только термину сопоставленности с понятием и системой понятий, и проблемы *лексиса* – термина как члена лексической системы языка (А. А. Реформатский).

Растущая интернационализация социальной и духовной жизни народов, обусловленная общечеловеческим прогрессом эпохи научно-технической революции, постоянно вызывает появление множества новых реалий, формирование множества идей, концепций, мыслительных категорий общечеловеческого характера, требующих не только их номинации в каждом национальном языке, но и однозначного обозначения в разных языках. Эти требования поддерживаются экстралингвистическими факторами, которые «подталкивают» языки к их собственным и совместным поискам языковых средств и способов словесного выражения новых понятий.

В условиях длительного и интенсивного взаимодействия контактирующие языки попадают под действие сильных и универсальных процессов, порождающих во взаимодействующих языках параллельные преобразования. Функциональное партнерство контактирующих языков в сфере лингвистической науки способствует формированию одинаковых смыслов и уплотнению общего семантического пространства, осуществляя, таким образом, интернационализацию терминологической лексики. Процесс интернационализации в контактирующих языках может проявляться по-разному: в межязыковых семантических параллелях значений, форме, структурном сходстве, образовании интераналогов.

Процессы универсализации семантического пространства протекают с большей интенсивностью и результативностью в сфере научной терминологии, поскольку терминосистемы разных языков, и в особенности, интернациональная часть терминосистем, характеризуются сильными семантическими связями, которые актуализируются как общая база для взаимопонимания при коммуникации носителей разных языков.

Выравнивание и универсализация семантического пространства, конвенционализация значений в значительной мере поддерживаются использованием стандартных смыслов греко-латинских лексем и словообразовательных элементов.

Семантические, структурно-комбинационные и функциональные свойства греко-латинских терминологических элементов проявляются не в стихии конкретного языка вообще, а в пределах специального метаязыка.

Мультиязыковое сопоставление межязыковых терминологических соответствий позволяет установить основные направления семантической транспозиции, поддерживаемой греко-латинскими словообразовательными средствами в сфере лингвистической науки, конечным результатом которых является образование общего терминологического фонда.

Литература

1. *Гвишиани Н. Б.* Категории и понятия языкознания как предмет методологического исследования: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1984.
2. *Будагов Р. А.* Терминология и семиотика // Человек и его язык. М., 1974.
3. *Лейчик В. М.* Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1989.

Деактуализация лексики в контексте языковых изменений

Т. Г. Ашуркова

Ульяновский государственный университет

Деактуализация лексики, устаревшая лексика, языковое сознание, языковая личность

Summary. The report presents the analysis of peculiarities in the procedure of lexis deactualization. We establish the criteria to differentiate obsolete and deactualized words.

Деактуализация лексики представляет собой специфический процесс языковых изменений и имеет принципиальные отличия от сходного с ним процесса устаревания лексики, т. е. перехода слова в разряд историзмов или архаизмов. Потребность в термине «деактуализация» возникла в конце XX столетия в лексикографии, при составлении новых словарей, в частности, словарей языковых изменений. Можно предположить, что термин «деактуализованная лексика» появился именно вследствие недостаточности термина «устаревшая лексика» для описания актуальных процессов, происходящих в лексической системе языка на рубеже двух тысячелетий. Отсюда, как представляется, расширение терминологии, используемой в последние десятилетия при классификации лексики, перешедшей либо имеющей тенденцию к переходу в языковой пассив. Так, наряду с термином «устаревшая» лексика появляется ряд других: «устаревшая лексика» [4], «вытравившиеся из живого употребления» [2], «хронизмы» [7], «уходящая» лексика [1], «новая» устаревшая лексика [3], «потенциальные историзмы» [5].

Сам факт введения новых терминов заставляет по-новому посмотреть на лексику, «выходящую из активного употребления».

Процесс устаревания лексики и определение устаревшей лексики как определенного пласта в составе лексической системы языка связан с концептом языка как структурного механизма, автономного от человека, от его прагматических нужд. Суть процесса деактуализации лексики может быть понята и объяснена в рамках антропологического подхода к языку, предполагающего обращение к таким понятиям, как *языковое сознание, языковая личность*.

Разграничивая понятия устаревшая и деактуализованная лексика, мы выделяем как принципиальные следующие моменты:

Процесс устаревания лексики – это сложный динамический процесс, протяженный во времени, который может исчисляться десятилетиями и даже столетиями. *Процесс деактуализации* представляет собой «одномоментный слом», при котором та или иная лексическая единица в течение весьма короткого времени утрачивает актуальность.

Устаревшая лексика осознается носителями современного языка как таковая относительно достаточно отдаленного во времени состояния языка (например, Петровская эпоха). Говорить о *деактуализации лексики* можно лишь относительно смежных временных срезов.

Процесс устаревания лексики обычно затрагивает отдельные лексические единицы, т. е. здесь не просматривается строгой системности. *Процесс деактуализации* как правило распространяется на целые тематические группы лексики, актуализованной в непосредственно предшествовавший период времени, т. е. на определенном этапе языкового развития. Каждый этап языкового развития – это «неповторимая ситуация», непосредственно связанная «с общественно-политической, культурной, собственно языковой ситуацией, а также с языковой рефлексией и лингвистическим изучением языка и нормализаторской деятельностью» (см. [6]). Каждый из этапов «характеризуется, исходя из целей, совокупности внешних и внутренних факторов, конкретного содер-

жания языковых процессов с постоянным учетом функций, возлагаемых на литературный язык» (там же). Лексика, отражающая эти «неповторимые ситуации», безусловно, является актуализованной на данном этапе общественно-языкового развития, и именно она в первую очередь вовлекается в процесс деактуализации на последующем этапе.

Слово переходит в языковой пассив при условии, что оно воспринимается как устаревшее абсолютно всеми носителями современного языка, то есть оно уходит из любого языкового сознания (*вья, ланиты, мытарь*). *Деактуализация* – процесс неоднородный и неравномерный по отношению к разным членам социума, к разным социальным стратам. Деактуализация является пример «сосуществования времен» в языке, когда фактически функционируют два словаря: лексика, актуализованная на данном этапе языкового развития, и лексика, утратившая актуализованность, которой она обладала на непосредственно предшествующем этапе развития языка. Иначе говоря, часть актуализованной в непосредственно предшествующее время лексики, утрачивает свою актуальность для большей части современного социума, но при этом продолжает оставаться значимой для другой его части. Например, такие наименования, как «горком», «колхоз», «комсомол», «совет» и мн. др., утратили свою актуальность (не перешли в языковой пассив) для большей части современного российского социума как наименования государственных, общественных и других организаций, существовавших и имевших общественную значимость 10–15 лет назад. Однако они продолжают оставаться актуальными для некоторых социальных, политических, профессиональных и др. групп (для сельских жителей, для членов современной КПРФ, для людей старшего поколения и др.), т. е. для части социума, для которой значимость этого прошлого достаточно велика. Сохранность этой лексики в частных языковых сознаниях подтверждается языковым употреблением, включенностью ее в разные типы дискурсов (профессиональный, политический, бытовой и др.).

Деактуализация лексики, таким образом, должна рассматриваться как следствие перегруппировки приоритетов социума в целом, но с учетом сосуществования в одном социуме разных типов языковых личностей и разных языковых сознаний.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Типы информации для словаря синонимов // Интегральное описание языка // Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
2. Бабкин А. М. Устаревшие слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикология–1981. Л., 1983. С. 4–33.
3. Бабенко Е. В. Устаревшая лексика в русском языке новейшего времени // Русский язык конца XX века. Воронеж, 1998. С. 8–10.
4. Белянская З. Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978.
5. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 67–89.
6. Ревзина О. Г. Русский язык от Пушкина до наших дней // Доклады Международной конференции. Псков, 2000. С. 29–34.
7. Солиева К. А. Эволюция архаичных элементов в газетной лексике советской эпохи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Новые значения прилагательных цвета в современном общественно-политическом дискурсе

Л. А. Баранова, Е. А. Пономаренко

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского, Симферополь (Украина)

Колоративы, семантические трансформации, общественно-политический дискурс

Summary. The paper deals with the semantic transformations of the adjectives denoting colors in the modern political discourse.

Одной из особенностей общественно-политического дискурса новейшего времени является развитие новых значений

у прилагательных со значением цвета, функционирующих, главным образом, в структуре устойчивых словосоче-

таний. Свой вклад в обогащение политического дискурса такого рода новациями внесли, в частности, бурные события последних лет на Украине, на политической арене которой появилось множество партий и общественных движений, часто называемых в СМИ неофициальными цвето-ассоциативными наименованиями, которые соответствуют их цветовой символике, широко использовавшейся в предвыборной пиар-кампании. Так, определение *оранжевый* вошло в политический дискурс в словосочетании *оранжевая революция* в конце 2004 года, а субстантивированное прилагательное *оранжевые* стало собирательным наименованием представителей украинских партий и движений националистической и проамериканской ориентации, а затем и партий прозападного толка в других странах бывшего СССР («Именно к этому и стремится российская *“оранжевая” оппозиция* – господина Касьянов, Каспаров и иже с ними, которых открыто финансируют из-за рубежа атлантысты...») – Крымская правда. 21.09.06). Значительно расширилась цветовая гамма для определения различных политических сил Украины в период последних парламентских выборов и последовавших за ними событий. Это и все те же *оранжевые* – партия «Наша Украина» и союзные им партии, *бело-голубые* (варианты: *синие*, *бело-синие*) – «Партия регионов Украины» и их союзники, *зеленые* – «Партия зеленых Украины», *малиновые* – «Социалистическая партия Украины» и традиционно *красные* – несколько разновидностей коммунистических партий. По мере развития политических событий изменялась сочетаемость цветовых определений, а иногда и само определение. Так, в процессе группировки и перегруппировки различных политических сил в украинском парламенте определение *оранжевый* из сочетаний *оранжевое большинство*, *оранжевая коалиция* перешло в сочетания *оранжевая оппозиция*, *оранжево-синяя коалиция*. В русскоязычных украинских СМИ определение *оранжевый* в экспрессивно-стилистических целях замещается иногда украинским (заимствованным из польского) эквивалентом *помаранчевый*, что придает тексту очевидную отрицательно-оценочную окраску («Проамериканская *помаранчевая* коалиция испустила дух... Демократия *по-помаранчевому* уже показала себя...») – Крымская правда, 15.07.06).

Разумеется, традиция цветовой атрибутики общественных сил возникла не в связи с последними событиями на Украине. Цвето-ассоциативные наименования партий и движений существовали и ранее. Достаточно вспомнить известную историческую оппозицию *красных* и *белых* в России времен революции и гражданской войны. При этом следует отметить разные судьбы этих слов – наименований противоборствующих политических сил. Как известно, слово *белый* вошло в политический лексикон в словосочетании *белый террор* во Франции в 1815 г., когда после «ста дней» и реставрации Бурбонов по стране прокатилась волна репрессий против революционеров и боюпартистов – «белого террора», как тогда же было названо это движение. Позднее оно стало обобщенным определением контрреволюции и ее сторонников. Именно в этом значении оно вошло в русский язык, а затем стало употребляться в виде кальки и в других языках, в частности, в английском (но именно при описании политических коллизий определенного периода истории

России). Будучи актуальным для определенного исторического периода, определение *белый* активно функционировало тогда в русском языке в структуре словосочетаний (*белое движение*, *белая армия*, *белая гвардия*, *белый генерал*), как самостоятельные слова – субстантивированные прилагательные (*белые*) и в структуре сложных слов (*белогвардейцы*, *белополяки*, *белоказаки*), однако со временем, утратив актуальность, перешло в разряд историзмов, каковым остается до настоящего времени. На политической арене ныне отсутствуют партии или движения, позиционирующие себя как «белые». Что же касается их политических оппонентов – «красных», то это определение продолжает функционировать в языке, претерпев определенные семантические трансформации. До революции 1917 г. *красный* – это «крайне левый по политическим убеждениям, революционно-настроенный», после революции – «относящийся к революционной деятельности, революционный, связанный с Советским строем, с Красной Армией». Оба эти определения зафиксированы в МАС-2 как стилистически нейтральные. В новой демократической России определение *красные* относится к союдам «организаций и движений, придерживающихся коммунистической ориентации, коммунистической идеологии». Будучи зафиксированными в этом значении в ТССРЯИ [1], они уже снабжены здесь пометой «Полит. Неодобр.», что свидетельствует о явном изменении аксиологических характеристик данного определения в современном русском языке.

Во многие языки мира, включая русский, вошло определение *коричневый* с ярко выраженным пейоративным значением. События Второй мировой войны, преступления нацистов и их многомиллионные жертвы – вот тот исторический фон, на котором возникло словосочетание *коричневая чума* как обобщенное экспрессивно-оценочное наименование фашизма, получившего свое определение по цвету униформы его основателей – «*коричневорубашечников*». Субстантивированное прилагательное *коричневые* зафиксировано в ТССРЯИ в значении «общественные и политические силы, близкие к фашизму, представители этих сил» с пометой «Полит. Неодобр.» Определение *коричневый* в структуре широко употребляемых в прессе словосочетаний *коричневая угроза*, *коричневая опасность* напоминают об угрозе возрождения фашизма. Используясь в сочетании с цветовым определением какой-либо партии или движения (*красно-коричневые*, *оранжево-коричневые*), оно не только указывает на близость идеологии данной политической силы к идеологии фашизма, но и придает полученному определению отчетливо выраженное экспрессивно-оценочное значение, яркую эмоциональную окраску. В ТССРЯИ слово *красно-коричневые* – «организации и движения национал-коммунистической ориентации и их сторонники» – также снабжено пометой «Полит. Неодобр.»

«Цветовые» определения, отличающиеся очевидной стилистической маркированностью, закрепляются в языке на долгое или короткое время в зависимости от значимости определяемой ими политической силы в жизни общества.

Литература

1. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия // Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2001.

Современный русский язык в зеркале двуязычной лексикографии (Русско-немецкий словарь Майнцской Академии наук и литературы)

Р. Беленчикова (R. Belentschikow), В. Я. Беленчиков (W. Belentschikow)

Майнцкая Академия наук и литературы (Германия) / Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz
Двуязычная лексикография, общий электронный словарь, отбор словника, межъязыковая эквивалентность

Summary. The Russian-German bilingual dictionary (RDW) by the Academy of Sciences and Literature Mainz comprises the vocabulary of the standard language of contemporary Russian including neologisms and universalised professional and scientific terms as well as the most frequently used words of substandard varieties and words now considered obsolete that, however, occur in the Russian literature of the 19th and 20th centuries. The RDW will take up about 250.000 dictionary entries. Annual CD updates (2006: A-M) will be available. This paper deals with several issues concerning the selection of lexical material, its semantic, grammatical and pragmatic description and its German equivalents.

1. Динамика современного русского языка, особенно его лексической системы, отражается в целом ряде специальных одно- и двуязычных словарей, появившихся с начала 1990-х гг. (в частности, в словарях неологизмов и разновид-

ностей субстандарта). Только началась разработка актуального общего словаря современного русского языка, который должен включать как лексическое ядро стандартного («литературного») языка, так и широко употребляемую в живой

русской речи разговорную и нестандартную лексику (ср. проект «Толкового словаря живого русского языка», представленный Г. Н. Складневской).

Для двуязычной лексикографии понятие современного языка требует еще одного уточнения: Общие словари с русским языком как входным ориентированы на *восприятие* текстов, содержащих самый различный языковой материал, включая и устаревшую в наше время лексику русской литературы и публицистики XIX и XX веков. Такого широкого понимания современного русского языка придерживался Херберт Бройер (1921–1989), основатель проекта «Русско-немецкий словарь» (РНС), разрабатываемого в Майнцской Академии наук и литературы.

2. Как Академический словарь, РНС в объеме 250.000 заголовочных слов должен существенно расширить в немецком языковом пространстве основу для лексикографических трудов в различных сферах и различного назначения, в частности, для учебных словарей, для теории и практики перевода. При отборе словника РНС соблюдаются ряд разнородных принципов (частично противоречащих друг другу), как прагматическая релевантность, частотность, историчность (охватывание лексики, употребляемой в большом историческом отрезке, с синхронной точки зрения современного носителя языка), контрастивное сопоставление материала с выходным (немецким) языком и учет лакув в языке-цели. РНС содержит значительное количество таких слов, значений и устойчивых словосочетаний, которые отсутствуют в

имеющихся общих русско-немецких словарях. Среди них не только неологизмы, субстандартная лексика и устаревшие слова, а также такие общеупотребительные слова, которые не имеют однословных эквивалентов (напр., производные глаголы определенных словообразовательных категорий и многие наименования русских реалий).

3. Хотя такой большой двуязычный словарь русского языка как РНС и не может ограничиться рамками актуальной языковой нормы, но тем более он должен ее четко отразить в интересах пользователя. В частности, большое значение в словаре придается системе помет употребления. Назовем такой тип общего словаря *интегративным* – и в аспекте словника, и в аспекте параметров (морфологических, стилистических, сочетаемостных и др.) характеристики заголовочных слов.

4. РНС издается серией выпусков в электронной версии, в качестве компакт-диска, что дает ряд преимуществ (возможность актуализации словаря и создания апдейтов, разнообразные поисковые функции как в русской, так и в немецкой его частях). Компьютерные технологии открывают большие возможности и для получения представительной информации о языковом употреблении, и для актуализации словаря с учетом языковой динамики. С другой стороны, из этой ситуации вытекают новые вопросы для лексикографии как *филологической* науки. Одной из основных проблем остается отражение лингвистических знаний о языке и речи в общеупотребительных, общедоступных двуязычных словарях для широкого круга пользователей.

Трансонимизация как способ номинации сакральных онимов

И. В. Бугаева

Московский педагогический государственный университет

Агионим, агиоантропоним, агиотопоним, древовидная номинация

Summary. This article is dedicated to the analysis of the sacred onymics. Specifications of defining the terms hagianym, hagiotoponym, hagioanthroponym are provided. The author comes to a conclusion, that the sacred onymics are made by hagianym, going down to theonyms and hagioanthroponyms in their origin.

Сакральный оним (агионим) – это имя собственное, служащее для именования лиц или объектов, на которых, по религиозным представлениям, почитается благодать Божия или святость через чин прославления или освящения. Данное определение шире, чем приводимое в ономастических словарях (Н. В. Подольская). Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что агионим – это гипероним по отношению ко всем сакральным именам собственным. То, что Н. В. Подольская называет агионимом, т. е. имя святого, предлагается называть **агиоантропонимом**, под которым понимается апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых.

При таком подходе разряды агионимов представлены сложной системой, в которую входят агиоантропонимы, агиотопонимы, эортонимы (название церковных праздников), храмонимы (название храмов и монастырей), иконимы (наименование икон), которые составляют ономастическое пространство, объединенное значением святости или сакральности.

В основе первичного сакрального онима обычно лежит теоним (*Иисус Христос, Дева Мария*) или агиоантропоним (*архангел Михаил, преподобный Серафим Саровский*). Структурно такие онимы входят в состав вновь образованных. Их можно условно назвать ядерными ономаосновами.

Выделяются следующие разряды агионимов: **теоним** или **агиоантропоним** (*преподобный Сергей, игумен Радонежский, всея Руси чудотворец*) – **иконим** (*икона преподобного Сергия Радонежского*) – **храмоним** (*храм преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе*) – **эортоним** (*25 сентября / 8 октября Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца*) – **агиотопонимы**: **астионим** (*город Сергиев Посад*), **годоним** (*улица Сергия Радонежского, Сергиевский переулок*), **агороним** (*площадь Сергия Радонежского*), **комоним** (*село Сергиевка*).

Такой метод номинации одни ученые называют «блочным принципом» (Е. М. Поспелов), другие – использованием «социально-символического кода» (Ю. Лотман), третьи – «эмблематическим» (М. В. Голомидова) и т. д. Но во всех определениях и комментариях к ним наблюдается одна и та же неточность. Считается, что основой агиотопонима служит наименование церкви, а от ее названия идет наименова-

ние улицы, площади, переулка, спуска и т. д. Подобное утверждение верно лишь отчасти. Требуется одно важное уточнение, что в основе всех агиотопонимов лежит теоним или агиоантропоним. Церкви освящаются и получают свое наименование либо по теониму (обычно опосредованно через евангельские события, связанные со Спасителем или Богородицей, например: Христорождественский храм, Воскресенский, Введенский, Успенский и т. д.), либо по агиоантропониму (Ирининский храм, храм царевича Димитрия, Космодамианский, Елизаветинский, Марфо-Мариинский и другие). Встречаются и сложные наименования, когда в состав композита входят теоним и агиоантропоним (Свято-Троице-Сергиева Лавра). Затем по наименованию храма назывались улицы, площади, переулки. Например: Софийская площадь в Киеве названа по Софийскому собору, Андреевский спуск – по храму Андрея Первозванного. Одному из мостов в Санкт-Петербурге 20 апреля 1738 года было присвоено название Рождественский мост (в написании, принятом в XVIII веке) по церкви Рождества Богородицы, стоявшей близ моста на месте Казанского Собора. Но современное название дано по Казанскому Собору. Следовательно, наименование урбанонимов по названию храма – это явление вторичной номинации или трансонимизации.

Теонимы и агиоантропонимы являются ономаосновами и для наименования икон (икона Божией Матери Владимирская; икона святителя Николая Мирликийского), которые, в свою очередь, лежат в основе наименований церковных праздников (Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, 26/8 августа), а также храмов (храм Владимирской иконы Божией Матери в Сретенском монастыре).

Такой способ многоступенчатой номинации предлагаем назвать способом *древовидной номинации*. Причем направление и последовательность трансонимизации четко определяются и мотивируются.

Трансонимизация может происходить как внутри класса сакральных онимов, так и переходить в другие онимические классы. Например: корабль: «Святой Петр», субмарина «Святитель Даниил Московский»; памятник Митрофанию

Воронежскому в городе Воронеже; фонд святителя Николая Мирликийского; орден Андрея Первозванного, медаль и орден преподобного Сергия Радонежского; шрифт Киприан; издательство «Святитель Киприан» в Москве; в Ярославле проходят Образовательные Свято-Игнатиевские чтения, посвященные памяти святителя Игнатия Брянчанинова; в Болгарии есть гостиница «Св. Николай» и популярный курорт «Свв. Константин и Елена» и т. д.

В результате можно сделать несколько выводов. Во-первых, трансонимизация – распространенный способ номинации в сакральном ономастиконе.

Лексическая категория «атмосферные осадки» и прототипический характер ее организации

В. П. Васильев

Кемеровский государственный университет

Категория, прототип, образная схема, базовое слово, типичность

Summary. The report suggests the psycholinguistic description of the superordinate category «atmospheric precipitation» given in the terms of the category typicalness and the category member innumeration methodology.

В последние три десятилетия категоризация из области предпосылок превращается в предмет для междисциплинарного анализа. В гуманитарных науках (когнитивной психологии, психолингвистике, философии, когнитивной и традиционной лингвистике) проблемное поле ее осмысления, развернувшееся вокруг установления принципов распределения объектов по тем или иным группировкам, конституируется через противостояние неклассических категорий (прототипических категорий, категорий семейного сходства) классическим. При освещении разных ракурсов проблемы категоризации охватываются, как правило, вопросы «о сути категории, о членстве в ней, о разных типах категорий и, наконец, о том, как человек приходит к созданию тех или иных категорий и какую роль во всем этом играет язык» [Кубрякова 2003].

Необходимость в разработке категориальных проблем обусловливается насущной потребностью ученых создать непротиворечивую теорию категоризации, подтверждаемую воспроизводимыми результатами в ходе ее распространения на широкую систему семантических областей и вписываемую в существующие представления о разнообразных моделях генерализации знания, о механизмах построения единого смыслового пространства.

В докладе предлагается психолингвистическое описание суперординатной категории «атмосферные осадки». Его основная задача сводится к тому, чтобы показать проявление семантической группировки как субъективной категории обыденного, житейского сознания («в оценке типичности и в данных методики перечисления членов категории» [Григорьев 2004].

Категориальный класс, воссоздаваемый по результатам классификационного эксперимента на производстве примеров категории, «укомплектовывается» носителями языка разными способами. Большинство русскоговорящих подводит под имя суперкатегории те метеонимы, которые имеют сходство с ним по существенным признакам (*дождь, изморось, проливной дождь, снег, слякоть, крупа, иней, роса* и др.). Испытуемыми также допускается отнесение единиц к группировке по наличию в них трансформированного (переработанного) набора существенных признаков (*дождинка, градинка, снежинка, росинка*). Элементы, включающиеся в такой образ в метеонимический класс, упорядочиваются в нем гипер-гипонимическими (*осадки: дождь – снег...*) и партитивными (*дождь – дождинка* и т. п.) отношениями.

Меньшая часть информантов при подборе примеров категории основывается «на целостном образе объекта, рассматривая его как включенный в конкретную ситуацию...» [Фрумкина 1991]. При конкретном подходе атмосферные осадки рассматриваются (а) либо в аспекте их функционального состояния (*моросить, морозящий*), (б) либо с учетом метеорологических условий и источников их образования (*мороз, туман, ветер, тучи, облачность*), (в) либо в ракурсе совместного существования с другими атмосферными яв-

Во-вторых, можно выделить два типа трансонимизации: внутри класса агнионимов и «межклассовый» тип (термин М. Поварничиной).

В-третьих, большая группа имен собственных, возникших в результате трансонимизации, лишь опосредованно связана с идеей святости, хотя в качестве ономаосновы использует одна из разновидностей агнионимов.

Изучение сакрального ономастикона, путей и способов номинаций, мотивированных агнионимами, обогатит наши знания об именах собственных и поможет лучше узнать русскую историю и культуру.

ниями и небесными телами (*ветер, ураган, вихрь, пурга, буря, метель, вьюга, шторм, циклон, буря, гроза, гром, молния, туман, радуга, солнце*), (г) либо с позиции обусловливания ими функционирования предметов (*зонтик*), возникновения каких-либо объектов и явлений (*лужи, наводнение, потоп, сель*). Многие факты онтологической связанности перечисленных реалий, оказавшиеся значимыми для носителей языка, овнешняются в лексической системе.

Выявленный в процессе классификационных решений корпус единиц с точки зрения их задействованности в языковом расчленении атмосферных осадков, представляя неоднородный, распадается на две группы: слова, образующие внутреннюю организацию категории (*дождь, дождинка, ливень, морось, моросить, снег, крупа, град, роса, иней* и др.), и слова, находящиеся на ее границе, нечеткостью которой создается межкатегориальный взаимодействия, напр., «стихия (*гроза, наводнение, потоп, сель, шторм*) – атмосферные осадки (*дождь, осадки, ливень*)», «ветер (*буря, пурга* и т. п.) – атмосферные осадки (*дождь, снег, град, ливень, снеговой*)», «оптическое явление (*смог, туман, радуга*) – атмосферные осадки (*дождь, снег*)», «атмосферные осадки (*слепой дождь*) – небесное тело (*солнце*)».

Специфика метеонимов, из которых складывается внутренняя организация категории, состоит в том, что они, являясь ее вероятностным ядром, различаются по отношению к имени категории (а) частотой упоминания при воспроизводстве категории (*дождь* 265, *снег* 262, *град* 216, *роса* 50, *иней* 49), (б) частотой первоочередного упоминания (*дождь* 160, *снег* 70, *град* 22, *роса* 5, *иней* 3), (в) средним порядковым номером в последовательности упоминаний (*дождь* 1,65, *снег* 2,09, *град* 2,88, *роса* 4,12, *иней* 4,34). Три ряда показателей, коррелируя, свидетельствуют о доминировании метеонимов *дождь* и *снег*, что определяется, помимо других факторов, также фактором их типичности. Будучи центральными членами категории, они воспринимаются как опорные понятия подклассов «жидкие атмосферные осадки» и «твердые атмосферные осадки», психологическая реальность которых удостоверяется дифференцированной идентификацией метеонимов *иней* и *роса* в свободных ассоциативных экспериментах (ср.: *иней: снег*, но не *дождь*; *роса: дождь*, но не *снег*).

Для углубления положения о степени типичности членов категории испытуемым предлагается оценить по шкале от 0 до 3 меру соответствия данных слов понятию «атмосферные осадки». Эксперимент показывает, что носители языка характеризуют слова *снег* 37, *дождь* 35, *град* 29 как лучшие образцы категории, или прототипы. Слова *иней* и *роса* оцениваются противоречиво: то как в большей степени соответствующие категории (*роса* 4, *иней* 3), то как достаточно соответствующие категории (*иней* 10, *роса* 10), то как мало (*роса* 11, *иней* 10) или совсем не соответствующие ей (*иней* 15, *роса* 13). Отсюда следует, что анализируемая категория

имеет градиционную структуру. Асимметрия ее членов, ведущая к прототипному эффекту, создается не только тем, что некоторые члены подклассов (*иней, роса*), отягощенные дополнительным значением, влекущим к его синкретизму (ср. *роса* «водяные капли, осаждающиеся из влажного воздуха на поверхности растений, почвы...» и – *дождь* «атмосферные осадки в виде капель воды, выпадающей из туч»), не выражают свойств категории в чистом виде, но и тем, что члены категории (см. ее базовые слова *дождь, снег, град, иней, роса*) по-разному претворяют в своих значениях генетически единую для них образную схему «небо –

земля» (ср. *небесная, божья...роса*), являющуюся имплицитной репрезентацией категории.

Таким образом, класс метеонимов, обозначающих атмосферные осадки, формируется в виде межчастеречного семантического поля с гетерогенными измерениями его членов (*дождь – моросить, дождь – дождевика, осадки: дождь*), вероятностным ядром которого является субстантивная таксономическая группировка (*осадки: дождь – снег – град – иней – роса*), носящая прототипический характер. Другие, периферийные члены категории, расширяющие это ядро, связаны с ним семейным сходством.

О лексикографическом проекте «М. В. Ломоносов: словарь языковой личности»

С. С. Волков

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

История русского языка, XVIII век, Ломоносов, словарь

Summary. This paper is devoted to the problem of compiling an idiolect dictionary of Mikhail Lomonosov, the great Russian scholar and poet. It includes a brief review of a) main principles of such dictionary; b) novel structure of the entry in Lomonosov's dictionary. The dictionary should be multilingual, i. e. based on the M. Lomonosov's texts written in Russian as well as in Latin and German.

1. Роль академической науки при формировании русской культуры и русского литературного языка в настоящее время исследована явно недостаточно. Для деятелей российской науки XVIII века латинский, немецкий и французский языки были живым средством отражения и освоения окружающего мира, средством познания и научного поиска. Поэтому было принято решение включить в эмпирическую базу «Словаря языковой личности» М. В. Ломоносова все его произведения, написанные не только на русском, но и на латинском и немецком языках, и, таким образом, сделать его *тремязычным*. Несправедливо было бы исключать такого объема и культурного значения материал из объекта исследования, особенно когда мы ставим своей целью изучение языковой личности такого масштаба. Это позволит нам показать современникам огромный интеллектуальный, нравственный, эмоциональный потенциал М. В. Ломоносова как самостоятельного мыслителя и, одновременно, как ученого, глубоко интегрировавшего культуру античности и культуру Западной Европы Нового времени.

2. Общий замысел «Словаря языковой личности М. В. Ломоносова» формулируется как создание универсального словаря-тезауруса энциклопедического характера с развернутыми дефинициями, специальным справочным аппаратом и перекрестными отсылками. Создаваемый словарь по словнику и по системе сведений, сообщаемых при интерпретации слова, может быть квалифицирован как *толково-энциклопедический объяснительный многоязычный полный исторический словарь*. В отечественной лексикографической традиции мы не находим ему аналогов. Соответственно энциклопедизму М. В. Ломоносова он будет первоначально составляться в виде разных по объему отдельных выпусков.

3. Главными параметрами такого словаря, в значительной степени отличающегося от других авторских словарей, с нашей точки зрения являются следующие:

- полностью должен быть показан индивидуальный набор языковых средств, выражающийся в *выборе* слов и словоупотреблении, а более всего в сочетаемости слов, в эффектах смысловой многоплановости, распространительных, образных и переносных употреблений слова;
- словарь представляет собой по возможности полное описание семантико-стилистической системы автора, включая характеристику различных сторон словоупотребления, организацию смысловой структуры многозначного слова и отдельных лексико-семантических групп; в способах экспрессивно-семантического обогащения слова и в типах используемых образных средств; в тяготении автора к тем или иным лексическим пластам словаря; в отражении и преобразовании семантических, словообразовательных, сочетаемостных, экспрессивно-стилистических связей слов.
- семантическая разработка описания слова составляет сущность и специфику авторского словаря. Особое вни-

мание при этом уделяется четкому определению устойчивых семантических элементов слова, демонстрации оттенков словоупотребления, изблюбленных авторских образных средств, описанию ключевых и значимых для автора слов, выделению видоизмененных контекстных связей слов и мн. др.;

- формально-структурное описание индивидуальной языковой системы М. В. Ломоносова включает акцентологическую, вариантно-инвариантную, валентностную, лингвостатистическую информацию в виде реестра всех форм заголовочного слова с указанием частоты употребления. Предполагается размещение в конце каждого выпуска словаря алфавитного списка слов и обратного словаря;
- элементом словарной статьи должен стать также стиховедческий комментарий к слову в поэтическом тексте Ломоносова;
- в словник словаря непременно включаются собственные имена, топонимическая и антропонимическая лексика ввиду особой смысловой специфики.

4. Особые параметры «Словаря языковой личности М. В. Ломоносова» требуют особой организации словарной статьи. Такая статья должна включать 16 элементов (основных и факультативных):

1. *Заголовочную единицу* (слово или номинативное словосочетание) в виде формы-репрезентанта. В число заголовочных слов, как уже указывалось выше, включаются практически все лексические единицы произведений М. В. Ломоносова, включая географические наименования – *Абиссинские горы, Азов, и т. д.*, а также производные от них (ср. *американские степи, трава, деревце* или *аглинская миля, язык*), наименования астрономических объектов, этнонимы, греко-римские мифологические, библейские имена и имена литературных персонажей и мн. др. Необходимо включить в словник «Словаря языковой личности Ломоносова» наименования реальных исторических лиц XVII–XVIII веков, мало известных сейчас, но значимых в контексте личности М. В. Ломоносова, особенно тех имен, написание которых отличается от современного. Неизбежно включение в словник и производных от собственных имен притяжательных и относительных прилагательных типа *бернулиев, бошлов, волфианский (вольфианский), гассендов, гоксбетиев, зугениев, невтонов* и пр.

2. Латинские или немецкие эквиваленты леммы в авторских переводах Ломоносова, ср. *алмаз – diamas, diamantis* и *adamas, adamantis; диссертация – dissertatio*, сокр. *diss.*

3. *Статистические сведения*, т. е. указание на количество употреблений заголовочной единицы в текстах М. В. Ломоносова (в круглых скобках).

4. *Грамматическую характеристику заголовочной единицы*. Так называемые *о п о р н ы е* формы слова, которые традиционны для русских словарей и служат для определения типа словоизменения, приводиться не будут.

5. *Этимологические сведения* (только для новаций русского языка XVIII в. и индивидуально-авторских слов Ломоносова).

6. *Характеристику речевой употребительности слова.*

7. *Семантическое описание слова и историко-культурный комментарий.*

8. *Демонстрацию типичной для М. В. Ломоносова лексической сочетаемости слова и особенностей его употребления.* Тем самым появляется возможность строгого описания валентности слова и его семантики в зависимости от синтаксической позиции.

9. Приводимые цитаты по возможности будут полностью отражать все тексты Ломоносова.

10. *Параллельные иноязычные (латинские и немецкие) тексты.*

11. Особую проблему представляет объединение латинских, русских и немецких лексем в пределах одной словарной статьи.

12. *Демонстрацию употреблений слова в составе устойчивых сочетаний и фразеологических единиц.*

13. *Иллюстрацию употреблений слова в составе устойчивых сочетаний и фразеологических единиц.*

14. *Параллельные иноязычные (латинские и немецкие) тексты, которые вводятся с помощью знака ⇔.*

15. *Полный грамматизированный реестр употреблений заголовочной единицы в текстах М. В. Ломоносова* (словоформоуказатель) с шифрами.

16. *Справочный отдел*, в котором помещаются сведения о фиксации заголовочной единицы в изданных в XVIII веке словарях и в современном «Словаре XVIII века».

Прагматические характеристики глаголов в метафорических значениях

Т. М. Воронина

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург

Семантика, прагматика, глагол, метафора

Summary. The article deals with pragmatic components of the semantics of metaphoric verbs. The investigation is based on the verbs denoting speech activity.

В современной лингвистике активно ведутся исследования тех характеристик языковых единиц, которые связаны с языковой личностью, с говорящим, с выражением его отношения к сообщаемому, с проявлением в семантике различных характеристик коммуникативной ситуации и т. д. Эти категории становятся зоной пересечения семантики и прагматики.

Исследователи характеризуют глагол как сложную, комплексную единицу словаря (Ю. С. Степанов, Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко и др.). Представляется, что прагматический компонент глагола связан с отношениями субъекта, адресата, самого действия и говорящего.

К прагматическим характеристикам метафорических глаголов речевой деятельности мы относим следующие.

1. **Отношение субъекта к своему речевому действию:** добровольно, по своему внутреннему побуждению (*исповедоваться, открываться*), под внешним давлением (*раскалываться*), небрежно, нехотя (*ронять, проронить, обронить, бросать*), ненамеренно (*вырываться, выплескивать, споткнуться, запнуться, поперхнуться, брякнуть, бухнуть*).

2. **Статусные отношения субъекта и адресата речи:** адресат – вышестоящее лицо, организация (*стучать, капать*), субъект – человек, вышестоящий по социальному положению или старший по возрасту (*оборвать, одернуть, осадить, укоротить; привязываться, прицепляться, цепляться*).

3. **Эмоциональное состояние субъекта речи и / или личностные отношения субъекта и адресата:** положительное эмоциональное состояние субъекта (*щебетать*), отрицательное эмоциональное состояние субъекта (*взорваться, извергать*), сдержанность, нерешительность субъекта (*ронять, проронить, обронить*), высокомерное отношение к адресату

(*ронять, проронить, обронить, бросить*), волнение, удивление, замешательство, смущение субъекта (*запнуться, поперхнуться*), доверие к адресату (*исповедоваться, открываться, выкладывать*), недовольство поступками или высказываниями адресата (*оборвать, одернуть, осадить, укоротить, привязываться, прицепляться, цепляться*), и др.

4. **Отношение говорящего (наблюдателя) к действию:** характеристика манеры говорения – неприятно (*блеять, скулить, дребезжать*), неправильно (*ломать, комкать, глотать, жевать*), надоедливо (*стрекотать, трещать, тархтеть, зудеть, пилить*), непонятно (*городить, плести*), удачно (*ввернуть*), неудачно (*брякнуть, бухнуть*), или характеристика, оценка самого речевого акта – чаще отрицательная (*стучать, капать, чернить, привязываться, прицепляться, цепляться*).

Таким образом, метафорическое значение глагола можно рассматривать как сложную структуру, в которой коннотативный элемент, являясь обязательным компонентом метафорического значения и занимая определенное положение в семной иерархии, в то же время является источником прагматической информации. Прагматические характеристики метафорических значений для глаголов речи заключаются не столько в оценочном компоненте (для глаголов речи это не самая важная позиция, в отличие, например, от эмотивных глаголов или глаголов поведения), сколько в скрытой в глагольном значении позиции наблюдателя. Так, вряд ли достаточно *я заскулил, я продрезжал*, так как именно наблюдатель приписывает говорящему соответствующие речевые действия. Более важным оказывается не оценочный компонент (распределение значений по шкале «плюс – минус»), а интерпретативный компонент семантики слова.

Семантические архаизмы заимствованного происхождения в диахроническом аспекте

Н. В. Габдреева

Казанский государственный технический университет

Заимствования, прототип, семантическая структура, восприятие, билингвы

Summary. In the report, the ways of semantical archaisms' building on the basis of translated and original texts of the end of the XVIII–XIX centuries are observed.

Разновременные переводы французской и английской литературы конца XVIII – XIX в. являются особым источником изучения истории русского языка, процессов, происходящих в лексическом составе. Так, сопоставление разновременных переводов между собой позволяет выявить процессы семантической и лексической архаизации, проследить их этапы и связанную с ними частотность употребления архаизмов у разных переводчиков, определить восприятие уста-

ревшей единицы в языковом сознании носителей, в данном случае – билингвов. Общеизвестен факт, что в XVIII–XIX веках дворянство характеризовалось би- и полилингвизмом: как правило, владели несколькими европейскими языками. Ценный материал для лингвистических наблюдений представляют и оригинальные литературные тексты (например, произведения А. С. Пушкина), относящиеся к творчеству билингвов. Анализ этих памятников и сравнение с данными

переводов позволяет сделать некоторые наблюдения над восприятием отдельных лингвистических единиц и категорий. Мы выбрали для изучения семантические архаизмы, т. е. единицы, у которых в рассматриваемый период – конец XVIII – XIX в. – в русском языке устарело лексическое значение.

Цель настоящего исследования заключается в анализе психологической категории восприятия редуцированного значения лексем. Особенность рассматриваемых слов состоит в том, что они по своему происхождению являются заимствованными из европейских языков. На определенном этапе (в общем это XVIII – 1 пол. XIX в.) семантическая структура прототипа и коррелятивного заимствования совпадала. В результате неодинаковой подвижности развития значений в разных языках к XIX веку произошла семантическая редукция некоторых прямых или переносных значений у русских заимствований, в то время, как в английском или французском языке это значение активно функционировало. Таким образом, на примере анализа творчества билингвов представляется возможность определить, осознавалась ли эта разница в статусе значений у коррелятивных лексем.

В русских источниках встречаются следующие семантические архаизмы: *ликвор* 'вода', *карусели* 'конные состязания', *шарлатан* 'площадный продавец лекарств', *водевили* 'песни фривольного содержания', *инвалид* в значении 'ветеран', *кабинет* 'собрание ценностей', *педант* 'человек, имеющий широкие, но неглубокие знания', *министр* в значении 'посол', *анекдот* в широком значении 'происшествие, любопытная история' и некоторые другие.

Механизм образования следующий: в русском языке XVI–II – начала XIX века эти заимствованные слова функциони-

ровали в указанных значениях, унаследованных из английского и французского языков, на что указывает словарная фиксация ([4], [5]). Однако впоследствии происходит арханизация первичных значений в русском языке, заимствования семантически меняются: *кабинет* в XIX веке – это 'комната для уединенных письменных занятий' ([1: 2, 70]), *министр* – 'должность государственного чиновника', у лексемы *артист* доминирует театральное значение, у лексемы *анекдот* произошло сужение семантического поля: 'смешная история', *водевиль* – это 'сатирическая пьеса', *инвалид* – 'человек, получивший увечье в баталии'. Однако в рассматриваемых переводах и пушкинских текстах указанные заимствования продолжают функционировать в архаичных для своего времени значениях. Поскольку в языке источнике (английском и французском) рассматриваемые значения не устаревают, они, кстати, сохраняются и в современном состоянии, в языковом сознании билингва, по-видимому, происходит смешение, продлевающее жизнь в русском языке XIX века семантическим архаизмам.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание. СПб., 1880.
2. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы и повести. М., 1977.
3. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии Герцена и Огарева. Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой / Перевод с английского языка: Репринтное воспроизведение. М., 1990.
4. Словарь французских речений первообразных... иждивением и трудами Ильи Яковкина. СПб., 1796.
5. Dictionnaire de l'Academie française. Nouvelle édition. Lion, 1777. Т. 1–2.

Функциональная ассимиляция английских заимствований в переводной литературе II половины XIX века (на материале русских переводов «Записок княгини Е. Р. Дашковой» и В. Теккерея «Ярмарка Тщеславия. Роман без героя»)

А. В. Гаврилов

Казанский государственный технический университет им. А. Н. Туполева
Ассимиляция, заимствование, оригинал, перевод, корреляция

Summary. The report is about the process of assimilation in translations of English Books of the XIXth century into the Russian language. It is based on translations of «Memoirs of the princess Daschkaw» and W. Thackeray's «Vanity Fair». In this research we study two main groups of translated words: correlative and non-correlative and their functioning in Russian.

В связи с нарастающим интересом русского общества к английскому языку и культуре в XIX веке (Ю. С. Сорокин, С. А. Беляева) перевод английской художественной литературы получает широкое распространение. Особого апогея данный процесс достигает в 30–90 годы XIX столетия. Особенностью рассматриваемого периода является сосуществование разновременных переводов одного оригинального текста, выполненных разными переводчиками. Сопоставление оригинального текста с переводами и разновременных текстов между собой дает возможность проследить этапы фонетической, грамматической, семантической ассимиляции английских заимствований, определить частотность употребления, выявить восприятие заимствованной единицы языковым сознанием билингва (переводчика) на определенном этапе развития языка.

Как известно, ассимиляция – это уподобление иноязычного слова закономерностям языка-рецептора. Данный процесс включает в себя комплексное освоение иноязычной лексемы на всех уровнях: графическом, лексическом, семантическом, грамматическом. Методологической основой нашего исследования функциональной ассимиляции английских заимствований явилась концепция Н. В. Габдреевой, которая провела изучение функциональной ассимиляции французских заимствований на материале переводной литературы XVIII–XX вв. Функциональная ассимиляция ею определяется как категория осознания иноязычности, восприятие заимствованного слова не как иноземного, чужого, а как принадлежащего лексической системе русского языка

([1]), и может быть определена преимущественно на переводном материале.

В результате сопоставления оригиналов и переводов XIX века, на материале «Записок княгини Е. Р. Дашковой» и «Ярмарки тщеславия. Роман без героя» Уильяма Теккерея можно обнаружить две группы ассимилированных слов:

1. Лексемы с полной корреляцией – прототипу в языке оригинала соответствует коррелятивное заимствование в языке-рецепторе:

а) имена собственные: *Варвара* – Barbara, *Ревекка* – Rebecca, *Флоуэрдью* – Flowerdew, *Джозеф* – Joseph (автор перевода использует сокращенную форму имени, которая также присутствует в языке оригинала, но отсутствует в анализируемом произведении), *Цвистэл* – Swishtail, *Альдэрмэн* – Alderman, *Джэкс Спот* – Jack Spot;

б) географические названия: *Чизвикская аллея* – Chiswick Mall, *Россель Сквэр* – Russell Square, *Сого* – Soho;

в) нарицательные имена существительные: *пудинг* – pudding, *кампания* – campaign, *желе* – jelly, *кэж* (со значением торт – лексема не известная русскому обывателю, в тексте перевода отсутствуют сноски, комментарии) – cake, *фирма* – firm, *букет* – bouquet, *фамилия* – family, *интерес* – interest, *тост* – toast, *апатия* – apathy, *проект* – project, *секретарь* – secretary, *негр* – negro, *катастрофа* – catastrophe, *волонтер* – volunteer, *сцена* – scene, *энтузиазм* – enthusiasm, *экономика* – economy, *крикет* – cricket, *опера* – opera, *сити* – city (со значением 'центр города'), *миллион* – million, *анекдоты* – anecdotes, *маскерад* – masquerade, *джентельмен* – gentleman, *ми-*

нистр – minister, *риск* – risk, *министр-адъютант* – minister-adjutant, *акт* – act, *фарс* – farce, *мадам* – madame, *канал* – canal;

г) наименования церковных чинов: *викарий* – Vicar.

2. Английские заимствования, которым в оригинале соответствует не коррелятивный прототип, а другое английское слово. Эта группа представлена следующими парами:

а) гиперонимы: *гарнизон* – troop, *артисты* – musicians, *каре́та* – carriage, *литература* – author;

б) гипонимы: *посланник* – ambassador, minister, *зала* – room, *акт* – document, *физиономия* – face, *бриллианты* – jewels, *артистка* – artist, *кабинет* – room, *порт* – harbour, *кабинет* – apartment, *зала* – saloon;

в) субституты: *дамы* – ladies, *брошюра* – pamphlet, *казарма* – barrack, *диван* – sofa, *в партере* – in the pit, *мебель* – furniture, *дача* – country house, *турист* – traveler, *лакей* – servant, *мистер* – Dr., *Наполеон* – Bonaparte, *канцеля́бр* – chandelier, *кабинет* – study, *кавалер* – gentleman, *желе* – jam.

Таким образом, употребление заимствованной единицы в переводах, когда она не поддерживается прототипом в оригинале, является признаком функционального освоения, который подтверждается данными, извлеченными из переводных памятников английской литературы XIX века.

Литература

1. Габдреева Н. В. Лексика французского происхождения в русском языке: Монография. Ижевск, 2001.

Возрождение исторической топонимии в России в конце XX — начале XXI в.: опыт, проблемы, перспективы

М. В. Горбаневский

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Москва

Топонимика, исторические географические названия, восстановление, законодательство о языке, историко-культурные традиции

Summary. Historical geographical names are precious relics of the Russian language and our home culture. They came into being throughout the centuries and were closely associated with folk working and spiritual activities. The objective tendency to reproduce these names for successive generations should be backed up by the active attitude of Russian scholars and people working in the field of culture. It is the legislation and the publicity that may protect from breaking this tendency because of some subjective factors. As far as the re-establishment of historical names in Russia is concerned, it should by all means be continued.

1. Географические названия (топонимы) – суть лингвокультурные и пространственно-временные вехи истории русского этноса и его языка.

2. Вслед за русским философом С. Л. Франком можно предположить, что в той же степени, как человек немислим иначе как в качестве члена общества, так и любой топоним на самом деле существует в сознании и жизни человека лишь в составе члена своего общества – реальной системы названий, обладающих **общей** лингвистической судьбой, но **собственной** историко-культурной биографией. Она может быть: а) исключительной (уникальной); б) индивидуальной (типологизированной); в) фатической (стандартной, «пустой»), что должно быть учтено при восстановлении топонимов.

3. Часть примеров в докладе взята из городской топонимии **Старой Руссы** (Новгородская область), одного из древнейших городов России, впервые упомянутого в летописи в 1167 г. На карте г. Старая Русса значатся 182 официально принятых топонима. Это – названия улиц, переулков, площадей и набережных. Из них лишь пять (т. е. всего 2,7%!) существовали до большевистского переворота 1917 года. Это – *Великая ул.*, *Калинина ул.* (по фамилии домовладельца XVIII в.), *Кречевская ул.* (названная по направлению к старинному Крчевскому Никольскому монастырю), *Георгиевская улица* (впрочем, с 1930 по 1992 г. носившая название *Урицкого* в честь одного из организаторов «красного террора» в Петрограде, председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого, убитого эсером в 1918 г.), *Кузнечный пер.* (по кузнечным мастерским, отмечен на карте Старой Руссы еще в 1901 г.). *Георгиевская ул.* – **единственный восстановленный** в Старой Руссе исторический топоним: возвращен в 1992 г. благодаря усилиям настоятеля храма св. Георгия Победоносца (XV в.) архимандрита Агафангела.

4. **Первая разновидность – уникальные топонимы** типа названия *Бряшная Гора*, восходящего, очевидно, к древнему культу праздничных обрядовых трапез. По своей этимологии и фоновым знаниям он действительно **уникален** и может быть отнесен к числу особо ценных, нуждающихся в возрождении и последующей госохране.

5. **Вторая разновидность – типологизированные исторические названия**, ср. старорусские топонимы *Покровская ул.*, *Введенская ул.*, *Троицкая ул.*, *Мостовая ул.*, *Торговая пл.*, *Поперечная ул.* и др., обладающие интересной индивидуальной историко-культурной биографией, одновременно представляющие собой типовые компоненты общего топонимического контекста дореволюционного русского города. Они достойно мотивированы исторически и географически, также представляют собой памятники языка и культуры и нуждаются в восстановлении на карте Старой Руссы.

6. **Третья разновидность** – такие старорусские топонимы, как *ул. Либкнехта*, *ул. Клары Цеткин*, *ул. Перовской*, *ул. Халтурина*, *ул. Энгельса*, *ул. Маркса*, *ул. 8 Марта*, *ул. Державинского*, *ул. Красных Командиров*, *ул. Октябрьских Событий* и др. Их историко-культурная биография бессодержательна, «пуста» – как по первоначальной мотивации, так и, как правило, по отсутствию всякой связи с историей и культурой древнего русского города Старая Русса. Данная разновидность определяется нами как **фатическая (стандартная)**, «**пустая**» историко-культурная биография топонима. К тому же ими были заменены (уничтожены) десятки исторических старорусских топонимов.

7. В советское время в топонимии господствовал идеологический диктат, приводивший к тому, что в ранг героев в СССР могли возводиться даже террористы, а их имена увековечивались на картах городов. Историческое название *Введенская улица*, связанное с одним из главных храмов Старой Руссы – *церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы XVIII в.* (давней неофициальное наименование целой части города – *Введенской стороне*) в 30-е гг. XX в. было заменено на *ул. Халтурина* в честь некоего *С. Н. Халтурина*, который в феврале 1880 г. с целью покушения на императора Александра II произвел взрыв в Зимнем дворце, повлекший за собой гибель десятков безвинных жертв – от горничных и официантов до простых солдат. С 1881 г. Халтурин был членом исполкома «Народной воли», исповедовавшей политику террора (повешен в Одессе за участие в убийстве военного прокурора).

8. Акад. Д. С. Лихачев писал советской молодежи: «...Безрадостную картину представляют наши названия улиц. Во всех городах и всях один и тот же набор имен, сработанных по идеологической модели во времена сталинщины. Поэтому я всячески приветствую возвращение на карту Москвы имен-памятников Земляной Вал и Моховая, Маросейка и Воздвиженка, Лубянка и Театральная площадь... В них живет история столицы, эти имена станут связующими нитями между прошлым и настоящим. Они станут частичкой памяти, которая вольется в набирающий силу поток культурного возрождения» («Комсомольская правда». 15.12.1990).

9. Начало движению по возвращению исторических топонимов было положено в 1988 г. научно-общественным советом по топонимии Советского фонда культуры. СФК провел в 1989 и 1991 гг. две Всесоюзные конференции «Исторические названия – памятники культуры». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на карту России, в русскую речь и культуру вернулось полтора десятка наименований старинных городов: *Нижний Новгород* (Горький), *Тверь* (Калинин), *Самара* (Куйбышев), *Екатеринбург* (Свердловск) *Сергиев Посад* (Загорск), *Санкт-Петербург* (Ленинград) и др., в Моск-

ве и Санкт-Петербурге были возрождены десятки исторических топонимов, сейчас уже снова ставших привычными для всех поколений людей. Однако эта работа по ряду причин (входящих в общий специфический контекст развития социально-политической ситуации в России) затормозилась, несмотря, например, на принятие Мосгордумой в октябре 1997 г. важного и научно выверенного закона г. Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы», одним из авторов которого был докладчик.

К вопросу о запретной лексике в речи криминального мира

М. А. Грачев

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Табу, воровская речь, инвектива

Summary. The article “The problem of lexical units prohibited for usage in the speech of criminal communities” is devoted to the origin of a number of thieves lexemes the causes of their changes into “taboos” and the reasons for their penetration into the general Russian language.

В данной работе проанализирована группа слов, которая является табуированной в воровской речи, но используется в общенародном языке. Считаем, что материалы и выводы не только расширят представления о русском языке, в частности, об одной из его разновидностей – речи криминальных элементов, но и могут быть полезны при составлении лингвистических судебных экспертиз. Анализ специфических слов и выражений будет способствовать более четкому представлению о философии уголовных элементов, их мировоззрении. Табуирование в речи профессиональных уголовников связано либо с их законами, либо с воровской мистикой.

Приведем основные группы табуированных слов русской воровской речи.

Обозначения жертв преступлений (*лох, фрайер, фуцен*). Называя так своих жертв, уголовник вкладывает в эти слова презрение и ненависть к законопослушным людям. Не случайно лексема *лох* является сейчас самым страшным оскорблением в речи воров, бизнесменов и школьников.

В криминальной среде нельзя употреблять выражение «*Я на тебя обиделся*». Ответ: «*на обиженных в зоне воду возят*», т. е. *обиженный* – представитель низшей касты в исправительном учреждении. И, кроме того, воровское сообщество в местах лишения свободы не признает сентиментальных чувств.

В преступном сообществе не называют нормированными лексемами сотрудников правоохранительных органов и осужденных, сотрудничающих с тюремной администрацией. Так, в речи современных уголовников отсутствуют лексема *милиционер* – только *цветной, мент, мусор, легавый*. Со всем как в начале XX века, когда были табуированы названия чинов полиции, суда и прокуратуры, например, лексема *прокурор* и *следователь*: вместо них использовались слова *прокурорша, следовательша*, т. е. обозначения мужчин существительными женского рода.

В речи преступного мира имеются лексемы, связанные с правилами воров в законе. Нельзя говорить *свидетель* – вместо него употребляют лексему *очевидец*. Воровским законом запрещается выступать свидетелем в суде, хотя вор в законе не мог быть и *очевидцем*.

В ряде мест лишения свободы, особенно в тех, где неофициальным лидером является *вор в законе*, имеет место

9. Объективная тенденция к трансляции исторических топонимов от поколения к поколению должна подкрепляться более активной позицией современных российских ученых-филологов, историков, философов, деятелей культуры, а защитой против субъективных факторов нарушения этой тенденции могут стать законодательство и гласность. Восстановление же исторических названий, которые акад. Д. С. Лихачёв назвал в 1991 г. «культурнообразующими скрепами между прошлым, настоящим и будущим», в России непременно должно быть продолжено и сейчас – в начале XXI века.

запрет на использование мата. В этом случае употребление нецензурных слов номинально ставит оппонента, того, кого называют инвективной лексемой, на низшую ступень криминальной лестницы, что ведет за собой различного рода развратательства и драки внутри уголовной среды.

Вместо слова *спасибо* уголовники употребляют лексему *благодарю*. Данное табу восходит к древним верованиям русичей.

Боязнь выдать соучастника нередко вынуждает уголовников говорить неопределенно. Это наблюдается в воровском мире еще со старых времен.

Преступники нередко запрещают называть себя даже по кличкам, отсюда табуированное местоимение *свой*. См. выражение: «*Свой? Стучишь по блату?*» – «Профессиональный уголовник? Говоришь на арго?» Активно использовалось в криминальной речи 40–70-х гг. XX в. лексема *оттуда*, являющееся эвфемизмом к названию исправительно-трудового учреждения. Аналогично с антонимом *туда* (т. е. в тюрьму).

Точно так же в местах лишения свободы лучше не употреблять названия пернатых и собак, так как *курица, наседка, клуша* – подсаженный в камеру секретный сотрудник, *петух пивень, кочет, кречет, гребень* – пассивный гомосексуалист; осужденный, стоящий на низшей ступени криминальной лестницы; *легавый, борзой* – сыщик; следователь, *щенок* – молодой милиционер, *свинья* – судья.

Современные бизнесмены столкнулись с любопытным лингвистическим казусом: если на вопросы профессиональных уголовников они отвечали «нет проблем», то их избивали. Преступники мотивировали это тем, что проблемы у предпринимателей во взаимоотношениях с уголовным миром всегда были, есть и будут.

Мы проанализировали только одну группу табуированных воровских слов, но следует иметь в виду, что уголовная лексика содержит большой объем слов и активно влияет на речь законопослушного населения. Переломить ситуацию в лучшую сторону можно лишь в том случае, если лингвисты будут больше говорить о бедах русского языка, о культуре речи. Общество должно знать всю правду о состоянии русской речи. Лишь тогда оно может предпринять определенные меры.

Энантиосемия в текстах Нового Завета

Е. А. Григорьева

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары

Текст, Новый Завет, антонимия, энантиосемия, синтагматические отношения

Summary. The given research is devoted to studying of the Russian texts of The New Testament.

В лексической системе любого языка важную роль играют антонимы. Иногда в качестве антонимов выступают лексико-семантические варианты одного и того же слова. Данное явление получило в лексикологии название энантиосемии, или внутрисловной антонимии. По мнению большинства исследователей, собственно языковая энантиосемия встречается редко, поэтому она образует непродуктив-

ную разновидность антонимических отношений в лексике (Л. А. Новиков, В. А. Белошапкина, И. Н. Горелов, Т. И. Вендина). Чаще можно встретить речевую энантиосемию, и в этом случае противоположность ЛСВ подчеркивается их различной лексической сочетаемостью, конструктивной обусловленностью, а также разным интонационным оформлением лексико-семантических вариантов одного и того же

слова. Лингвистическое изучение текстов Нового Завета позволило нам выявить ряд примеров языковой энантисемии (ЛСВ *ангел₁* / *ангел₂*, ЛСВ *дух₁* / *дух₂*), а также определить способы ее преодоления в указанном источнике.

Как известно, лексема *ἄγγελος*, имеющая в греческом языке значение 'вестник', была заимствована древнерусским языковыми ареалами в составе культовой лексики. Первоначально сфера функционирования указанной лексической единицы ограничивалась рамками Священного Писания, в текстах которого это слово и сегодня используется в двух основных значениях: *ангел₁* 'по религиозным представлениям сверхъестественное бесплотное существо, добрый дух' и *ангел₂* 'по религиозным представлениям сверхъестественное бесплотное существо, злой дух'. Синонимами первого ЛСВ являются лексемы *архангел*, *серафим*, *херувим*, в то время как второй ЛСВ вступает в синонимические отношения с единицами *бес*, *злой дух*, *нечистый дух*, *нечистый дух бесовский*. Следует указать, что вариант *ангел₂* крайне редко встречается в текстах Нового Завета (всего 7 случаев употребления) и используется только тогда, когда автору нужно актуализировать сюжет о происхождении дьявола, бывшего некогда ангелом, восставшим против Бога и низверженным в ад, например: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною, и ангелы его низвержены с ним» [Откр. 12, 7–9]. Антонимичная семантика данных ЛСВ приводит к тому, что эти единицы имеют различную лексическую сочетаемость, а также графическую оформленность в русском варианте Священного Писания. Так, согласно русской графической традиции, все имена существительные, прилагательные, личные и притяжательные местоимения, служащие для обозначения Бога, Иисуса Христа, Девы Марии или определяющие эти имена существительные должны писаться с прописной буквы, ср.: «Иисус отвечал: если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто. Меня прославляет Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш. И вы не познали Его; а Я знаю Его» [Ин. 8, 54, 55]. Вариант *ангел₁* также всегда пишется с прописной буквы, тогда как семема *ангел₂* остается графически не маркированной: «Когда Ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим» [Лк. 2, 5], «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?» [1 Кор. 6, 3]. Лексическая сочетаемость данных ЛСВ также способствует их различию в текстах Священного Писания. Для лексико-семантического варианта *ангел₁* характерны эпитеты, которые указывают на божественное происхождение объекта номинации: *Ангел Божий*, *Ангел Господень*, *Ангел Мой*, *Ангел Свой* («Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их» [Лк. 2, 9]); его избранность: *Ангел святой* («Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славу Своей и Отца и святых Ангелов» [Лк. 9, 26]); место пребывания: *Ангелы небесные*, *Ангелы с небес* («...но пребывают как Ангелы Божии на небесах» [Мф. 22, 30]). Семема *ангел₂* реализуется в сочетаниях *ангел бездны* («Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Авадон, а по-гречески Аполлион» [Откр. 9, 11]), *ангелы, не сохранившие своего достоинства* («... и ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище,

соблюдают в вечных узах, под мраком, на суд великого дня» [Иуд. 6]), *ангелы согрешившие* («Ибо если Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания» [2 Петр. 2, 4]), *дьявол и ангелы его* («И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною, и ангелы его низвержены с ним» [Откр. 12, 9]).

В семантической структуре вариантов *дух₁* и *дух₂* антонимичными являются семы 'добрый' и 'злой'. Все остальные компоненты значения этих лексем можно назвать идентичными. В текстах русского варианта Нового Завета разграничение ЛСВ *дух₁* и *дух₂* происходит как и в предыдущем случае синтагматическим и графическим способами. Вариант лексемы с положительной коннотацией, как правило, сочетается с именами прилагательными *Божий* («Если же Я Духом Божиим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божие» [Мф. 12, 28]) и *Святой* («Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же к то скажет на Духа Святого, не простится ему» [Мф. 12, 32]). При отсутствии подобных распространителей на использовании этого ЛСВ указывает его графическая оформленность, а именно написание варианта с прописной буквы («Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку: а хула на Духа не простится человекам» [Мф. 12, 31]). В свою очередь ЛСВ *дух₂* входит в синонимический ряд имен существительных с архисемой 'злой дух' (*бес*, *дьявол*, *сатана*, *вельзевул*, *лукавый*, *князь бесовский*), а также является стержневым компонентом в устойчивых сочетаниях, объединенных аналогичной родовой семой. При этом имена существительные и прилагательные, входящие в состав указанных словосочетаний, уточняют характер тех сил, к которым принадлежит данное существо (*злой дух*, *нечистый дух*, *нечистый дух бесовский*) или указывают на разновидность номинируемого объекта по его функции (*дух глухой*, *дух немой*, *дух немощи*). На наш взгляд, номинация по функции отражает древнейшее представление о том, что недуг возникает в результате внешнего воздействия на человека враждебных ему сил. В христианстве таковыми являются злые духи, иначе бесы, персонифицирующие болезнь: «Его схватывает дух, и он внезапно вскрикивает, и терзает его, так что он испускает пень; и силу отступает от него, измучив его» [Лк. 9, 39] или «Однажды изгнал Он беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить» [Лк. 11, 14], «Там же была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться» [Лк. 13, 11]. Кроме того, в Новом Завете вариант *дух₂* всегда пишется со строчной буквы: «Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных» [Мф. 8, 16], «Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там» [Лк. 11, 26].

Таким образом, в результате языкового анализа текстов Нового Завета можно сделать вывод о том, что разграничение антонимичных ЛСВ одного и того же слова в исследуемом источнике достигается за счет использования не только сочетаемостных ресурсов русской лексики, но и особенностей графического оформления противоположных по значению единиц языка. При этом прием графического маркирования антонимичных ЛСВ характерен исключительно для русской письменной культуры и не встречается ни в англоязычном, ни в тюркоязычном языковых ареалах.

«Антропнимы как единицы художественного текста в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»

В. В. Громова

Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону

Антропнимы, художественный текст, единица художественного текста, функция номинации, коммуникативность

Summary. The story «Village Stepanchikovo and its inhabitants» by Dostoevsky is an example of use antroponimes as units of the text, and this text can be a sample of the educational text on onomastic and expression stylistics lessons.

Антропнимы в художественном произведении связаны с жанром последнего, а также со временем его создания. Повесть «Село Степанчиково...» была закончена в 1859 г. Она «занимает особое место в творчестве Ф. М. Достоевского как образец его юмористического дарования». После смерти

писателя повесть стала популярной, а имя Фомы Фомича Опискина – нарицательным ([1, 479]). Исследователь творческой лаборатории писателя Б. В. Томашевский отмечает: «В речах и проповедях Опискина уже современники увидели пародию на “Переписку с друзьями” Н. Гоголя, и в

самом деле, Достоевский воспользовался некоторыми чертами, характерными для реакционной проповеди Гоголя последних лет, чтобы высмеять их в комических речах своего героя» [1, 479].

Можно утверждать, что писателя находил под влиянием такого интересного явления в русском языке, как коммуникативность, как подчеркнутая, усиленная мотивированность имен собственных, а именно антропонимов действующих лиц, что можно определить как гипертрофированную онимизацию апеллятивов. Продуктивность этого явления возрастает с XVIII в. (Фонвизин) и достигает пика в литературе XIX в. (Салтыков-Щедрин, Гоголь, Чехов). Это явление актуально для произведений сатирического и комического жанров. Анализ мотивированности фамилий повести свидетельствует об авторской эксклюзивности: их нет в словнике одного из объемных антропонимических словарей (8000 словарных единиц) Н. М. Ганжиной [2]. (Автор не исключает их наличие в каком-то из лексикографических ономастических источников.)

В главе «Крайнее недоумение» диалог барина Егора Ильича и слуги Видоплясова по поводу неблагодарности, не эстетичности фамилии последнего в качестве фамилии его как стихотворца. «Неосновательная фамилия-с! – отозвался Видоплясов. – Да почему же неосновательная? – спросил я с удивлением. – Так-с, изображает собою всякую гнусность» [1, 147].

Проблемы мотивированности, эстетичности, социальной маркированности, проблема роли антропонима как эталона художественного образа персонажа могут быть иллюстрированы последней строчкой этого текста, ключевым словом которого является слово «гнусность». Слуга, представитель низшего социального круга, возмнивший себя великим стихотворцем, пытается возвыситься над своей социальной средой с помощью позитивно мотивированной фамилии: в фамилии Видоплясов вторая глагольная часть мотивирована глаголом «плясать», что соответствует модели фамилий такого типа ([4, 95]). Но Видоплясов сознает неэстетичность своей фамилии, осознают это и дворовые люди, острые на язык, не упускающие случая зло пошутить: «...ведь и у отца твоего была такая фамилия? – Это подлинно-с, что чрез родителя моего я таким образом пошел навеки страдать-с, так как суждено мне моим именем многие насмешки принять и многие горести произойти-с, – отвечал Видоплясов» [1, 147]. «...он уже давно страдал от неблагозвучия... – Необлагороженная фамилия-с, – вернул Видоплясов. – Такая фамилия, пожалуй, и повредит... Ну так представь себе, если на заглавном-то листе будет написано: “Сочинения Видоплясова”... “Вопли Видоплясова”, – поправил Видоплясов» [1, 148].

Великий мастер художественного слова Ф. М. Достоевский в данном юмористическом произведении при создании образа Видоплясова мобилизовал прием «говорящего имени», во-первых, по поводу фамилии Видоплясов, во-вторых, при описании процесса перемены этой фамилии, в-третьих, при характеристике цвета галстука. При этом прослеживается

общность аргументации выбора именования: эстетичность и социальность. В оценке и цвете галстука аргументация индивидуальна и неожиданна, эта неожиданность создается использованием модели образования цвета от личного имени, что не характерно для словообразования русского языка: «Так этот галстук аделаидина цвета? – спросил я, строго посмотрев на молодого лакея. – Аделаидина-с, – отвечал он с невозмутимой деликатностью. – А аграфенина цвета нет? – Нет-с, такого и быть не может-с. – Это почему? – Неприличное имя Аграчена-с. – Как неприличное? Почему? – Известное-с. Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с, а Аграченной могут называть всякую последнюю бабу-с. – Да ты с ума сошел или нет? – Никак нет-с, я при своем уме-с» [1, 109].

Анализ окружающего этим микроконтекста позволяет найти мотивирующие слова, ключевые к разгадке особенностей именования. Так, при описании портрета лакея писатель отмечает особенность походки: «Роста он был небольшого, дряблый и хилый и на ходу как-то особенно приседал, находя в этом самую высшую деликатность, будто подплясывал» [1, 109]. При описании образа Фомы Фомича Опискина подчеркивает, что судьба его неожиданно изменилась и что «Фома Фомич есть к тому же и исключение из общего правила». И это подсказывает аналогию с семантикой лексемы «описка»: неожиданна и исключение из правил. Это опосредованная мотивированность антропонима в художественном тексте.

В основе эпизода замены фамилии Видоплясов имеет место поиск лексем с эстетически положительной семантикой (Олеандров, Тюльпанов, Уланов, Верный, Танцев), иногда с оттенком вычурности (Эсбукетов, фамилия с помадной банки!). Но кроме функции номинации, эти единицы представлены в процессе коммуникации, с точки зрения восприятия их определенной социальной средой, а именно дворовых, настроенных агрессивно, т. е. представлены с оттенком отрицательной экспрессии. Это проявилось в рифмовке новой фамилии с обидным словом: Уланов – болванов, Танцев – «уж тут они такую подыскали рифму, что и сказать нельзя».

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» – образец использования онимов как единиц художественного текста, этот текст может быть образцом учебного текста на занятиях по ономастике, экспрессивной стилистике.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Избранные сочинения. М., 1946.
2. Ганжина Н. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
3. Громова В. В. Эстетичность антропонимов в художественном тексте // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Выпуск 3. Семантика. Грамматика. Стил. Текст. Ростов-на-Дону, 2003.
4. Фролова Н. Н. Типы сложных фамилий в «Реестре Запорожского войска 1976 года» // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Выпуск 3. Семантика. Грамматика. Стил. Текст. Ростов-на-Дону, 2003.

Любим ли мы свои имена?

Е. В. Гусева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ономастика, имя собственное

Summary. The paper deals with people's attitude towards their names and possible variants of their names.

В последнее время социолнгвистический и культурологический аспекты ономастических исследований приобретают все большее значение. В этой связи интересно рассмотреть такие проблемы, как отношение людей к своему имени и его формам, к иноязычным вариантам своего имени, к употреблению имени собственного в качестве обращения к родителям.

В сентябре 2006 года было проведено пилотное анкетирование, посвященное исследованию вышеуказанных проблем. В нем приняли участие в основном студенты филологического факультета МГУ. Было опрошено 35 человек. Анкета состояла из 18 вопросов и распространялась по электронной почте:

1. Ваше имя (только имя в той форме, как оно записано в паспорте; фамилия и отчество не нужны)?

2. Интересовались ли Вы значением своего имени?
3. Вам нравится Ваше имя?
4. Хотели бы Вы иметь другое имя?
5. Какое имя, по-Вашему, Вам больше всего подошло бы? Почему?
6. Как Вас звали в детстве родители?
7. Как Вас называли в школе учителя?
8. Как Вас звали в детстве друзья?
9. Как Вас называют друзья сейчас?
10. Как Вас называют родственники сейчас?
11. Встречались ли Вам случаи, когда в русскоязычных семьях дети обращались бы по имени к родителям, бабушкам-дедушкам (вместо «мама», «папа», «бабушка», «дедушка» и их вариантов)?
12. Как Вы относитесь к подобным случаям?

13. *Какие из сокращенных вариантов Вашего имени Вам особенно нравятся?*
14. *Какие из сокращенных вариантов Вашего имени Вам не нравятся?*
15. *Высказываете ли Вы просьбу называть Вас той или иной формой Вашего имени при первом знакомстве с человеком?*
16. *Знаете ли Вы какие-либо соответствия Вашему имени в других языках?*
17. *Если да, то нравятся ли Вам больше иноязычные варианты Вашего имени?*
18. *Слышали ли Вы какие-нибудь варианты Вашего имени, употребленные как кличка животного?*

По результатам данного исследования были сделаны следующие выводы.

Во-первых, практически все респонденты так или иначе интересовались значением своего имени (и это, разумеется, не удивительно, тем более, что основными респондентами были студенты-филологи). Многие в анкете давали объяснение значения своего имени.

Во-вторых, также практически всем ответившим их имя нравится. Однако на вопрос о желании иметь другое имя отрицательно ответили только 27 человек. И только 18 (это чуть больше половины опрошенных) на вопрос «*Какое имя... Вам больше всего подошло бы?*» однозначно указали на свое имя. 14 же человек перечисляли другие, не свои, имена.

На вопросы о вариантах имени, используемых (и использованных) разными людьми для обращения к респонденту, отвечали по-разному. Кто-то перечислял большое количество вариантов, у других было по одному-два. Некоторые приводили также варианты, образованные от фамилии. Варианты «из детства» респондента и используемые на данном этапе его жизни практически одинаковы.

Интересно, что некоторым не нравятся сокращенные варианты их имен (таких среди респондентов оказалось 5 человек (это чуть больше 14%). Только один ответил, что ему нравятся все варианты. 8 человек (почти 23%) не указали вариантов, которые им не нравятся.

Только трое ответили, что не встречали соответствий своего имени в других языках. Многие указывали, что их имена в других языках просто транслитерируются. Только двое ответили, что им больше нравится иноязычный вариант их имени, 21 человек (это 60% опрошенных) предпочитают русский вариант.

9 респондентов слышали свое имя в качестве клички животного, 24 – нет.

На вопрос «*Встречались ли Вам случаи, когда в русскоязычных семьях дети обращались бы по имени к родителям, бабушкам-дедушкам (вместо “мама”, “папа”, “бабушка”, “дедушка” и их вариантов)?*» были получены такие ответы: 25 человек слышали подобные обращения (причем четверо сами называют только по имени кого-то из родителей или бабушку / дедушку). 10 человек ничего подобного не слышали. Отрицательно к подобным обращениям относятся лишь 5 человек из опрошенных, 8 – с удивлением, остальные – или положительно (5), или «нормально» (12).

Интересно также сравнить формы одного и того же имени, используемые в обращении к разным людям, а также отношение имяносителей к данным вариантам. Например, одна из девушек очень не любит, когда к ней обращаются *Наталья*, а другая, наоборот, предпочитает этот вариант, а не *Наталья*. При этом из пяти респондентов в ответе на первый вопрос три написали «*Наталья*», а две – «*Наталья*». Из четырех респондентов по имени *Дмитрий* двое тоже диаметрально противоположно относятся к двум вариантам своего имени – *Дима* и *Митя*. Третьему нравятся оба варианта, но при первой встрече он просит называть его *Дима*, а четвертый предпочитает *Митя*, но некоторым людям он разрешает использовать вариант *Дима*.

Практически все респонденты писали много комментариев, весьма интересных для исследования. Конечно, данный опрос (ввиду малочисленности респондентов) не может дать абсолютно правильной картины отношения людей к вариантам своего имени. Требуется более масштабное исследование, с гораздо большим количеством респондентов (и, разумеется, не только филологов!). Этот опрос является лишь началом предстоящих исследований.

Устный и письменный подлексиконы ментального словаря русского подростка

Т. И. Доценко, Е. В. Бочкарева

Пермский государственный педуниверситет, Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург

Метальный словарь, устный и письменный подлексикон, объем, плотность, развитие

Summary. On written and spoken material of associative experiment in this article are defined the volume and density of spoken and written sublexicons, also revealed relations between them and appear trends of their development in mental lexicon teenager.

Идея о существовании нескольких подсловарей в пространстве ментального лексикона уходит своими корнями в 80-е гг. XX века [Butterworth 1980]. Существование устной и письменной форм речи, различия в их построении позволяют предположить, что каждая форма речи формирует свой подсловарь.

В русистике проблема дифференциации словаря на устный и письменный обычно решается на материале внешней речи взрослых, однако специфику речевого поведения невозможно определить и описать без обращения к внутренним (ментальными) репрезентациям и их динамическим (онтогенетическим) характеристикам. На сегодняшний день наиболее разработанной методикой доступа к ментальным репрезентациям признается методика ассоциативного эксперимента, условия которого могут варьироваться экспериментатором в зависимости от формы предъявления стимула и получаемого ответа. Если ситуации устно-устного и письменного-письменного экспериментов соотносятся с естественными ситуациями устной и письменной речи, то исследователю предоставляется возможность выявить особенности строения и развития внутренних образований, в частности, лексикона, обеспечивающего речевую деятельность индивида в двух формах: устной и письменной.

В данном исследовании на экспериментальном материале, полученном от учащихся 5-х–9-х классов (220 человек), речевая компетентность которых характеризуется развитием устной и становлением письменной речи, определяются

вероятностные характеристики устного и письменного подлексиконов и дается их сравнительная характеристика.

Количественные параметры словников определялись по методике, предложенной А. Агибаловым [Агибалов 1995]: выборка словников (количество ответов реакций, полученных в каждой форме эксперимента), объем словников (количество разных слов в разных формах эксперимента) и плотность словников (отношение объема выборки к объему словника). Полученные результаты показали:

1) объем устного подлексикона русского подростка приблизительно на 25% ниже объема письменного подлексикона;

2) устный подлексикон характеризуется большей плотностью (2.55), чем письменный (2.1), что позволяет говорить о нем как о более однородной структуре по сравнению с письменным;

3) оба подлексикона в своем развитии обнаруживают одинаковые тенденции: подсловари младшего подростка (5–7 классы) стремятся к увеличению своего объема и снижению плотности, а подсловари старшего подростка (7–9 классы) стремятся, наоборот, к снижению объема и увеличению плотности.

На основании сравнительного анализа параллельных ассоциативных полей устного и письменного подлексиконов учащихся 5 и 9 классов было установлено, что в пространстве ментального словаря устный и письменный подлексиконы находятся в отношениях пересечения и ха-

рактируются общей и специфическими частями. Их общая часть представляет собой более плотное образование и занимает более трети объема каждого подлексикона. Несмотря на то, что в процессе развития общая часть увеличи-

вается, однако доля разных частей на протяжении всего подросткового возраста продолжает превышать уровень 50%.

Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания русского языка.

Проекты учебных русско-немецких словарей

В. Дубичинский

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Украина)

Переводная лексикография, методика преподавания РКИ

Международными авторскими коллективами из Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина) и Берлинского Университета им. В. Гумбольдта (Германия) создаются учебные русско-немецкие словари, ориентированные на немецких студентов-нефилологов, изучающих русский язык как иностранный.

Первый лексикографический проект (авторы В. В. Дубичинский, С. Лаудин, В. А. Зубарева) – учебный русско-немецкий словарь-минимум экономических терминов. Словарь адресован бизнесменам, менеджерам, коммерсантам, предпринимателям, экономистам и переводчикам. Словарь необходим студентам и аспирантам, изучающим курс экономических отношений, маркетинга и внешнеэкономической деятельности в высших учебных заведениях на русском языке.

Словарь **включает** около 5000 наиболее употребительных терминов и терминологических словосочетаний, отобранных по:

- принципу частотности употребления в специальных текстах,
- учебно-методической целесообразности.

Словник словаря представляет собой **терминологический минимум**, обучение которому необходимо для овладения экономическими специальностями в высших учебных заведениях.

Впервые в лексикографической практике в комплексе **описываются**:

- дефиниции терминов,
- перевод их на немецкий язык,
- терминологическая сочетаемость с переводными эквивалентами,
- словообразовательные возможности данных терминологических единиц.

Дефиниции объясняют, что означает тот или иной термин; это необходимо немецкому студенту для ориентации в системе экономических понятий на русском языке. При определении значений терминологических единиц используются толкования из фундаментальных учебников, справочников и словарей. В словаре толкуются только терминологические значения описываемых лексических единиц.

Перевод на немецкий язык даёт возможность использовать словарь не только в учебном процессе, но и непосредственно при заключении международных сделок, поддерживать профессиональное общение с представителями иностранных фирм, вести переписку с деловыми партнёрами разных стран.

Заголовочные единицы представляют собой однословные термины-существительные (ядра). Расширение словника происходит за счёт сочетаемости возможностей каждого из этих ядерных терминов и словообразовательного гнезда. **Сочетаемость терминов** показывает, как употребляется тот или иной термин в речи, в живом профессиональном общении.

Терминологические словосочетания могут быть четырёх видов:

1. Прилагательные или причастия в функции согласованного определения с заголовочным термином. Например, *валютный рынок* – *Devisenmarkt*, *мировой рынок* – *Weltmarkt*, *фрахтовый рынок* – *Frachtenmarkt*.

2. Заголовочная единица с зависимыми существительными (с предлогами и без предлогов) в различных падежах, выступающими в функции несогласованного определения, дополнения или приложения. Например, *банк потребитель-*

ского кредита – *Verbraucherkreditbank*, *банк-эмитент* – *Emissionsbank*.

3. Заголовочная единица является зависимым членом словосочетания. Например, *применение маркетинга* – *Marketinganwendung*, *управление маркетингом* – *Leitung des Marketings*, *управляющий по маркетингу* – *Leiter des Marketings*.

4. Заголовочный термин с управляющими им глаголами. Например, *давать / дать ссуду* – *ein Darlehen gewähren*, *погашать / погасить ссуду* – *ein Darlehen tilgen*. Глаголы приводятся в форме инфинитива несовершенного и совершенного вида.

Сочетаемость позиции обозначается знаком **══**.

Словообразовательное гнездо, обозначаемое знаком #, включает терминологические единицы с терминами-прилагательными, производными от термина-существительного (заголовочного ядерного термина). Например, *балансовая модель* – *Bilanzmodell*, *балансовый отчёт* – *Bilanzbericht*.

Предлагаемая в словаре комплексная процедура описания терминологических единиц объединяет алфавитный и идеографический принципы отображения терминов, что даёт возможность не только определить значение слова, но и найти его исходя из содержания. Подобные **учебные переводные толково-сочетаемые терминологические минимумы** представляют собой основу для создания больших учебных словарей по данной специальности, текстовых учебных комплексов, сборников упражнений, составляют методическую базу для дальнейших лингвистических и лексикографических исследований языка экономических специальностей.

Второй лексикографический проект (авторы Е. Канова, В. В. Дубичинский) – русско-немецкий словарь актуальной лексики, имеющий ярко выраженную учебную направленность. Это своего рода рабочий словарик студента, который работает с текстом современной периодики на русском языке. Словарь предназначен для немецких студентов (юристов, экономистов, журналистов), изучающих русский язык, преподавателей-русистов и переводчиков. Он может быть использован также и русскоязычными студентами-германистами.

Авторами словаря вводится рабочий термин «актуальная лексика». Под актуальной лексикой понимается словарный состав современного (последних 10 лет) русского языка, включающий наиболее употребительные терминологические единицы, а также разговорные и жаргонные. «Актуальность» лексики видится авторам не только в современности языковых единиц и их значений, но и в непосредственном учебно-методическом потенциале лексем, отобранных из текстов-источников общественно-публицистической и официально-деловой сферы, что даёт возможность пользователю адекватно понимать тексты современной периодики и документации.

Словарь представляет собой первую фиксацию многих актуальных лексем русского языка, другими словами, является лексикографическим собранием неологизмов, которые отбирались методом сплошного расписывания актуальных текстовых источников общественно-публицистического стиля.

Авторы считают целесообразным периодическое составление подобных лексикографических тетрадей неологизмов, что способствовало бы в дальнейшем созданию нового большого словаря языковых изменений русского языка. На основе таких оперативных фиксаций в перспективе планируется русско-немецкий словарь актуальной лексики с подробным лексикографическим описанием и приведением иллюстраций-цитат из соответствующих источников.

Когнитивная метафора движения (на материале текстов по архитектуре)

А. В. Егорова

Московский архитектурный институт

Когнитивная метафора, глаголы движения, статичный архитектурный объект

Summary. The metaphoric usage of the Russian verbs of motion in the language of architecture is determined by the necessity to express the idea of movement outside and inside the static object and also its visual perception. There are two main groups of verbs of motion according to their metaphoric meanings. Sometimes the same word can be used in both cases, having the different meaning.

Человек начал познание мира с познания самого себя, с этого же началось окультуривание человеком окружающего мира. Ученые-лингвисты предполагают наличие некоторых базовых метафор, носящих универсальный характер и восходящих к самым древним представлениям человека. Прежде всего это относится к антропоморфным метафорам, используемым для структуризации и описания окружающей действительности, в которых находит отражение тот факт, что человек пришел к описанию мира через осознание самого себя [3, 298]. К древнейшим, архетипическим представлениям человека, наряду со многими другими, можно отнести оппозицию «движение – неподвижность», т. е. «динамика – статика».

Обживая окружающий мир, человек начал его видоизменять, создавая новые материальные объекты, приспособленные под нужды человека. Строительство жилищ, безусловно, явилось одним из первых шагов человека в преобразовании окружающего мира. Для описания этих новых, рукотворных пространственных объектов действительности человеку пришлось накладывать на них знания о самом себе. Ключевым фактором в этом процессе стало осознание того, что любая постройка представляет собой статичный объект, воспринимаемый, однако, лишь при движении наблюдателя. Необходимость выразить идею движения внутри и вне архитектурного объекта, а также описать визуальное восприятие такого объекта языковыми средствами порождает обилие метафорического словоупотребления глаголов со значением движения. Дж. Лакофф и М. Джонсон в книге «Метафоры, которыми мы живем» подчеркивают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [4, 27].

Проиллюстрируем вышесказанное примером. Задавая вопрос «Куда ведет / идет эта улица?», говорящий, безусловно, понимает, что сама по себе улица никуда не ведет / не идет, что она неподвижна, этот вопрос заключает в себе иной смысл: «Куда я попаду, если пойду по этой улице?». Таким образом, мы наблюдаем, что абсолютно статичному объекту приписываются динамические свойства, происходит перенесение на материальный объект способности человека к движению. Позволим себе назвать это явление «подвижной неподвижностью» [7, 112], употребив слова П. А. Флоренского, высказанные им совсем по другому поводу, а именно – о природе терминов. Интересно, что во многих работах современных исследователей теории архитектуры также говорится о том, что «не камень или дерево, а пространство и время являются композиционным материалом, главным же художественным средством – организация движения» [1, 39]). Известный теоретик архитектуры А. И. Некрасов прямо называет движение в архитектуре «её собственным свойством» [5, 100].

Анализ функционирования глаголов со значением движения в языке специальности «Архитектура» позволил нам разделить их на две группы. Первую группу составляют глаголы, в семантике которых содержится идея направленного движения внутри объекта либо по объекту. Это глаголы: *идти, проходить, вести, водить* с различными приставками, *спускаться, подниматься*. Так, при прочтении предложения *Вомитории – выходы, пандусы древнеримского амфитеатра, спускающиеся от зрительских мест – те-*

атрона – к площадке внизу – арене [1, 58] глагол *спускаться* как бы помещает реципиента текста в определенную точку внутри объекта описания и задает ему предполагаемое движение (сверху – вниз). Приведем еще несколько подобных примеров: 1. *На хоры вводит узкая лестница, идущая в толще западной стены* [2, 1, 25]. 2. *К югу от собора через вторую башню или переходы, выводящие на крепостную стену* [2, 1, 29]. 3. *Виадук – древнеримский мост на аркадах, по которому проходит участок дороги через овраг, ущелье, русло реки* [1, 55].

Следует отметить, что в том случае, если направление движения задано, то глаголы *идти* и *вести* часто взаимозаменяемы и входят в один синонимический ряд, к которому можно отнести и глаголы *подниматься* и *спускаться*, в семантике которых помимо семы «движение» заложена также сема «направление» (вверх / вниз): *Отсюда внутренний ход идет / ведет вниз к погребальной камере* [6, 22]. Если же предполагается движение по объекту, то близким по смыслу глаголу *идти* становится глагол *проходить*: *Гульбище, в древнерусской архитектуре – галерея, идущая / проходящая вокруг здания* [1, 72].

Вторую группу глаголов составляют языковые единицы, в семантике которых заключена идея зрительного восприятия архитектурного объекта или его части извне. В этом случае предполагается не движение человека, а движение его взгляда, которому, в свою очередь, также задается направление. Это такие глаголы, как *идти, проходить, переходить, сходить, расходиться, выносить-вынести, обнести-обнести, поднимать-поднять*. Например: 1. *Бастея, в средневековой архитектуре – полукруглая или многогранная башня в углу сходящихся крепостных стен* [1, 47]. 2. *Чаще всего для акротериев использовали изображение пальметт: симметричную форму из расходящихся в стороны листьев...* [1, 17].

Примечательно, что глаголы *идти* и *проходить*, как и в первой группе, связывают синонимические отношения, но в данном случае эти языковые единицы обозначают движение взгляда человека по ряду повторяющихся однородных элементов либо по сплошной линии: 1. *Только пояска аркатуры с поребриком проходит по фасадам и верхней части апсид, подчеркивая суровую мощь гладких белых стен* [2, 1, 27]. 2. *По фасадам или ряды нарядных окон с резными белокаменными наличниками* [2, 86].

За рамками нашего доклада остались глаголы *выступать, выходить*, а также глагол *нести*, безусловно ставший термином в языке архитектуры. Эти языковые единицы и их функционирование требуют отдельного рассмотрения.

Литература

1. Власов В. Г. Архитектура. Словарь терминов. М., 2004.
2. История русского искусства: В 2 т. М., 1978.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
5. Некрасов А. И. Теория архитектуры. М., 1994.
6. Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев архитектурной специальности. М., 1973.
7. Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 3.

Функционирование слова *око / очи* в текстах экологической тематики

Н. И. Жабо

Око, экология, словосочетание, ресемантизация слова

Summary. The word «oko / ochi» has been returned from the Russian language distant periphery, today it is included into the 5,000 most often used words. In texts on ecologic topics its use is narrowed to several set-phrases and depends on the connotative aspect (supervision, frightening, property). Journalists practice in word-combining sometimes the opposition becomes absurd: «*Vidit oko, da glaz neumet*», a mistaken usage of the personified Plural is found: *svoin doverennym lyudyam, gosudarevym ocham*.

Слово *око / очи* в русском языке начала XXI века является частью терминологических систем научных парадигм, про-

фессиональных жаргонов, распространено как ключевое слово устойчивых выражений. В частности, в текстах эколо-

гической тематики происходит постепенное отгеснение семьи *орган зрения* с позиции основной семьи этого слова. Несколько миллионов страниц с разными формами слова *око / очи* и его производных в русском Интернете позволяют утверждать, что в начале XXI века произошло возвращение слова из дальней периферии ближе к ядру и что помета «устар.» в словарях может быть снята: по частотности оно – в первых пяти тысячах русских слов. Слово живо, но его функционирование теперь зависит именно от коннотативного аспекта. Ложность противопоставления слову *глаз* подкрепляется и таким приемом, как доведение до абсурда: *Видит око, да глаз неймет* (заголовок сайта в Интернете); *Видит око, на что глаза закрывать* (Газета «Грудь» № 104 за 08.06.2000). Подчеркивая преэминентность власти, журналисты начала XXI века воскресили историзм «Око государево»: *Экология. Радиоактивные бобры. Добыча этого зверька велась под бдительным государевым оком; Под строгим государевым оком сюда свозились практически все отходы цветных металлов с промышленных предприятий Челябинской области.* Журналисты изредка нарочито архаизируют такие фразы: *Означает ли сей факт, что око государево...* Для образованных людей, пишущих статьи на экологические темы, слово *око* имеет стилистические особенности архаизма, и в связи с этим оно сопровождается эпитетами «высокого штиля» (*недреманное / недремлющее, бдительное, неусыпное, всевидящее*): *каждая его капля попадет под неусыпное око государства.* Антитеза архаизма *око недреманное* и единиц разговорного регистра создает яркий саркастический эффект: *Для того, чтобы не подкачать, государственное око недреманное и руки загребущие протянулись к целой ораве олигархов.* (Ни шагу назад! № 178. 2000). Архаичные эпитеты контрастируют в стилистических целях с прозаизмам, которыми обозначаются реалии нашей жизни начала XXI века: *Недремлющее государственное око не заглядывает в эти бывшие скотофермы, брошенные производственные цеха, птичники, подвалы мечетей.* Но обзор журналов, газет, сайтов Интернета показал, что, в целом, произошла смена формы на неархаичную *государственное око*, и это сочетание употребляется в прессе с насмешливыми эпитетами и отрицательными коннотативными элементами: *пока империя, сметая все на своем пути, не останавливает рыбе государственное око на тех, кто случайно попался ей на пути; А сколько леса уплыло за рубеж, минувшая невидящее государственное око, не скажет никто.* Игра слов *око / глаз* параллельно с *государство / народ* подкрепленная омофоническими аллюзиями *глаз / глас* содержит оппозицию: «*Око государево*» или «*глаз народа*» (Радиостанция Эхо Москвы. 22.10.2004). Та же великолепная псевдоантонимия противопоставляет холодное чиновничье управление природными ресурсами интересам народа: *они были неприятным подтверждением того, что частный глаз может найти, спасти и сохранить ценное иногда лучше, чем государственное око* (Время новостей. 18.10.2005). Антитеза может быть выражена и эпитетом: *Существовало бы такое – не государственное, а просто «ничейное» (то есть подчиняющееся только закону) око, дерзнули бы чиновники благодетельствовать «своим»* («Ведомости». 2001). Возможны и надежды на контроль над произволом чиновничьего аппарата: *Очень хотелось верить, что вот теперь государственное око увидит и оценит все разноцветье и богатство отечественной культуры...* (Экологическое приложение «Луч» www.permnews.ru/luch. 2005). В последнее время выражение все чаще персонифицируется, употребляется метонимически вместо наименования должностного лица: *с первого дня невзлюбили направленное в регион «государево око»* (www.uralfo.ru). Как следствие, есть и попытки употребления множественного числа: *своим доверенным людям, «государевым очам», которые будут*

отвечать за конкретные направления, получив прямой выход на первое лицо государства. (World Socialist Web Site. 2001). Пока такая форма редка и может оцениваться как ошибочная, но посмотрим, как будет развиваться семантика этого выражения в дальнейшем.

Еще одним выражением со словом *око* является теолого-теософское «Всевидящее Око»: *Всевидящее око Интерпола, ФСБ, профсоюзов.* Часто встречаются и контаминации с предыдущим выражением: *И даже всевидящее око государства не сможет помешать ему в этом* (www.membrana.ru 2002). Наиболее распространенным вариантом этого выражения является *под зорким оком* (часто используемый как заголовок статьи): *под зорким оком Большого брата, технадзора, CRM, МВФ, ГАИ, работников ГИБДД, проверяющих, депутатов, международных наблюдателей, Госнарконтроля, властей, обществественности, иностранцев, соседей, квалифицированных специалистов, радаров американской службы безопасности, «электронных глаз», камеры видеонаблюдения, компьютера.* Синонимичных сочетаний немало: *под недреманным оком видеокamеры; под пристальным оком телекомпаний.* И именно в текстах по экологии часто встречаются необычные сочетания: *Кроме того, бдительное антимонопольное око следит, чтобы...* (Новое время. 06.04.2000); *попадает под бдительное око окружающих* (rels.obninsk.com). Большое количество употреблений слова *око* связано и со стертими метафорами: *око* обозначает водоем: *Озера поэтически называют «голубыми очами планеты»*, различные приборы: *Конструкторы придумали «всевидящее око» для автомобилей.*

«Видит око, да зуб неймет!» – пословица о невозможности получить то, что кажется доступным (С. И. Ожегов) – это цитата из басни И. А. Крылова «Лиса и виноград». Многие газеты делают это выражение заголовком либо в полной, либо в усеченной форме («Видит око»). Авторы статей упражняются в остроумии, придумывая все новые и новые окказионализмы: *видит око, да мэру нейметя; да сеть неймет; да зоот неймет;* заменяется глагол «неймет»: *хоть видит око, зуб и ныне там; Видит око да зуб не тот!;* заменяется слово *зуб*: *видит око, да клев неймет; да ноги неймут; да ум неймет;* заменяется вторая половина: *видит око оружие, да рука не берет; видит око, да руки коротки!;* *а доступа нет; а прочесть и пытатья нечего; а связи нет.* Устраняется противопоставление: *Что видит око?; Видит око, слышит ухо, даже нос чувствует; Чего не видит око, когда зуб неймет; Видит око, или как выбрать монитор;* меняется знак противопоставления: *Что зуб грызет, того не видит око;* назидательный тон меняется на оптимистический: «Видит око далеко, а ум еще дальше». Чаше всего эти выражения имеют критически-иронические компоненты: *Видит око, да бюджет...; Видит око, да точку зрения еще не утвердили; видит око, да власть неймет.* Экологические проблемы касаются широких слоев населения, поэтому авторы статей выходят за пределы официального и научного функциональных стилей, восхищаются: *Очей очарованье;* или иронизируют: *предстают пред светлыми очами туристов* (Ах, Париж... GeoTravel.RU); *В таком виде очередной шедевр промышленности был представлен пред очи начальства; обманул всех, что не осталось незамеченным зорким оком и острым ухом* (Курортное дело под государственным оком. 2005); *А орел – символ российской государственности – своим державным оком помогает в вашем труде* (Под оком российского орла. www.gov.viatka.ru); *Пред ясны очи президента; В таком виде очередной шедевр промышленности был представлен пред очи начальства.* Суженность актуализированной семантики слова *око* в текстах на экологические темы связана с тем, что в публицистике используются лишь устойчивые сочетания, заимствованные из классической литературы, и вариации церковно-славянских выражений.

Значение и употребление лексем *более* и *больше* в современном русском языке

Н. В. Зорихина-Нильссон

Гётеборгский университет (Швеция)

Семантика, полисемия, степени сравнения

Summary. This paper deals with the meanings and the use of the lexemes *более* and *больше* in Modern Russian. Three main syntactical constructions using these lexemes are analyzed and the conditions of their preferential use are discussed.

Развитие значений и грамматических функций лексем *более* и *больше* представляет собой интересный пример конкуренции двух морфологических вариантов компаратива в русском языке. Так, форма *больше* еще в XVIII веке употреблялась для образования аналитической формы сравнительной степени прилагательного и наречия. В современном русском языке в выражении этой функции она полностью уступила форме *более*. Например: (1) *Сообществу язва он; но больше ужасен Трофим с сладким языком, и больше опасен*. (Кнт. Сат. III 72, СлРЯ XVIII в., т. 2, 103). Ср. в совр. русском языке: *...более ужасен, ...более опасен*. *Больше* является сравнительной степенью прилагательного *большой*. *Более* служило формой сравнительной степени этого прилагательного еще в XVIII в. и в современном русском языке в этой функции не употребляется. Например: (2) *Хижины Кафров болЕе и правильнЕе*. (МЖ, I, 131, там же). Ср. в совр. русском языке: *Хижины... больше и правильнее*.

Если в сфере прилагательного и аналитической формы сравнительной степени наречия процесс установления нормы, т. е. окончательное закрепление инварианта, завершился, то, как показывает наш материал, в области других наречных употреблений в современном русском языке дело обстоит иначе.

В сообщении рассматриваются 3 основные синтаксические конструкции, в которых употребляются лексемы *более* и *больше* в современном русском языке, выделяются условия, способствующие преимущественному использованию той или иной формы.

1. *Больше* и *более* – сравнительная степень наречия *много*

В словарях русского языка отмечается, что *больше* и *более* являются формами сравнительной степени наречия *много* (МАС 1981, Ожегов 1990, ССРЛЯ 1991). Форма *больше* свободно употребляется как в трехчленных, так и в двучленных сравнительных конструкциях: (3) *Посмотрите на меня, я работаю больше (*более) вас и тоже ничего не получаю* (Д. Мамин-Сибиряк, НКРЯ); (4) *В прошлом году я работал много. Сейчас я работаю больше (*более)*; (5) *Купи больше (*более) рыбы*. Использование формы *более* в анализируемых конструкциях ограничено: в одних случаях она воспринимается как устаревшая (3), в других – как некорректная (4, 5). Нами, в частности, отмечен один случай, где форма *более* в современном русском языке продолжает удерживать свои позиции, уступая *больше* лишь по частотности своего употребления – это сочетание *более* с глаголами, выражающими эмоциональное отношение: *беспокоить, вдохновлять, возбуждать, возмущать, волновать, заботить, занимать, интересоваться, огорчать, пугать, тревожить, смущать* и т. п. Например: (6) – *Вас что более беспокоит, – спросил г-н Туманян, – что народ на небеса уйдет или что мы ему деньги выделяем?* (Д. Липскеров, НКРЯ). Заметим, однако, что *более* выступает здесь в значении ‘в большей степени’, что ставит под сомнение возможность рассмотрения этой формы как формы сравнительной степени наречия *много* в современном русском языке.

2. *Больше* и *более* в отрицательных конструкциях

В словарях современного русского языка последовательно отмечается, что в отрицательных конструкциях в разговорном стиле *больше* может обозначать: *далее, впрямь; уже*: (7) *Всемирная организация здравоохранения больше не будет принимать на работу курильщиков* (http://www.newsru.com/world/02dec2005/no_more.html. 2 дек.

2005). У *более* это значение в словарях выделяется непоследовательно. По нашим наблюдениям, в современном русском языке слово *более* может употребляться в отрицательных конструкциях в рассматриваемом значении. Ср.: (8) *Он пил не так с горя, что более не увидит свою подругу, как от обиды, что его так ловко надули* (Д. Притула, НКРЯ). Заметим, что и в отрицательных конструкциях форма *больше* является наиболее естественным вариантом. Несколько огрубленное представление о частотности употребления *больше* и *более* при отрицании может дать следующее сравнение: в НКРЯ сочетание *больше не* (4000 контекстов) встречается в 5 раз чаще, чем сочетание *более не* (800 контекстов).

3. *Больше* и *более* с количественными существительными или количественными именными сочетаниями

В сочетании с количественными существительными и количественными именными сочетаниями *больше* и *более* употребляются на превышение обозначенного количества. Ср.:

(9а) *Вчера я работал пять часов. Сегодня я работал больше (*более)*.

(9б) *Вчера я работал больше / более пяти часов*.

Как показывает пример (9а), форма *более* не употребляется в одиночной ударной позиции при квантитативном глаголе. В том случае, если валентностная позиция заполняется числовой конструкцией (9б), то употребление формы *более* оказывается возможным. В связи с этим представляется важным отметить наличие обязательной валентности в этом значении у *более* и *больше*, поэтому определим это значение, как значение ‘в большем количестве, чем обозначенное’. В этом значении, в отличие от проанализированных выше, наиболее частотной является форма *более*: в НКРЯ сочетание «*более* + числ.» встречается в 4 раза чаще (около 8-и тыс. контекстов), чем сочетание «*больше* + числ.» (около 2-х тыс. контекстов). Одним из возможных объяснений этих статистических данных является общая тенденция тяготения формы *более* к книжному, публицистическому стилю в современном русском языке.

4. Заключение

Итак, на протяжении последних столетий происходит дифференциация функций *более* и *больше* в русском языке. Сфера функционирования «исторически закономерной» [1, 243] формы сравнительной степени *более* постепенно сужается в пользу *больше*, вместе с тем за формой *более* закрепляются более абстрактные функции: грамматические и стилистические.

Литература

1. Горикова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Словари

МАС 1981 – Словарь русского языка. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1981
СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Т. 1. Л.: СПб., 1984.
ССРЛЯ 1991 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М., 1991.
Ожегов 1990 – Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990.

Электронные ресурсы

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>.
УК – Упсальский корпус.
<http://www.moderna.uu.se/slaviska/ryska/corpus.html>.

Тюркская лексика в славянской антропонимике

В. Ф. Ибрагимова

Крымский государственный инженерно-педагогический университет, Симферополь (Украина)

Ономастика, антропоним, тюркизмы, словарный состав

The groups of anthroponims are considered in the article, which appeared as a result of slavico-turkish inter-communicative contacts.

Ономастика как раздел лингвистической науки представляет собой зеркало, в котором отражаются история народа, освоение данной территории и взаимосвязь с другими этносами, которые живут по соседству испокон веков.

У русского и украинского языков были равные возможности заимствования из тюркских языков, так как для этого существовал ряд общих условий. Так, например, русские и украинцы имели длительное время близкие контакты с

крымскими татарами и турками. На русской и украинской землях появились отдельные поселения выходцев из крымских татар. Тюркизмы древнерусского языка были общими при формировании словарного состава как русского, так и украинского языков (башлык, бей, караул, каракуль, кинжал, султан, сургуч, халат, шаль, ярлык и другие). Некоторые из этих слов в украинском языке, вероятно, являются заимствованиями через русский.

Тюркские прозвища, данные кому-либо из членов семьи, закреплялись за получившим его лицом, последующие его потомки приобретали новую фамилию по данному прозвищу, а старая фамилия, таким образом, забывалась. Прозвище указывало на то или иное свойство или признак данного лица.

1. Антропонимы, отражающие внешний вид, физические и физиологические качества:
Сагир (глухой), *Челахов* (хромой), *Бантыш* (с родимым пятном), *Калач* (бублик).
2. Антропонимы, отражающие род занятий:
Зурнаджи (играющий на музыкальном инструменте зурна), *Балджи* (пчеловод), *Арабаджи* (извозчик), *Тютюнник*, *Тютюник* (занимающийся выращиванием табака) и др.
3. Антропонимы, отражающие социальное и экономическое положение:
Котлубей, *Хотлубей* (дворянин, князь, счастливый, благополучный), *Салабай*, *Байчиков*, *Хаджи*, *Байчура*, *Байде-*

бура, *Байбуза* (сын богатыря, княжеский отрок), *Мурза* (господин, князь, сын господина) и др.

4. Антропонимы, образованные от названий частей тела человека:
Керекеш (Каракаш – чернобровая), *Кузляева* (глазастая), *Болюбаиш* (о голове), *Бень* (родинка) и др.
  5. Антропонимы, образованные от существительных с конкретным значением:
Кобюк (пенка), *Чабанник* (пастух), *Топчий* (мяч), *Сербашева* (голова), *Лав* (разговор), *Караман* (герой), *Берекет* (прибыль), *Кардаш* (родственник, братишка) и др.
  6. Антропонимы, образованные от названия городов, стран:
Стамбулджи, *Стамбула*, *Дернаков*, *Каира*.
  7. Антропонимы, основой которых являются прилагательные:
Балабанова (большой), *Шишман* (толстый), *Сарбаиш* (желтоголовый), *Чубаров* (пятнистый, пестрый), *Чалий* (седой, седоватый) и др.
  8. Антропонимы, образованные от названия национальности:
Татара, *Татарченко*, *Татарин*, *Татарко*, *Татарчин*, *Татарчук*, *Татаринов*, *Нагаец*.
  9. Антропонимы, образованные от тюркских имен:
Темир, *Яшарова*, *Тулай*, *Гулай*, *Гулей*, *Зеров*, *Джура*, *Джуренко*, *Алимов*, *Насурова*.
- Таким образом, исследования по ономастике дают ценный материал для выяснения целого ряда вопросов по истории языка.

Синонимия терминов: ономастиологический аспект

Г. А. Иванова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Терминологическая синонимия, ономастиологический аспект, внутренняя форма термина, степень синонимичности терминов

Summary. The article deals with onomasiological approach to the study of terminological synonymy. Convertible terms are considered from the standpoint of their nominative potential. The effect of the term's inner form on mutual relation of the terminological synonyms is studied (the degree of their semantic closeness is defined) and formation of set of synonyms is examined.

Терминологическая синонимия рассматривается в специальной литературе, как правило, с семасиологической (семантической) точки зрения, т. е. в направлении от средства выражения (языковой формы термина) к выражаемому этой формой терминологическому значению. Синонимичные термины, или терминологические дублиеты, определяются как лексические единицы, характеризующиеся особой терминологической соотнесенностью с одним и тем же сигнификатом и денотатом (ср.: *апокопа* – *усечение*, *геминация* – *удвоение*, *дифтонг* – *двугласный*).

Объективное изучение языковых и речевых синонимических корреляций предполагает, безусловно, комплексный анализ исследуемого феномена, включающий, наряду с семасиологическим, также ономастиологический аспект. Терминологические синонимы должны изучаться не только с точки зрения их семантической общности, но и общности номинативной, т. е. способности обозначать одно и то же предметное (денотативное) содержание различными языковыми средствами (иначе – в направлении от содержания термина к языковой форме).

Термин, являясь знаком – «материализованным двойником термина-понятия» (А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева), отражает не все признаки последнего. В основу терминологической номинации (имеются в виду как исконные, так и иноязычные термины) кладется лишь один из признаков денотата (в терминологии А. А. Потебни – «ближайшее этимологическое значение слова», или «внутренняя форма слова»), в то время как таких признаков в профессиональном сознании человека может существовать множество.

Один и тот же научный феномен может быть обозначен несколькими терминами-синонимами – с одинаковой или разной внутренней формой. Существование синонимов с одинаковой внутренней формой связано с заимствованием ее языком-реципиентом из языка-источника при структурном калькировании термина. Возникновение терминологических синонимов с разной внутренней формой – результат познавательной деятельности человека: углубления науч-

ных знаний об объекте, уточнения существующих представлений, появления новых точек зрения, концепций.

Внутренняя форма оказывает существенное влияние на взаимоотношения между терминами-синонимами. От совпадения / несовпадения внутренней формы синонимичных терминов, как правило, зависит степень их семантической близости. Так, заимствование внутренней формы термина приводит к полному совпадению терминологических значений, то есть денотативно-сигнификативному тождеству (абсолютной синонимии), у генетически различающихся терминов, один из которых имеет иноязычное происхождение, а другой представляет собой национальный (калькированный) эквивалент (ср.: *аппозиция* – *приложение*, *номинатив* – *именительный падеж*, *эксплозивные согласные* – *взрывные согласные*).

Разная внутренняя форма синонимичных терминов свидетельствует о частичном совпадении терминологических значений, или относительной синонимии. Логически отражая действительность, внутренняя форма способствует формированию нового научного понятия об объекте. Таким образом, при денотативном тождестве терминов-синонимов могут наблюдаться различия сигнификативного характера. Подобное явление возникает в результате классифицирующей деятельности ученого-специалиста, стремящегося вычленил новые признаки изучаемого объекта действительности и по возможности наиболее адекватно описать его (ср.: *длительный звук* – *проточный звук* – *целевой звук* – *фрикативный звук*, *передненебный согласный* – *небно-зубной согласный*). Синонимичные термины с разной внутренней формой используются также для выражения одного и того же явления в рамках различных направлений, школ, концепций, точек зрения (ср.: *вариант фонемы* – *оттенок фонемы* – *аллофон*, *соединительный гласный* – *интерфикс* – *асемантема* – *структема*, *производящая основа* – *мотивирующая часть*).

Таким образом, ономастиологический подход к терминологической синонимии позволяет получить представление о сущности терминологической номинации в языке специальности, определить роль внутренней формы во взаимоотношениях терминологических синонимов.

Модели семантического сдвига в сфере эмотивной лексики русского языка: диахронический аспект*

Л. А. Калимуллина

Башкирский государственный университет, Уфа

Семантическая деривация, регулярные модели метафорического переноса, диахронические универсалии в семантике, базовые эмоции

Summary. The report is devoted to investigating the models of semantic derivation in the Old Russian Language. The analysis is focused on the metaphorical denotation of the basic emotions, joy, sorrow, fear, anger etc. The insufficiency of the data about the diachronic aspect of emotive vocabulary makes the research topical.

Углубленный анализ моделей семантической деривации признается одним из перспективных направлений семасиологических исследований (Г. И. Кустова, Анна А. Зализняк, Е. В. Падучева и др.), причем его результативность является весьма высокой в том случае, когда объектом изучения выступает та или иная совокупность языковых единиц, связанных системными формально-смысловыми отношениями (например, ЛСГ, семантическое поле и т. п.). Такое исследование позволяет выявить случаи регулярной многозначности, регистрация которых может способствовать формулировке либо уточнению семантических универсалий, носящих как абсолютный, так и статистический характер. Изучение явления многозначности с опорой на факты диахронии связано с реализацией динамического подхода к семантической деривации, который раскрывает роль процессов метафоризации и метонимизации в становлении и развитии как лексико-семантической системы в целом, так и отдельных ее участков (Л. В. Балашова). В центре нашего внимания находятся продуктивные модели семантического (в первую очередь, метафорического) сдвига в сфере эмотивной лексики, представленной в памятниках древнерусской эпохи. Так, установлено, что в качестве вторичных предикатов эмоций чаще всего выступают языковые единицы, в своем основном значении репрезентирующие понятийную сферу «Человек» (это широкие слои конкретной и абстрактной лексики, обозначающей различные аспекты физической, духовной, социальной жизнедеятельности субъекта). К примеру, наиболее регулярный характер носят семантические переходы типа «физиологическая сфера человека → эмоциональная сфера». Эта модель представлена в памятниках древнерусской письменности рядом подтипов: 1) «вкусовое ощущение → эмоция»: *вкусъ* '1. вкус; 4. удовлетворение, наслаждение', *оскомина* '1. болезненное ощущение в зубах и деснах от кислого и терпкого; 2. неприятное воспоминание' и др., поскольку с органом вкуса напрямую связано пищеварение, то во вторичной номинации эмоций активно участвуют лексемы, обозначающие принятие пищи и жидкости: *питатися* '1. питаться, кормиться, получать пищу; 3. наслаждаться; 5. быть любимым, пользоваться ласкою', *насытитися* '1. утолить голод, насытиться; 3. насладиться', *насладитися* '1. чего, чем, без доп. съесть, отведать чего-л.; насытиться (тж. перен.); 2. чего, чем, о чем, о ком вкушать / вкушить что-л., насладиться / наслаждаться чем-л., получать радость, удовлетворение от чего-л.' (ср. болг. *насладя се* 'насладиться') и др.; 2) «болевое ощущение → эмоция»: *болѣти* '1. болеть; 2. мучиться, страдать духовно, морально / о ком, чем, за кого беспокоиться, испытывать тревогу, страдать о ком-л., чем-л.' / с кем сострадать, сочувствовать' (ср. болг. редко *болея* 'болеть / страдать, беспокоиться', чеш. *boleti* '1. болеть (причинять боль); 2. перен. огорчать, причинять боль', пол. *boleć* II *nad kimś*, *czymś* 'скорбеть о ком-л., чем-л.', *niezdrowiti* '1. болеть, быть больным; 2. испытывать боль (душевную), терзаться', *kruczina* 'болезнь / желчь / вспыльчивость, раздражительность'; *bolъznynи* '1. большой, болезненный; 2. мучительный, тягостный / печальный, скорбный' (ср. болг. *болезнен* '1. нездоровый, больной; 2. мучительный, страдальческий', чеш. *bolestny* '1. болезненный; 2. мучительный; 3. прискорбный', пол. *bolesny* '1. болезненный, мучительный; 2. скорбный, печальный') и т. д. Довольно регулярно в процесс метафоризации включается лексика, обозначающая целенаправленное физическое воздействие, вызывающее болевые ощущения. При этом одни лексемы обозначают каузацию боли, не дифференцированной с точки зрения связанного с ней органа чувств: *сътомити* '1. истомить, изнурить; 2. опечалить', *сушити*

'1. иссушать, изнурять (плоть); 2. мучить, изводить', *мучение* '1. причинение страданий, истязание; 2. перенесение страданий, боль, мука' и т. п. (ср. болг. *мъчение* 'мука, страдание, мучение', чеш. *mučení* '1. мучение, терзание', пол. *męczyć* '1. мучить, терзать; пытаться; 2. утомлять'); другие же – воздействие на органы осязания (повреждение кожного покрова, ранение колющим, режущим оружием и т. п.), провоцирующие болезненные ощущения, например: *бости* '1. колотить / бить, ударять рогами / наносить раны, убивать остроконечным оружием; 2. мучить', *уязвити* '1. нанести раны, изранить; 8. утратить', *рана* '1. порез тела, повреждение тела до крови; 5. печаль, беда' (ср. болг. *рана* '1. рана; 2. перен. рана (душевная), страдание', чеш. *zraniti* '1. ранить, поранить; 2. ушибить; 3. перен. уязвлять, задевать, причинять страдание'), *мозоль* '1. рубец (рубцы) на теле от раны или язвы; 4. образно страдания, раны' и т. п.: *Иуѣли, прѣхвальная, дша моеи мозоли*. Мин. сент., 0139. 1096 г. [СлРЯ XI–XVII, 9: 235]; 3) «перцептивный процесс → эмоция»: *зрѣти* '1. видеть, воспринимать зрением; 3. смотреть с завистью, зариться', *зазърѣти* '1. увидеть; 3. позавидовать', *прѣзърѣти* '1. смотреть (посмотреть), окинуть взором; 5. отнестись с презрением, пренебречь, отвергнуть' (ср. болг. *презрян* 'презренный', чеш. *přezíráti* '1. книжн. со смотреть сквозь что-л., через что-л.; 2. *koho* презирать кого-л.; пренебрегать кем-л.') и др.: *Блюди, еда по земьному помышляя, прѣзриши убогааго*. Сбор. 1076 г. л. 43 [Срезневский, II: 1650]. Наличие небольшого числа вторичных эмотивов, образованных в соответствии с данной моделью семантического сдвига, можно объяснить следующим: органы зрения, в процессе филогенеза сформировавшиеся позже других, наиболее тесно связаны с интеллектом, поскольку именно они способствовали становлению последнего. Напротив, деятельность органов вкуса и осязания, которые с генетической точки зрения являются самыми древними, обусловлена сугубо физиологическими факторами и непосредственно не связана с разумом (Н. Б. Мечковская). Именно поэтому эмоции, в которых интеллектуальный компонент отходит на второй план, а физиологический играет весьма важную роль, ассоциируются, прежде всего, не со зрительным восприятием, а со вкусовыми и тактильными ощущениями.

Следующая продуктивная модель семантической деривации – «физическая сфера человека → эмоциональная сфера», которая объединяет несколько частных типов: 1) «физическое действие → эмоция»: *дѣяти* I '1. делать, творить, совершать; поступать; 2. в повел. форме с отриц. трогать, обижать', *съмуцати* '1. смешивать, примешивать; 4. возбуждать, волновать; 5. смущать, приводить в смущение' (ср. болг. *смущавам* 'смущать; вызывать смущение', *запалити* '1. зажечь, поджечь; 2. перен. зажечь, взволновать, возбудить' (ср. чеш. *zápaliti* '1. зажечь, поджечь; 3. перен. *koho pro so* воодушевить кого-л. на что-л.', пол. *zapalić* '1. зажечь; 4. перен. воодушевить, вдохновить'), *тъкнути* '1. воткнуть; укрепить, установить; 5. поразить, удивить' (ср. чеш. *dotknouti se* '1. дотронуться, коснуться; 3. перен. задеть за живое, уязвить', пол. *dotknąć* '1. дотронуться до кого-чего, прикоснуться к кому-чему; 3. обидеть, задеть') и др. Особое место внутри рассматриваемой группы занимают единицы «физической» лексики, имеющие деструктивную семантику: *съкрушати* '1. разбивать, ломать; 3. мучить, терзать' (ср. болг. *съкрушавам* '1. сокрушать; 2. перен. сокрушать, огорчать кого-л.', *съкрушатися* '1. быть разрушаемым; 2. печалиться' (ср. болг. *съкрушавам се* 'сокрушаться, печалиться, огорчаться') и т. д. Данные единицы представляют собой преимущественно каузативные предид-

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «РГНФ–Урал» №06-04-84403а/У.

каты, обозначающие интенциональное воздействие на эмоциональную сферу. В своем прямом значении они называют физические действия человека, направленные на различные видоизменения реалий вещного мира (их формы, структуры, размеров и т. д.). Такие действия, как правило, являются эффективными и предполагают реальный результат, который в большинстве случаев доступен наблюдению. Поэтому благодаря ассоциативной связи, устанавливаемой в наивно-языковом сознании между физическим действием и каузацией эмоций, при обозначении последних в фокусе внимания оказывается целенаправленность эмоционального воздействия на объект-пациенс; 2) «движение → эмоция»: *шататися* '1. блуждать; 2. волноваться', *подвижитися* '1. сдвинуться, удалиться; 3. взволноваться' (ср. болг. *раздвижа се* '1. прийти в движение; 2. перен. взволноваться, всколыхнуться, оживиться'), *воскољбатися* '1. начать ко-

лебаться, колыхаться; 2. прийти в смятение, волнение' (ср. болг. *разколебавам се* 'колебаться'), *поступити* '1. сдвинуться с места; шагнуть, ступить; 9. притеснить, обидеть' и др.: *Всею силою моею работах оцю ваю, оць же ваю поступи на мя и измѣни мзду мою*. Палея Толк.², 108. 1477 г. ~ XIII в. [СлРЯ XI–XVII, 17: 265]. Наличие данной модели метафоризации поддается логическому объяснению, если иметь в виду следующее высказывание А. Н. Афанасьева: «Нога, которая приближает человека к предмету его желаний, обувь, которою он при этом ступает, и след, оставляемый им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символике. Понятиями движения, поступи, следования определялись все нравственные действия человека». Несколько расширив эту формулировку, можно утверждать, что указанный символический смысл имеет отношение не только к нравственной, но и к эмоциональной сфере.

Полисемия vs. амбисемия в семантической системе современного русского языка

А. К. Киклевич

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша)

kiklewicz@poczta.onet.pl

Семантика, семантическое варьирование языковых знаков, многозначность, полисемия, амбисемия, языковая семантика vs. речевая семантика, прагматический компонент значения, когнитивизм

Summary. The author discusses the problem of semantic distinctness of the compositional signs (the sentences, the word groups and the derivative words), proposes the distinction of two notions: polysemy is a kind of ambiguity on the level of the language system, and ambisemy (this notion is by the Author introduced) is a kind of ambiguity on the discourse. The questions of description of lexical and grammatical categories are discussed.

В докладе предпринята попытка применения к материалу современного русского языка (его лексических и грамматических категорий) нового, введенного автором понятия – амбисемии.

В основе предлагаемой лингвистической концепции лежит дихотомия двух уровней семантического варьирования языковых знаковых (как лексических, так и грамматических). На первом уровне реализуется *полисемия* – многозначность в системе языка, т. е. конвенциональное (в рамках определенного языкового сообщества) или реже – окказиональное соотнесение одной и той же языковой формы с разными понятийными значениями (или же с разными значениями дескриптивной функции – в терминологии функциональной лингвистики). Так, академический «Словарь русского языка» (1984) выделяет пять значений прилагательного *пустой*: 1) основное значение: 'ничем не заполненный (о каком-л.)местилище', напр. *пустая бочка*; переносные значения: 2) 'опустошенный, не способный чувствовать, мыслить', напр. *пустая голова*; 3) 'несерьезный, духовно ограниченный (о человеке)', напр. *пустая женщина*; 4) 'неосновательный, лишенный серьезного значения', напр. *пустые слухи*; 5) 'незначительный, ничтожный', напр. *пустой повод*.

Однако полисемией семантическое варьирование языковых знаков не ограничивается. Дифференциация содержания знака находит проявление также в речи – в конкретных синтагматических и коммуникативных условиях. Этот вид содержательной многозначности мы называем *амбисемией*. Данный термин был введен нами в [1]. Амбисемия заключается в том, что семантическая интерпретация композиционных (т. е. производных) знаков (предложений, словосочетаний, производных слов) не сводится только к декодированию их языковой формы и их языковой структуры – языковой субъект, как правило, учитывает особенности речевого и ситуативного контекста. Так, «Словарь русского языка» приводит несколько оттенков первого, основного значения прилагательного *пустой*: а) 'нежилой, ненаселенный, безлюдный', напр. *пустой дом*; б) 'ничего не имеющий при себе', напр. *(кто-то) пустой пошел*; в) 'свободный от занятий, дел и т. п.', напр. *пустой урок*; г) 'ничем не направленный, не одобренный (о пище)', напр. *пустые щи*. Выделенные четыре оттенка значения обусловлены синтагматическим контекстом, а именно – так называемой коллокацией – словоформой существительного, которое грамматически подчиняет прилагательное *пустой*.

В связи с разграничением полисемии и амбисемии заслуживают специального обсуждения главным образом две проблемы. Первая проблема заключается в практическом разграничении языкового и речевого варьирования значений (одним из первых на этот аспект семантики обратил внимание Д. Н. Шмелев). В лексикографической практике имеется тенденция к чрезмерному дроблению значений и их оттенков, о чем в 1960-е годы писал А. В. Исаченко. Так, в случае прилагательного *пустой* можно сомневаться, обоснована ли тратровка значений (в) и (г) как оттенков – ведь ни *урок*, ни *щи* не являютсяместилищами (это – один из дескрипторов основного значения слова), а кроме того такая трактовка, скорее всего, не соответствует дистрибутивному критерию Ю. Д. Апресяна, ср.: *Иван рассказал о пустых бочках и (пустых) уроках*. С другой стороны, второе приведенное в словаре значение 'опустошенный, не способный чувствовать, мыслить' вполне может рассматриваться как оттенок первого: 'ничем не заполненный (о каком-л.)местилище' – именно таким образом можно истолковать сочетание *пустая голова* = 'голова, не заполненная знаниями, мыслями'.

Другая проблема семантического описания языка заключается в том, что перечисление всех оттенков значения знака принципиально невозможно – из-за многочисленности речевых (синтагматических) и ситуативных (коммуникативных) контекстов его употребления. Так, приведенные в «Словаре русского языка» четыре оттенка основного лексического значения прилагательного *пустой* – это только небольшая часть возможных семантических реализаций этого слова. Например, сочетаний *пустая площадь*, *пустая стена*, *пустая дискета* и др. нельзя подвести под значения (а), (б), (в) или (г) – здесь появляются новые оттенки, которые основаны на содержании (на так называемой когнитивной семантике) существенных *площадь*, *стена*, *дискета*. Актуализация когнитивной семантики в речевой коммуникации называется *инференцией*.

Необходимость учета, с одной стороны, языкового, конвенционального значения слова, и, с другой стороны, его практически безграничного речевого варьирования требует введения нового принципа семантических толкований, который учитывал бы и языковые, и речевые аспекты значения. Это возможно при условии, что в структуру семантической дефиниции будет введен когнитивно-прагматический элемент. Так, в случае прилагательного *пустой* множеству семантических оттенков следует предпочесть дефиницию, построенную по принципу амбисемии: *пустой x* = 'такой x, внутри или на поверхности которого нет предметов (или

того, что можно представить как предметы), которые в соответствии с нормой (с нашими знаниями о мире) должны там быть (обычно там есть)'. Такая дефиция может быть дополнена перечислением наиболее регулярных, прототипических (или прецедентных – в терминологии Ю. Н. Караулова) реализаций. Так на практике реализуется программный тезис функциональной лингвистики – единство семантики и прагматики, единство языкового (системного) и речевого (интерпретативного) значений.

Представленная здесь методология семантического анализа применяется в докладе также к исследованию грамматических категорий, в частности, к категории вида в современном русском языке.

Литература

1. Kikiewicz A. Modny wyraz – przymiotnik „wirtualny” (w zestawieniu z przymiotnikiem niemieckim «virtuell» oraz rosyjskim «virtual’nyj») // *Poradnik Językowy*. 1. 2006. S. 14–28.

Классификация используемых слов-паразитов в русской разговорной речи. Теоретические аспекты

Д. А. Клименко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Слова-паразиты, психическое состояние, заполнители пауз хезитации, маркер коррекции, маркеры контроля

Summary. One of the biggest problems of Russian colloquial language is the parasite words utilization. It is a linguistic phenomenon when many lexical elements that have loosed its main lexical significance are used, that's why there is no sense to use them and in any phrase they only complicate its comprehension. The words become parasites, being, for example a colloquial language widespread conjunction or a particle or an adverb. The main reason why words become parasites is their high frequency occurrence in speech. There are a lot of groups of parasite words, which appearance depends on different reasons of human psychological state.

Слова-паразиты (далее СП) – это такое языковое явление, при котором в речь проникает большое количество лексических единиц, потерявших свое основное словарное значение, вследствие чего не несущих в предложении никакой смысловой нагрузки. При этом данные лексические единицы являются лишними словами, засоряющими язык и портящими общую структуру и смысл высказывания. К сожалению, на сегодняшний день использование СП стало настоящей проблемой: чрезвычайное упрощение высказываний путем замещения большого количества синонимичных слов и выражений однообразными формулами, а также частое появление лишних слов ведет к снижению культуры устной речи.

Интересно, что слова, использованные в разных синтаксических конструкциях, могут иметь обычное свое значение, а могут стать и СП. Причины этого заключаются в манере говорения, в цели высказывания, в интонации, психическом состоянии говорящего, а также в ситуации общения. СП появляются из самых обыкновенных слов и выражений. Основным фактором становления их СП заключается в необоснованно повышенной частотности повторения одних и тех же языковых единиц. Поэтому СП, не выполняющие никакой синтаксической роли в предложении, происходят из распространенных в разговорной речи предлогов, союзов, частиц, наречий. Однако источники СП различны.

Своеобразная модель порождения высказывания представлена в таблице 1. Соответственно, если допускаются ошибки, сбой на каком-либо из первых двух этапов порождения высказывания, то на третьем и четвертом этапах в речи появляются незапланированные фразы, речь становится спонтанной, непродуманной. Как раз в такой речи и появляются СП.

Необходимо учитывать и возрастной аспект в рассмотрении данной темы. Известно, что существуют СП, использование которых характерно для определенного возраста человека. Так, например, в отдельную группу можно выделить СП, часто встречающиеся в речи современной молодежи (*на фиг, блин, типа, такой (-ая), просто* и т. д.). Они представляют собой наглядный пример, иллюстрирующий многообразие источников СП. В данном случае это молодежный сленг, жаргон.

Если классифицировать слова по частоте их употребления в речи, то можно выделить следующие группы СП:

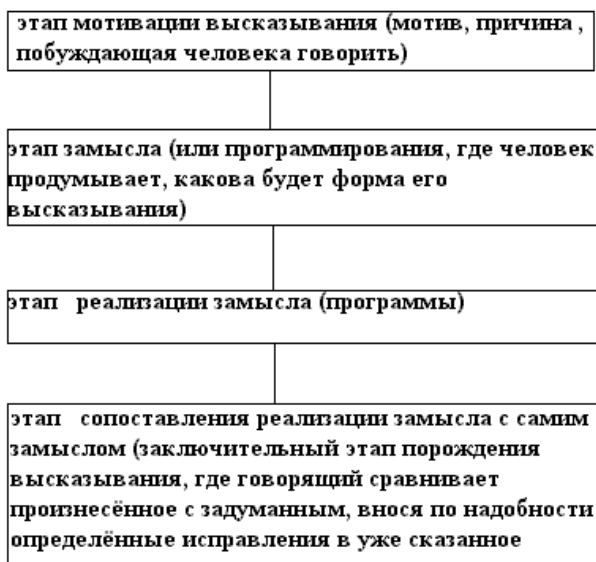
- слова, которые призваны привлечь внимание собеседника (*понимаете, знаете*);
- слова, которые используются в том случае, когда говорящий не уверен в правильности формулировки того или иного высказывания (*так сказать, скажем так, как говорится*), – гипертекстовые маркеры;
- слова-обобщения (*в общем, короче, собственно говоря, в принципе, по идее, по сути, вообще, короче, собственно говоря*);
- сочетания – **оттеночные выражения** (*честно говоря, на самом деле, откровенно говоря, такой (-ая)*).

Слово *такой (-ая)* относится одновременно к двум группам СП, одна из которых – группа **слов-апеллятивов**. Другая же группа – это **маркеры концептуализации**, формирующие в сознании говорящего понятие, соответствующее плану содержания одной или нескольких языковых единиц, которое затем будет вербализовано. К этой группе также относятся слова *как бы* и *вот*. Немного иной оттенок значения имеют СП *это, это самое, как его там*. Эти сочетания и слова говорящий использует не когда не может подобрать нужного слова, а когда точно знает, что ему нужно сказать, но при этом забывает необходимые для этого слова. Выражения типа *это самое* и *как его там* часто встречаются в речи пожилых людей. Выражение *я не знаю* постепенно становится паразитом. Во-первых, меняется интонация, с которой человек его произносит. Это уже не четкий ответ-отрицание. Выражение либо меняет значение отрицания на «напримр», либо вообще перестает нести смысловую нагрузку.

Не менее обширную группу слов составляют СП, которые помогают человеку выстраивать мысли в определенной последовательности. К ним относятся так называемые **заполнители пауз хезитации** (от *англ. hesitate* – колебаться, сомневаться), пауз, в которые происходит мысленное планирование дальнейшей цепочки высказываний (*вот, ну*) – **маркеры планирования; маркеры коррекции**, которыми пользуется говорящий для исправления оговорок (*значит, там, это*), и **маркеры контроля**, контролирующие реализацию замысла высказывания («*да*» в вопросительной форме).

Рассуждая о функционально-стилистическом регистре сниженной речи, В. В. Химик говорит о СП как о ненормативных единицах в спонтанной речи – «эксплетивном и реактивном использовании просторечий», что представляет собой натуральное речевое поведение. Здесь, в первую очередь, Химик говорит о слово- или фразеупотреблении, кото-

Таблица 1.

рые сродни асемантичным (от греч. *semanticos* «обозначающий», в данном случае с приставкой *a-* – «ничего не обозначающий»), «бессмысленный») заполнителям пауз типа *ну*, *значит*, *вот* и т. п., представляющим, наряду с ними, эксплетивное (от лат. *ex + pleo* – ‘наполнять’), т. е. балластное (от англ. *ballast* «лишний груз») наполнение в затрудненном речевом потоке. «Характер этого асемантичного балласта зависит от общей культуры говорящего». Однако далеко не всегда использование подобных асемантичных конструкций говорит о недостаточной образованности говорящего.

Например, когда, теряя свое основное значение указательного местоимения, слово «*вот*» приобретает функции паразита, то оно может быть отнесено к группе «заполнителей паузы гезитации». Причем, по результатам проведенных практических лингвистических исследований, *вот* – один из немногих СП, которые выделяются интонационно. Существует три варианта произнесения слова *вот* в качестве начального слова в предложении: первый – это когда человек тянет звук [о], одновременно с тем подбирая нужное ему предложение (функция связующего звена в спонтанной речи). Второй способ – это довольно быстрое произнесение звука [о], после чего повествователь делает паузу, задумываясь над следующей фразой. Третий способ – это быстрое

произнесение звука [о], близкое к «проглатыванию» без последующей паузы, что говорит о том, что использование слова *вот* вошло у говорящего в привычку, и он употребляет его даже тогда, когда не требуется заду́мываться над последовательностью предложений (для этого случая характерно расположение слова *вот* не только в начале, но и в середине предложения).

Отдельное внимание стоит уделить также СП *как бы*. В своей книге «Слово в российском телеэфире» А. Д. Васильев назвал это слово «вербальным символом эпохи перемен», мотивируя это тем, что, судя по засоренной речи многих тысяч людей, все у нас в России происходит только как бы, т. е. не до конца, отчасти, или вообще никак. К СП относятся и такие, которые при слишком частом их употреблении закрепляются за речью говорящего. Такие слова зачастую указывают на некоторые черты характера человека (например, стеснительность, решительность, неуверенность и т. п.).

Обращать внимание на СП необходимо для того, чтобы повышать культуру устной речи. Изучение индивидуальных особенностей их употребления может предоставить дополнительные сведения о характере говорящего, а потому окажется полезным в таких прикладных областях знаний, как лингвокриминалистика и психодиагностика.

Количественные и качественные характеристики корпуса новых слов в «Словаре языка русской поэзии XX века»

Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Поэтическая лексикография, новое слово, статистические языковые параметры

Summary. This work includes researching of the corpus articles characteristics, which are in the «XX-th Century Russian Poetry Language Dictionary», with titles having the note «new».

В работе исследуется корпус статей, входящих в 1-й и 2-й тома «Словаря языка русской поэзии XX века» (А – В, Москва, 2001; Д – Ж, Москва, 2003), заголовочные слова которых имеют помету «нов.». Первые два тома Словаря содержат около **11000** словарных статей, включающих хронологически упорядоченные стихотворные строки из произведений 10 выдающихся русских поэтов-словотворцев: И. Анненского (в Словаре – сокращенно *Анн*), А. Ахматовой (*Ахм*), А. Блока (*АБ*), С. Есенина (*Ес*), М. Кузмина (*Куз*), О. Мандельштама (*ОМ*), В. Маяковского (*М*), Б. Пастернака (*П*), В. Хлебникова (*Хл*), М. Цветаевой (*Цв*). В этом корпусе пометой «нов.» снабжено около **800** заголовочных слов, не содержащихся в словарях русского литературного языка (толковых, орфографических и др.), а также в диалектных, терминологических и иных словарях. Как правило, эти слова являются авторскими окказионализмами.

Количественное распределение новых слов по авторам и датам создания стихотворений

Подсчеты показывают, что наибольшее количество новых слов в исследованном корпусе принадлежит Цветаевой, наименьшее – Ахматовой:

Анн –21; Ахм –11; АБ –16; Ес – 47; Куз –26; ОМ –50; М –128; П –33; Хл –184; Цв –306

Для этой группы слов были также получены данные их количественного распределения по датам создания стихотворений. Ниже приведены эти данные для разных временных отрезков, среди которых выделяются 1920 г., 1922 г., 1923-1925 гг. и 1926-1930 гг.:

1898: **1** (*АБ – безмятежье*); 1900–1907: **34** (*Анн, АБ, Куз, П*); 1908: **20** (*Хл, 1 Куз – девица-муж, 1 Цв – диван-корабль*); 1909–1910: **24** (*Анн, Ахм, ОМ, П, Цв, Хл*); 1911–1916: **86** (*Ахм, Ес, Куз, М, П, Хл, 1 АБ – гневно-светел, 1 ОМ – дружок-островитянин*); 1917–1919: **57** (*Ахм, Ес, Куз, М, П, Хл, Цв*); 1920: **185** (*Хл, Цв; 1 Ес – бессиянный; 1 Куз – взлиловеть; 3 М – взорить, гейнеобразное, животнице*); 1921: **56** (*Хл, Цв; 1 Куз – аврориться*); 1922: **116** (*Хл, Цв; 6 Куз; 1 Ес – вязевый*); 1923–1925: **113** (*Ес, Куз, ОМ, М, П, Цв*); 1926–1930: **115** (*Куз, ОМ, М, П, Цв*); 1931–1937: **46** (*ОМ, Цв; 1 П – броски (наброски сочинений)*); 1945–1961: **6** (*Ахм – выдразнить, встреча-разлука, великан-кирасир, государыня-смерть; П – баловник-невежа, живитель*).

126

Количественное распределение новых слов по частям речи

Приведенные ниже данные показывают, что основную часть массива новых слов составляют существительные, к которым примыкают в количественном отношении прилагательные и глаголы. Существительные (416), например: *балконец, бегавя, безбреж, бел-рыцарь, бесптичье, бихорь, бобры-шалы, Бог-мог, Богоотвод, Божествеж, бредопереезд, будетлянин, вереск-потеря, взлётшы, времышы-камышы, всегдава, всхоры, вьтяж, вьюго-богослов, галлюцинантка, глупостварь, голгофник, государыня-смерть, Гренлап-люб-ландия, девка-маслобойка, диктатор-выродок, дольза, достоевскиймо, ёж-черноголуб, жарирь, женоупруг, жижняночка*. Прилагательные (155), например: *аврорий, амурно-лировый, безжеланно-туманный, большевитый, бурлючий, вампирственный, внезапно-чужой, всеводный, высокосветский, голуботвердый, грезурный, грустноглазый, девицедымный, древожизненный, жвачно-бумажный*. Кроме полных прилагательных, отмечаются также субстантивированные прилагательные (2): *гейнеобразное, дваждыпадашая*, прилагательные в краткой форме (21), например: *авроров, ароматны-легки, бескуражен, веек, все-язычен, головат, жестоколист*, и в форме сравнительной степени (2): *блаже* (блаженнее), *движче*. Причастия (13), например: *беззвучно-звонящий, быстроживущий, влажно-трепещущий, высокодышащий, вытерзанный, живоплещущий*. Кроме полных причастий, отмечаются также причастия в краткой форме (3): *бархачен, виштопорен, вылистан*. Глаголы (82), например: *аврориться, виолончелить, бессмертноветь, большиться, впадываться, вплесниться, голгофить, деворадоваться, докраснобайствоваться, жечь-красоваться*. Деепричастия (12), например: *большевея, взаимоокрылившись, зморща, вызмеив, железясь*. Наречия (25), например: *архи-почетно, благостно-звонко, брыком-ревом, вещеобразно, всеутесно, вспех, всхруст, всюду-езде, глядко, духом-пыхом*. Местоимения (2), например: *без-нас, весь-от-и*. Междометия (13), например: *а-цаца, барабах* и т. д. Особую группу составляют слова, относящиеся к единицам языка богов (31) (В. Хлебников), например: *ак, али, амч, апр, бакв, бзуй, гракахата, дамчи, дзиага, жраб*; и единицам звездного языка (11) (В. Хлебников), например: *быум, воум, взум, го, даум, деум*.

Структурные особенности новых слов

В выбранном массиве новых слов – 72 являются сложными словами, например: *белохрущатый* (Цв), *бесконечночасый* (М), *бледноколонница* (Куз), *богороди* (Хл), *ветхохусли* (Хл), *вечерогрив* (Хл), *взаимоокрылившись* (П), *власозвёздный* (Ес), *главлуд* (Цв), *глубокожирный* (Хл), *громозвон* (Куз), *громоустый* (М), *деворадоваться* (Цв), *дремноносный* (П), *душемутитель* (ОМ), *желтосерп* (Анн), а 312 – сложносоставными, например: *а-бе-ве-ге-де-е-же-зе-ком* (М), *Авель-город* (Цв), *безжеланно-туманный* (АБ), *белотревожно* (Анн), *бессонница-сиделка* (Ахм), *брык-скок-беглёт* (Цв), *век-Арарат* (М), *воздух-слуга* (ОМ), *Гзак-загребаст* (Цв), *глаза-тарелины* (ОМ), *глазы-уголья* (Ес), *гневно-светел* (АБ), *город-сверчок* (М), *государыня-смерть* (Ахм), *Грен-лап-люб-ландия* (М), *девушка-ель* (Ес), *дерево-машетрябина* (Цв), *дума-страница* (Анн).

Характеристика контекстов в статьях на новые слова

В отличие от других статей Словаря, статьи этого типа содержат, в основном, один стихотворный контекст. Исключением составляет ряд статей (30) с примерами из В. Маяковского, В. Хлебникова, О. Мандельштама и М. Цветаевой, включающих от двух до четырех контекстов из разных произведений одного автора, например:

АВРОРОВ [нов.; прил. к «АВРОРА»] А поверху / город / как будто взорван: / бабахнула / шестидюймовка Авророва. М927 (539); и виденьем кита / туша / Авророва. [рфм. к прорва] М927 (547); БУДЕТЛЯНИН [нов.] Мы, бюджетяне, в сердце носим [числа] И их косою травы косим. На просят тшечно: мир верни, Где нет винта и шестерни. Но б., гайки трогая, Плаща искавший долго впору, Он знает: он построит многое, Хл911-13 (439); Тринадцать лет хранили бюджетяне За пазухой, в глазах и взорах, В Красной уединясь полне, Дней Носаря зажженный порох. Хл920, 21 (281); БЕК-ВОЛКОДАВ [нов.] Что же потом? Хрип горожан И толкотня в гардероб. Бал-маскарад. Век-волкодав. [рфм.: рукав] ОМ931 (170.2); Мне на плечи кидается век-волкодав, Но не волк я по крови своей: [рфм.: рукав] ОМ931, 35 (171.2); ГЛУШИЗНА [нов.] Есть час на те слова. Из слуховых глушизн Высокие права Выстукивает жизнь. Цв922 (II, 118.1); Существования котловину Сдавленная, в столбняке глушизн, Погребенная заживо под лавиною Дней – как каторгу избываю жизнь. Цв925 (II, 255.1)

В «Словаре языка русской поэзии XX века» различаются несколько типов контекстов: стихотворные строки, заглавия и подзаголовки стихотворений, эпиграфы, посвящения, авторские ремарки. В корпусе «новых слов» статьи, в основном, состоят из контекстов первого типа, т. е. включают стихотворные строки. Лишь в пяти статьях в качестве контекстов присутствуют заглавие и подзаголовки стихотворения: БАБОЧКА-БУРЯ [нов.] БАБОЧКА-БУРЯ Загл. П923 (I, 236); ВВОДЬМО [нов.] Вводьмо в 3-е деймо Подзаг. [к сказке «Снежимочка»] Хл908 (388); ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ [нов.] ГЕЙНЕОБРАЗНОЕ Загл. М920 (89.2); ГОРЛИНКИ [нов.; здесь – деньги; Мандельштаму выплачивал гоно-

рар А. Н. Горлин, зав. иностранным отделом Госиздата] БАЛЛАДА О ГОРЛИНКАХ Загл. Шутл. ОМ924 (350.2); И не бумажные керенки – Мы только г. берем! Шутл. ib.; Поет бухгалтер соловьем: – Кто на кредитки пияит зенки? Мы только г. берем! Шутл. ib.; ДЕВА-РЕВОЛЮЦИЯ [нов.] ДЕВЕ-РЕВОЛЮЦИИ Загл. АБ906 (II, 324)

В Словаре контексты также снабжаются различными пометами, в том числе стилистическими, например: *Аллюз.* – аллюзия, намек; *Бран.* – бранно, бранное; *Груб.* – грубо, грубое; *Детск.* – детское; *Ирон.* – иронически; *РП* – речь персонажа; *Хм.* – знак сомнения в правоте поэта; *Цит.* – цитата; *Шутл.* – шутливо и др. Контексты более чем в 190 статьях рассматриваемого корпуса снабжены подобными пометами. Например, *РП* (149) встречается в статьях на слова *безава*, *безоглядно*, *бесхотенный*, *бунтарь-дьяк*, *велик-день*, *вытелить*, *глупостварь*, *господарчик*, *грезурный*, *друг-автомобиль*, *жечь-красоваться* и др.; *Ирон.* (22) – *американистей*, *архи-почетно*, *библейс*, *двухметроворостый*, *жирно-алый* и др.; *Шутл.* (8) – *архивяне*, *всемирка-современка*, *всеводный*, *горлинки* и др.; *Детск.* (7) – *автомобилий*, *баловать-плавать*, *буквы-негрятата*, *глаза-огни*, *журчей* (суц.); *Хм.* (5) – *аль* (вар. к *алость*), *Божик*, *Божнице*, *выгибь*, *евангелишко*.

Новые слова в позиции рифмы

Более трети слов данного корпуса (315) находится в конце стихотворной строки, в рифменной позиции. Ниже приведены примеры наиболее интересных рифменных пар для новых слов различных частей речи, принадлежащих разным авторам: АВТОМОБИЛИЙ: вымыли – автомобилей М926; АГИТ-ВИНТ: о новом агит-винте – Коминтерн М926; АЛО-ЗОЛОТОПЁРЫЙ: Смотрю на зимние горы я – ало-золотоперые Куз917; АЛОКОЖИЙ: алокожие – безбожие Хл921, 22; АЛЬ [вар. к АЛОСТЬ]: альчики – аль чеки Хл922; БИБЛЕЕЦ: блеется – библейцем М924; БУС-УДАВЛЮСЬ: Через всю Русь – Бус-удавлюсь Цв922; ВЕСТИЙКА: вестийка – с манифестиком М924; ВЕЩИН: женщиной – вещицы М914-15; ВИДЕННЕГА: виденнега – это слово в виде неги Хл909; ВОЗДУШЬ: воздушь – кому ж Хл915; ВСПУРГ: Вспург – Шлиссельбург Ес924; ВШТОПОРЕН: вштопорен – По гранд / по опере М929; ВЫГРАТЬСЯ: развалец – выгратись П928; ВЫПЕНИТЬ: выпень – кипень П917; ВЫТЯЖ: Китежа – на бездонном вытяже Ес918; ВЯЗЕВЫЙ: вязевый – Азия Ес922-23; ГЛАВ-КРЫС: Крысинный обвал. Куль! Рвись: Глав – крыс! Цв925; ГОРЛАН-ГЛАВАРЬ: горлана-главаря – с живыми говоря М929-30; ГРЕН-ЛАП-ЛЮБ-ЛАНДИЯ: Подвинут метельной банде я. – Грен- / лап- / люб-ландия? М923; ГРУДИ-ГОРЫ: в этой груди горя – груди-горы. М923; ДЕВИЦЕДЫМНЫЙ: слон девицедымный – носилок призрак зимний. Хл913; ДЕКАБРЬ: декабрь – канделябры. М914-15; ДУМА-СТРАНИЦА: дума-страница – туманится Анн900-е; ЖЕЛТОГЛАЗИНА завод, / желтоглазина – Стеньку Разина. М924; ЖИРНО-АЛЫЙ: Заголовком / жирно-алым – по журналам М929 (361).

Спелеонимы как объект изучения когнитивного терминоведения

И. В. Кочеткова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

Когнитивное терминоведение, профессиональная языковая картина мира, спелеоним

Summary. The article is devoted to study of caves' names as an important part of the professional world model of cavers. This work is written within cognitive approach in terminology.

Когнитивное направление – самое молодое в парадигме современного терминоведения. Оно возникло в конце XX – начале XXI вв. Его формирование связано с именами таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Ж. Лакофф, Р. Теммерман, М. И. Володина, Л. А. Манерко, Л. М. Алексеева и др. Предпосылкой для возникновения когнитивного направления в терминоведении послужил ряд факторов: во-первых, смена парадигм в истории мирового языкознания, благодаря которой язык стал рассматриваться с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека; во-вторых, практическая потребность описания терминов с позиций когнитивного подхода, позволяющего исследовать не только лингвистический, но и экстралингвистиче-

ский материал; и, наконец, гносеологическая природа самого термина, являющегося важным инструментом познания мира.

Одним из основных объектов исследования когнитивного терминоведения является профессиональная языковая картина мира, которая отражает фрагмент мира, ограниченный рамками определенной профессиональной области. В языке она актуализируется посредством специальной лексики.

Изучению языковой картины мира представителей различных профессий посвящены работы Е. М. Климова «Образ мира в разнотипных профессиях» (1995 г.), Г. В. Токарева «О некоторых особенностях восприятия мира русским провинциальным ремесленником» (1999 г.) и ряд других.

Большой лингвистический интерес представляет исследование профессиональной языковой картины мира спелеологов, деятельность которых связана с изучением доступных для человека подземных полостей.

Важную роль в познании профессиональной картины мира спелеологов играют наименования пещер, гротов, колодцев и других видов подземных пустот, обозначаемые в специальной литературе термином *спелеоним* [от греч. *spelaiōn* – «пещера»]. В них моделируется образ подземного пространства, обладающего особым климатом и морфологией, отражаются древнейшие представления человека о пещерах как о вратах в потусторонний мир, месте обитания мифических существ и злых духов. Подобные представления, активно влияющие на формирование профессиональной картины мира, послужили причиной возникновения в системе спелеонимов Красноярского края таких названий, как *грот Гоблинов*, *ход Дракона*, *пещера Голубой дракон*, *грот Призраков* и др. Любопытно, что укреплению фантастических представлений о подземных пустотах в немалой степени способствуют и сами исследователи пещер, распространяющие среди новичков легенды о «черном» и «белом» спелеологах.

Система спелеонаименований включает в себя несколько видов названий пещер. Самым распространенным видом номинации, по мнению Е. М. Поспелова, В. Н. Дублянского и ряда других ученых, являются названия, указывающие на географическое положение подземного объекта: *пещера Торгашинская* (находится на склоне Торгашинского хребта), *пещера Баджейская* (расположена вблизи поселка Степной Баджей), *пещера Караульная* (находится в районе реки Караульная).

Многочисленна также группа спелеонимов-меморативов – названий, присвоенных в честь каких-либо выдающихся деятелей, памятных дат и событий: *галерея Максимовича* (названа в честь известного отечественного исследователя пещер Г. А. Максимовича), *грот Мигеля* (в честь кубинского политического лидера), *грот Первомайский*, *пещера 8 Марта*.

Однако подобные наименования не дают представления о характере обозначаемого ими подземного объекта, а лишь

называют его. Гораздо больший интерес вызывают спелеонимы, образованные на основе метафорического переноса, ведь метафора, как известно, является одним из основных способов создания языковой картины мира. К этой группе относятся следующие названия: *пещера Мамонтова* (вход в нее очень большого размера), *грот Каменоломня* (пол завален огромными камнями), *грот Штаны* (два ответвления грота уходят вниз, как штанины), *галерея Зубастая* (стены галереи покрыты неровными выступами, напоминающими клыки).

Особую роль для изучения спелеонимов с позиций когнитивного терминоведения играют названия, связанные с эмоциональной стороной восприятия пещеры. В них отражена вся гамма чувств исследователей, от восторга и удивления до суеверного страха. Подобные названия можно разделить на две основные группы:

1) спелеонимы, отражающие положительные эмоции (*грот Хороший*, *грот Очарование*, *грот Грандиозный*, *грот Смачный*);

2) спелеонимы, отражающие отрицательные эмоции (*ход Скучный*, *грот Стрем*, *грот Идиотский*).

В этом случае спелеонаименования выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они отражают информацию о той или иной пещере, полученную номинатором непосредственно в ходе исследования подземной полости, с другой стороны, сами становятся инструментом познания, так как содержат предварительную информацию об объекте, характеризуют его. Названия пещер сообщают спелеологам информацию о характере прохождения подземного маршрута (*ход Поклонов*, *ход Ползунок*, *ход В темпе вальса*), предупреждают о возможной опасности (*разлом Опасный*, *пещера Западня*, *грот Жуткий треугольник*), создают определенный эмоциональный настрой (*пещера Оптимистическая*, *грот Очарованный*, *грот Мрачный*).

Таким образом, спелеонимы активно участвуют в формировании профессиональной картины мира, поскольку их создание является результатом когнитивного освоения окружающей действительности. Всестороннее изучение данного вида ономастической лексики представляет большой интерес для когнитивной лингвистики.

Через слово – к концепту

С. А. Кошарная

Белгородский государственный университет

Языковая картина мира, лингвокультурный концепт, слово как текст

Summary. This article is dedicated to a search of method revealing basic elements of ethnic image world – lingvoculturological concept, which encodes information on objects of reality important for user of ethno-language's consciousness. The question of possibility to determine exact quantity of lingvoculturological concepts is opened today. The existing points of view on that problem are contrary: from several dozens to joint national thesaurus. Probably, we must proceed from words analysis as objective representations of lingvoculturological concepts in language world picture.

Сегодня одним из ключевых в лингвокультурологии является понятие концепта. При множестве вариантов его толкования общее мнение сводится к тому, что концепт представляет ментальную действительность, а основным средством его объективации является слово. Несмотря на то, что слово представляет концепт не полностью, оно выступает в качестве своеобразного стимула, «открывая» в сознании человека «файл», содержание которого заключено в понятии. Далее понятие вызывает «воспоминание» о представлениях и актуализирует некоторое ментальное изображение (образ).

По справедливому замечанию В. Гумбольдта, слово есть эквивалент того, как был осмыслен предмет в момент изобретения слова. Накопленный тем или иным этносом исторический опыт находит свое отражение в языке, а потому слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст. Данное положение опровергает достаточно распространенный тезис о том, что возможно существование надэтнических, универсальных концептов, особого универсального предметного кода, единого для всех людей, независимо от их принадлежности тому или иному этноязыковому сообществу.

Мысль об изоморфизме слова и текста высказывалась неоднократно. Этого мнения придерживался, в частности, Ю. М. Лотман, считая минимальными текстами комбинации морфем в словах или отдельных морфем. Об изоморфизме

структуры значения слова и высказывания, о том, что в слове вычленяется идентифицирующее (или классифицирующее) основание (тема) и ассертивная часть (рема), в 1975 году писал Ю. С. Степанов. Между тем эта ассертивная часть не является «семантической долей» денотата, а значит, не соотносится с понятием. Это, скорее, «имплицитное высказывание» субъекта о ценности денотата, так называемая «оценочная модальность». Таким образом, в слове заложено то, что можно выразить в высказывании, тексте.

И если «текст стремится превратиться в отдельное «большое слово» с общим единым значением» (Ю. М. Лотман), то и слово может быть рассмотрено как первичный текст, повествующий о том или ином культурном факте. При этом текст этого типа не дискретен, он не членится на отдельные знаки, но выполняет основную присущую тексту функцию – быть транслятором сообщения (в данном случае – о денотате, референте). В этом ключе номинация рассматривается как результат и следствие предикационных процессов и основа для их воспроизводства.

В ходе описания языковой картины мира с точки зрения отражения в ней процессов концептуализации действительности встает вопрос о возможности или невозможности создания закрытого перечня концептов для той или иной лингвокультурной общности. Так, по мнению Ю. С. Степанова, в общечеловеческой культуре насчитывается не более 50

концептов. З. И. Кирнозе, напротив, полагает, что определение точного круга национальных концептов – задача окончательно неразрешимая. Однако это не снимает необходимости поиска методов, на основании которых возможно выявление основных, базовых, элементов национальной картины мира.

По нашему мнению, методика выявления концептов может базироваться на принципе «значимости вербализации отрицания». За основу нами был взят известный в психологии принцип, согласно которому «отрицание является способом познания вытесненного». Исходя из того, что употребление «символа отрицания» (в естественном языке в качестве вошедших в активный словарь заимствований из морфемы) есть показатель значимости отрицаемого для субъекта (в нашем случае – этноязыкового субъекта), мы проанализировали около 1400 лексем с префиксами отрицания *не-*, *без-* / *бес-*, *у-*, вычленимыми в синхронии или диахронии. При этом слова должны были отвечать следующим условиям: общеупотребительность, исконное происхождение (за исключением ранних заимствований в праславянский, значение которых сформировалось на славянской почве, а также вошедших в активный словарь заимствований из церковно-славянского языка: *неразумный* и т. п., имена с суффиксом *-ост-* и т. д.). Все отобранные лексемы представляли собой отыменные образования, не являющиеся сложными словами. В результате проведенного нами тематического анализа слов с префиксами отрицания обозначился ряд следующих тем, которые могут быть квалифицированы как концепты: «Бог», «Дело», «Семья», «Человек», «Род» и т. д. Заметим, что корпус выявленных нами концептов во многом совпал с концептами, выделяемыми другими авторами в рамках синхронной картины мира (Ю. С. Степанов, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев и др.), а также большей частью соответствует – на уровне вербализаций – корпусу *бытийных* имен, выявленных М. Н. Заметиной для древнерусского и русского языка старшего периода, что свидетельствует об исторической устойчивости, а следовательно, концептуальном значении данных слов. В образовавшийся

список вошли почти все существительные, характеризующиеся, согласно частотному словарю русского языка словарю Л. Н. Засориной, высокой частотностью: *год, дело, время, человек, люди, рука, жизнь, день*. Безусловно, данный список не вбирает в себя полный свод национальных концептов (по-видимому, такая задача столь же невыполнима, как и создание национального тезауруса), но он намечает основные области концептуализации.

Однако предложенный нами путь, безусловно, не является единственно возможным. Иной подход может основываться на положении, согласно которому слова–концепты есть «ключевые слова культуры». Перспективность использования ключевых слов в качестве средства изучения национальной концептосферы не вызывает сомнения. Однако «анализ ключевых слов культуры не обязательно должен вестись в духе старомодного атомизма. Напротив того, некоторые слова могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры», на что указывает А. Вежицкая. По ее мнению, исследуя эти «центральные точки» и сопряженные с ними единицы ментально-языкового уровня, мы получаем возможность «продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сфере в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей». И в этом сложном взаимодействии участвуют номинативные единицы как минимальные единицы высказывания. Пространство значений (и прежде всего – лексических) – это вполне реальное таксономическое отображение эмпирического и теоретического (абстрагирующего) знания о мире, в которое включается культурно-языковой опыт данной языковой общности.

Исходя из этого, можно полагать, что значимость заложенной в концептах информации проецируется на степень их лексической разработанности, которая определяется количеством и структурными особенностями репрезентаций концепта. Таким образом, показателем разработанности концепта оказывается степень словарной разработанности его «имени».

Глобализация и национальная терминология

В. М. Лейчик

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва

Глобализация, мультилингвализм, субглобальные центры культуры и языка, гармонизация языка (терминологии)

In my paper, I will demonstrate the inevitability of globalization in the modern world. Globalization, however, is not the same as americanization. Real globalization allows for the development of national languages and cultures. I believe, that several subglobal centers will exist simultaneously for a quite a long period of time, including those based on Russian culture and language. I will also describe methods of harmonization of national languages and terminologies.

В мире европейско-азиатско-американской (христианской) цивилизации существует, по крайней мере, три точки зрения на современную глобализацию. Согласно первой точке зрения, которая отражает наиболее распространенные процессы в материальной и духовной культуре, включающей экономику, с середины XX в. тенденция глобализации постоянно нарастает. Признание глобализации естественной и неизбежной тенденцией в современном мире позволяет объяснить и международный обмен в сфере духовной культуры, и создание материальных и духовных продуктов мирового уровня по содержанию и национальных по форме, в частности, по языку. Одним из вариантов этой первой точки зрения является предпочтение американской экономики и культуры, что имеет под собой серьезные основания: действительно, многие достижения цивилизации имеют свое начало в США с их пионерскими решениями в сфере информационных технологий, военной, промышленной и бытовой техники. Однако приравнение глобализации к американизации несостоятельно. В научной и общественно-политической литературе последних лет содержится значительное количество опровержений высказываний Д. Кристала, который отстаивает позицию тождества глобализации и американизации. Рациональный подход к глобализации оставляет место политике регионализации с выделением в качестве центров научно-технического и общественного прогресса ряда стран Западной Европы, России, Японии и Юго-Восточной Азии.

Вторая точка зрения – позиция антиглобалистов, направленная на устранение преобладания США и некоторых дру-

гих высокоразвитых стран и провозглашение приоритета национализма (вплоть до расизма и шовинизма), ни по методам действий, ни по объектам, подвергающимся разрушению, ни по идеологическим установкам – не находит оправдания и не устраняет условий, способствующих неизбежности глобализма.

Третья точка зрения на глобализацию начала развиваться лишь в самые последние годы как реакция на две предшествующие. Она состоит в том, что естественное расширение глобализации и появление единой интернациональной материальной и духовной культуры будет достигнуто через расцвет национальных, по крайней мере, региональных культур, в том числе через развитие субглобальных центров, включая расцвет ряда так называемых мировых языков и их естественное сближение (вначале – гармонизацию).

Проблема мультилингвализма является в настоящее время и надолго останется актуальной в любой точке земного шара. По словам известного ученого Вяч. Вс. Иванова, в настоящее время в мире имеется несколько областей преобладания того или иного языка, на котором формируется региональная культура, затем по разным направлениям сближающаяся с другими. Это области распространения китайского языка (1075 млн. носителей), японского языка (885 млн. говорящих), английского языка во всех его вариантах (514 млн. носителей и пользователей), русского языка (275 млн. носителей и пользователей), арабского языка (несколько десятков миллионов носителей), испанского языка (425 млн. носителей – в Европе, Центральной и Южной Америке),

французского языка (129 млн. носителей и пользователей), немецкого языка (129 млн. носителей).

Результатом распространения перечисленных и некоторых других языков является создание ряда субглобальных центров языка и культуры. В настоящее время не стоит вопрос о создании единого интернационального (мирового) языка и даже интернациональной научной, технической, технологической, экономической терминологии (В. В. Акуленко); вероятно, в течение долгого времени сохранится несколько центров, использующих так называемые мировые языки, и, таким образом, проблема мультилингвализма и взаимного перевода с языка на язык не снимается с повестки дня. Одним из таких центров являются Россия и примыкающие к ней страны, где русский язык, в частности, русская терминология, выступают на первый план.

Проблема мультилингвализма несколько преобразуется в современную эпоху: в тех случаях, когда уровень науки, техники, технологии у представителей отдельных субглобальных центров примерно одинаков, базируется на достижениях глобализации, в том числе совместной практической и научной деятельности и оформления результатов этой деятельности на одном (например, русском или ан-

глийско-американском) языке, включая терминологию и профессиональную лексику (сфера вычислительной техники и технологии и др.), возможно добиться использования единого языка (не исключая варианты на отдельных языковых уровнях). В тех же случаях, когда национальный или региональный компонент неустраивает или даже имеет важное научное или экономическое значение, применяются разработанные в последнее время научные методы гармонизации языка, в том числе терминологии (см. имеющиеся источники).

Литература

1. *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004.
2. *Crystal D.* English as a global language. Cambridge, 2003.
3. Интернациональные элементы в лексике и терминологии / Ред. В. В. Акуленко. Харьков, 1980.
4. *Лейчик В. М.* Прикладное терминоведение и его направления // Прикладное языкознание: Учебник / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 1996. С. 276–286, особ. с. 279–280: «гармонизация терминосистем».
5. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.

Имя собственное в игровой стилистике языка СМИ

П. А. Лекова

Дагестанский государственный университет, Махачкала

Онимы, языковая игра, графическая актуализация

Summary. This article gives analysis of the remedies of the language game on the basis of the proper names in mass-media.

1. В современном языкознании традиционной и достаточно изученной является «литературная жизнь» ономастических единиц, исследование же их семантико-стилистических функций в языке СМИ – относительно новое направление в самой ономастике, а также в лингвистике текста, языковой концептологии, лингвострановедении и других отраслях современного языкознания. Как известно, имена собственные тесно связаны с жизнью общества, поэтому всегда реагируют на социальные, политические культурные изменения в стране, мире. Эти единицы, обладая ярким экстралингвистическим фоном, становятся своеобразными маркерами времени. В современных ономастических исследованиях определенные группы имен собственных описываются как «онимы текущего момента», «ключевые онимы».

2. В «ономастическое пространство» современного газетно-журнального дискурса включаются онимы разных групп: антропонимы, топонимы, фирмонимы, фильмонимы, урбанонимы и др. Журналисты активно вовлекают их в процесс языковой игры, так как эти единицы хорошо приспособлены для выражения позиции автора, издания, а также для создания оригинальных форм подачи материала.

3. Имена и фамилии публичных людей: политиков, государственных деятелей, ученых, артистов, спортсменов и др. часто привязаны к определенному промежутку времени в жизни общества. В последнее время читатели наблюдают своеобразный «ономастический бум», который возник вокруг имен и фамилий признанных и начинающих исполнителей, актеров, теле- и радиоведущих, спортсменов. Несмотря на то, что эти ономастические единицы несут ярко выраженную смысловую нагрузку, создают неповторимую стилистику газетно-журнального дискурса, передают характерный колорит, выстраивают исторические параллели, обладают ассоциативным фоном, чрезмерное «жонглирование» этими единицами в погоне за оригинальностью подачи материала приводит к нарушению профессиональной этики. Такие факты требуют критического отношения со стороны самих издательств, общественности, лингвистической экспертизы.

4. Сегодня можно выделить несколько распространенных способов использования имен собственных для создания игровой стилистики языка СМИ, причем наибольший лингвистический и экстралингвистический интерес вызывают факты вовлечения онимов в поле языковой игры с целью выражения эмоционально-экспрессивной оценки.

5. Первое направление в использовании игрового потенциала онимов связано с тем, что эти единицы являются эф-

фективным средством создания каламбуров. Традиционно каламбур строится на таких известных языковых явлениях, как полисемия, омонимия, омофония, паронимия. Эффект каламбура обусловлен проекцией «нового» значения слова на его «старое» значение и возникающей вследствие этого перекличкой смыслов. Как известно, мысль, представленная в форме каламбура, выглядит ярче, острее, парадоксальнее; вовлеченная в словесную игру языковая единица «притягивает» внимание читателей или слушателей (*отвести душу на вокзал, науки юношей пытаются, трамвай представлял собой поле брани* и др.).

6. В лингвистической литературе явление каламбура, как правило, демонстрируется на фактах переосмысления значений апеллятивов. Анализ языкового материала нашего сообщения показал, что наиболее активно в современных СМИ используется прием языковой игры, основанной на омонимии имени собственного и нарицательного: *Таисия Павалий повалила Россию!* (Платан); *Браво, «Браво»!* (Отдохни!) – о юбилейном концерте знаменитой группы; *Таинственные корни у группы «Корни»* (Фабрика новостей); *Погода солнечная! С вами Юлия Солнечная!* (Лиза) – о ведущей молодежных программ на радио; *Кто из Викторов одержит викторию?* (МК) – заголовок статьи о выборах на Украине и др. В рамках языкового каламбура рассматриваются факты смыслового переосмысления внутренней формы онима для актуализации его значения. Причем такое переосмысление также основано на созвучии всего имени или его части с апеллятивами, но эти единицы не сталкиваются в пределах контекста, перекликаются их смыслы, облаченные в одну графическую оболочку: *«Мираж» не рассеивался весь вечер* (Premier) – о концерте знаменитой в 90-е годы группе; *Кто двигает «Локомотив»?* (АиФ) – об околофутбольных интригах; *Новые отблески «Маяка»* (АиФ) – заголовок статьи о юбилее радиостанции; *Кудри новой демократии вьются вокруг Кремля* (МК) – об Алексее Кудрине и др.

7. Одной из ярких черт употребления онимов в текстах разных публицистических жанров является способ графической актуализации всего имени или его части с целью выделения переосмысленной части. Такие образования чаще всего встречаются в заголовочных текстах, названиях популярных среди читателей рубрик. Этот прием, несомненно, усиливает эмоционально-визуальное восприятие текста. Уместно в этом отношении вспомнить тезис А. Ф. Кони о так называемых «зацепляющих крючках», призванных привлечь внимание аудитории в самом начале выступления.

Так как текст заголовка в публицистическом жанре выполняет и функцию вступления, введения, то графическая актуализация онимов – эффективный прием быстрого привлечения внимания читателей. Удачно обыгрываются антропони-мы, имеющие в своем составе части, созвучные с морфемами, сочетаниями звуков из нарицательных слов: *Утомленный Круз* (Молоток); *Джонни Деппрессия*; *Демид гламур* (Отдохни!); *Шарлиз Терония* (Молоток); *НеСтальная Надежда* (АиФ – о Надежде Аллилуевой); *Турман Умапомрачительная* (Платан) и др.

Метафорический потенциал русских производных глаголов (на примере глаголов «водной» семантики)

Х. Лесани

Тегеранский университет (Иран)

В русском языке группа глаголов водной семантики представляется достаточно интересной, так как является одной из самых обширных и продуктивных в плане семантической деривации. Номинативные значения данных глаголов отражают связи и зависимости между объектами реальной действительности (*течет вода, утонуть в реке, плывет лодка, кипит вода*), метафорические значения связаны с другими денотатами (*течет толпа, мысль; утонуть в делах; плывут воспоминания; кипит работа, гнев* и т. д.). Глаголы этой семантической группы обладают высокой метафорической активностью.

Производные (приставочные) глаголы, обозначающие конкретное, частное свойство, способ или направление действия и т. п., придают метафорическому значению еще большую образность. Для русского языка характерно префиксное образование глаголов, отсюда и разнообразие оттенков смысла, которые они передают.

Весьма активным с точки зрения метафорической активности является глагол *лить* и производные от него глаголы: *лампа льет свет; льются звуки; влить бодрость, излить душу; поливать оскорблениями; прилила к сердцу нежность; проливать свет*.

Показательно, что производные глаголы развивают метафоричность независимо от непроизводного слова. Например, *подмочить* (имя, репутацию) существует независимо от *мочить*; *вливать* (бодрость в человека) независимо от *лить*. Глаголы средне-возвратного и страдательного залогов развивают самостоятельные метафорические значения, не соотносимые с метафорическими значениями своих непроизводных коррелятов: например, есть *испаряться, растворять* при отсутствии коррелятов *испарять, растворять*.

В пределах семантического поля ВОДА существуют некоторые стержневые понятия, вокруг которых концентрируются синонимические ряды. К таким понятиям могут быть отнесены следующие: «Бурно проявляться» (о веселье, ненависти, гневе, восторге, энергии и т. д.): *бурлить, кипеть, плескаться*. «Плавно распространяться» (о свете, огне, запахе, ткани и т. д.): *литься, струиться, течь, хлынуть*.

Антонимия (так же как и синонимия) проявляется в пределах данной семантической группы неравномерно, лишь некоторые языковые метафоры могут вступать в антонимические отношения, например *прихлынуть – отхлынуть* (о толпе, радости, силах).

Семантическая группа глаголов водной семантики может быть представлена в следующей классификации:

Глаголы, обозначающие действия, связанные с водой:

1. Действия, совершаемые водой:

а) движение воды; глаголы этой подгруппы объединяются общим семантическим значением «течь»;

б) изменение состояния воды.

2. Действия, связанные с водой, производимые в воде или с помощью воды:

а) находиться на поверхности воды или в глубине;

б) терять влагу или приобретать влагу;

в) лишать влаги или делать влажным;

г) издавать звуки (о воде).

Значение «лишать влаги» отражено в глаголах *высушивать, сушить, высушивать, выкачать, выжимать, выдавливать*.

Остальные глаголы этой группы представлены двумя основными значениями: «делать мокрым»: *мочить, поливать, омыывать, смачивать, увлажнять*; «покрывать

Наблюдения над употреблением ономастической лексики в дискурсе современных СМИ позволяют делать выводы о том, что издания с разной общественно-политической, социальной направленностью, с разными жанрово-стилистическими подходами активно включают имена собственные в игровую стилистику своих произведений. Возможно, предположить, что языковая игра на основе онимов постепенно превращается в один из устойчивых компонентов, формирующих своеобразие языка современных центральных и региональных СМИ.

водой»: *облить, окатить; облиться; брызгать, разбрызгивать, брызгаться*.

Через противопоставление «лишать влаги – приобретать влагу» описываются глубины психики, связанные с бессознательным, создается образ «души» – «воды». К этой группе относятся также глаголы *иссякать, сохнуть* – «лишиться влаги, стать сухим, высохнуть». *Иссякли (душевные, физические) силы, иссякло терпение* – означает «постепенно прийти к концу, исчерпаться».

Страдания иссушают душу, сохнуть по кому-либо – здесь глагол *иссушать* несет в себе отрицательную оценку. Причина образования сухости в душе – чрезмерные страдания. Влага является живительной силой, возрождающей организмы к жизни, отсутствие влаги, иссушение – к прекращению этого процесса. Процесс иссушения переносится и на физическое состояние человека: *иссохнуть физически, он иссох* – стал худым. Здесь воде приравнивается уже масса человека.

Значение глагола *мокнуть* – «становиться мокрым, сырым под действием влаги (*мокнуть на дожде*) и лежать в воде или другой жидкости для приобретения каких-либо свойств (*лен мокнет*)». *Отмокать* – так же, как и *мокнуть*, означает «пропитаться влагой, размякнуться от влаги, отсыреть» (*порох отмок*), но в отличие от предыдущего глагола подразумевает процесс отделения, отставания, отклеивания при пропитывании влагой (*бинт отмок, марка отмокла*). *Отмокать в ванне* – лежать в воде долгое время, в результате чего очищается кожа человека. Этот глагол здесь становится метонимией.

Но в русском языке значение *сделать мокрым* приобретает смысл «лишить жизни, убить». Это отражает глагол *замочить* – «сделать мокрым (*дождь замочил нас*)», подвергнуть мочению, опустить в воду с какой-либо целью». *Замочить кого-либо* – убить, отсюда выражения: *мокрое дело, не оставить мокрого места*. Здесь *мочить* является отрицательным компонентом противопоставления, т. к. связан с кровью и убийством. В русском языке этот переносный смысл передает другой глагол семантического поля «вода»: *обмывать что-либо (покупку)*.

Оппозиция «лишать влаги – приобретать влагу» отражает важное для передачи ощущений человека противопоставление «сухой – мокрый».

В данную группу могут быть включены глаголы со значением «извлекать воду» и «добавлять воду»: *черпать, вычерпывать, зачерпнуть, вливать*.

Семантика воды отражена также в персидском языке в ряде фразеологизмов и пословиц. Приведем ряд примеров с глаголом *лить* и производными от него.

Абе наки руие дасте каси рихтан (букв.: «Налить воду на чьи-л. руки») – *Заставить кого-л. потерять надежду; Аб рихте джам неми шавад* (букв.: «Вылитой воды не соберешь») – *Что с возу упало, то пропало; Аб зире пуст давидан* (букв.: «Вода проникла под кожу») – *Поправиться после болезни*.

Процессы регулярной метафоризации концентрируются вокруг определенного и ограниченного круга денотатов, в который входят следующие: свет (*огни* и т. п.): свет, запах, звук, огонь, сыпучая субстанция (*песок, зерно*), совокупность людей (обычно движущихся), чувства и состояния, мыслительные процессы и явления духовной жизни, время.

Таким образом, глаголы водной семантики являются важной составляющей метафорического фонда русского языка.

О содержании понятия «интерпретационный глагол»

И. В. Лукашенко

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Полевая структура, интерпретационный глагол

Summary. This paper is devoted to the field of interpreting verbs.

Термин «интерпретационный глагол» понимается исследователями неоднозначно. В основу семантики подобных глаголов кладутся различные типы интерпретационной информации. Авторы [1], кажется, избегают отождествления интерпретации и оценки: интерпретационность рассматривается и как оценочность (*сгруппить*), и – шире – как субъективность мнения говорящего (*умолять, просить*). Глаголы деятельности и занятия типа *учительствовать, плотничать* тоже, по их мнению, содержат интерпретацию [1, 62], видимо, уже не модального, а своего рода пропозиционного типа. В основе такой интерпретационности – обозначение не конкретного и наблюдаемого акта, а постоянного процесса.

Ю. Д. Апресян определяет интерпретационность более узко – через оценочность: «интерпретационные глаголы <...> служат <...> для оценочной интерпретации другого, вполне конкретного действия <...>, представляемого как уже совершенное кем-то» [2, XXV]. Интерпретационные глаголы соединяют действие (как пресуппозицию) и его оценку (хороший / плохой тип того или иного поведения). Им приписывают перфективность, ретроспективность, невозможность употребления в значении актуального настоящего времени, часто – запрет на модель *Я-здесь-сейчас*.

Думается, что группа интерпретационных глаголов может быть представлена в виде полевой структуры. У ядерных интерпретационных глаголов модальность доминирует над пропозицией. При перемещении от центра к периферии поля интерпретационных глаголов в их семантике усиливается пропозициональное начало. Разная степень пропозициональности обуславливает синсемантическую / автосемантическую их семантику. Ядерные глаголы синсемантически и требуют обязательной экспликации (вербализации) пресуппозиции. У глаголов типа *ябедничать, клеветать* пресуппозиция может быть имплицитной (ср. возможность относительно автономного употребления высказываний *Он поступил правильно. – Он ябедничал. – Он ютился в маленькой комнатухе*).

В докладе предполагается обсудить семантические и синтаксические свойства интерпретационных глаголов ядра и периферии.

Литература

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2000. С. XVIII–XLV.

Функциональная вариативность

единиц различных лексико-семантических категорий

М. В. Лысякова

Российский университет дружбы народов, Москва

Функции языка, лексико-семантические категории, гиперонимия, синонимия

Summary. In the report the functional properties of Russian synonyms and hyponyms are surveyed. On the basis of the analysis of appreciable volume of the uses the conclusions about functional rapprochement of units of these universal semantic categories are done.

Описание функциональных свойств лексических единиц требует проведения лингвистического анализа в широком аспекте, раскрывающем внутренние связи между отдельными уровнями языка, классами слов, лексико-семантическими категориями и возможностями динамического перехода от одной категории к другой. В реальной речевой практике, в ситуации выбора необходимых средств общения, единицы, принадлежащие различным лексико-семантическим категориям, могут использоваться в сходных функциях, как типичных для данного отношения, так и не свойственных ему с точки зрения «идеальных» лексико-семантических образцов. Такое сходство функций демонстрируют в разных типах текстов единицы, относимые к двум фундаментальным, универсальным, схожим в части своих свойств категориям: синонимии и гипонимии.

Синонимия, воплощающая диалектическое взаимодействие семантического тождества и различия, своеобразно преломляет основные функции языка: коммуникативную, когнитивную, метаязыковую, а ее единицы, синонимы, являются важнейшим семантико-стилистическим средством при решении разнообразных коммуникативно-прагматических задач. Синонимические связи пронизывают лексическую систему, пересекаясь с другими видами отношений лексических единиц, в частности, с гипонимическими отношениями.

Являясь лексико-семантической универсалией, гипонимия систематизирует словарный состав языка, а включенные в эти отношения единицы, обозначающие подчиняющие и подчиненные понятия (гиперонимы и гипонимы), выражают внутренние семантические связи через устойчивые взаимоотношения в речи, типичные для них текстовые функции. Так, гипероним обычно реализует функцию обобщения, генерализации, в словарных дефинициях через его метаязыковую функцию устанавливается соответствие толкуемого слова и дефиниции. Гипоним, заменяя в нейтральных контекстах соответствующий гипероним, реализует метаязыковую функцию уточнения, конкретизации,

выделения дополнительной информации, а также стилистическую функцию переименования.

Кроме основных текстовых функций, гипероним и гипоним активно участвуют в различных синонимических преобразованиях, при этом большую функциональную активность демонстрирует гипероним. Наблюдения над функциональной активностью гиперонима позволяют выявить ряд присущих ему функций, не сводящихся лишь к обобщению и генерализации. В частности, из-за большей отвлеченности значения гиперонима его употребление в известных речевых условиях предпочтительнее по сравнению с употреблением гипонима: нередко заменяются более отвлеченными названиями имена предметов, событий, вызывающих отрицательное отношение, страх, опасение и другие негативные чувства. Более подходящим оказывается гипероним и тогда, когда название предмета его собственным именем может быть воспринято как вычурность, желание привлечь к себе внимание. Употребление гиперонима вместо гипонима в определенных условиях общения придает сообщению стилистическую, эмоциональную окраску, например, в комической ситуации придает повествованию юмористический оттенок.

Наличие у гипонимов (особенно у гиперонима) дополнительных текстовых функций, в основном являющихся синонимическими, объясняется общностью оппозиционно-дистрибутивных свойств синонимов и гипонимов (включенная или включающая дистрибуция и привативная оппозиция у родо-видовых синонимов, а также у гиперонима и гипонима; контрастирующая дистрибуция и эквиполентная оппозиция у видо-видовых синонимов и согипонимов), а также более регулярным и частым контактным употреблением синонимов в тексте по сравнению с достаточно редким контактным употреблением гипонимов в неспециальных текстах. Кроме того, в речевой практике лексические единицы, входящие в парадигмы, строящиеся по «идеальным» логико-семантическим моделям, оказываются на периферии

употребления. Центральными же становятся периферийные с точки зрения значимых характеристик единицы, включенные в разнообразные квазиотношения: квазисинонимы, приблизительные согипонимы и пр. Изучение подобных единиц с точки зрения их парадигматических, а главным образом, синтагматических, функциональных свойств может стать объектом специальных исследований, отвечающих потребностям функционального подхода к явлениям языка и речи.

Отдельные синонимические функции в речи могут выполнять лексические единицы, не являющиеся в языке собственно синонимами, при этом выделяется две разновидности подобных лексических единиц. Во-первых, слова (а также составные наименования), которые не находятся в языке в каких-либо закономерных парадигматических связях (в данном случае – синонимических) – контекстуальные, или речевые, синонимы. Во-вторых, слова, для которых устойчивые взаимоотношения в речи, в том числе и взаимозаменяемость, не случайны, а являются выражением их вну-

тренней семантической связи и на этой основе устойчивых парадигматических и синтагматических отношений – гиперонимы и гипонимы, находящиеся в ближайших подчиняющих и подчиненных логических отношениях. От собственно языковых синонимов они отличаются тем, что обозначают хотя и родственные, но различные, разнообъемные понятия: гиперонимы обозначают общее, подчиняющее, гипонимы – подчиненное понятие. От речевых (контекстуальных) синонимов, возникающих в конкретных условиях речи, эти слова отличаются своей логической природой, регулярностью взаимоотношений. Возможность замены здесь обусловлена наличием у гиперонима и гипонима общих признаков, включением подчиненного понятия в объем понятия более общего. Синонимически активным, как правило, является гипероним – этим он обязан своему обобщающему значению, подобно тому, как доминанта синонимического ряда является самым активным и подвижным членом ряда, обобщенно представляющим его семантику.

Таронимия как объект лингвистического описания

Г. М. Мандрикова

Новосибирский государственный технический университет

mandricova@mail.ru

Антропоцентрические единицы, ошибочная взаимозамена, заменяемость лексических единиц

Summary. In the report the author considers the possibility to study such anthropocentric language units as taronyms, which are frequently confused in speech. Their relevant features are identified as well as what can be treated as a taronym is defined.

Антропоцентрический подход в лингвистике обусловил выделение новых специфических типов языковых единиц, характеризующихся с точки зрения восприятия носителем языка элементов своего высказывания и их места во внутреннем лексиконе человека. Попытку выделения таких единиц в свое время предприняли В. В. Морковкин и А. В. Морковкина в монографии «Русские агнонимы». К числу антропоцентрических единиц авторами были отнесены и так называемые **таронимы**. Но пока понятие **таронимии** только заявлено, детально не разработано: в монографии ему отведен всего один абзац. Можно сказать, что таронимы существуют лишь на уровне идеи, в то время как описание их может представлять большую научную значимость, ведь таронимичность единиц, т. е. способность их к смешению – одна из основных причин лексических и фразеологических нарушений.

Смешение языковых единиц встречается в речи людей, не только не обладающих достаточной степенью языковой компетенции, но и вполне грамотных, в ситуации как неподготовленного спонтанного общения, так и заранее планируемого, при формальной и неформальной коммуникации, об этом свидетельствует наличие ошибок в речевых произведениях СМИ, в сочинениях абитуриентов, в репликах журналистов, политиков, чиновников, преподавателей и т. д.

Следует отметить, что способность единиц к ошибочной взаимозамене в речи не оставалась без внимания лингвистов. Однако в основном исследователи ограничивались лишь фиксацией речевой ошибки и некоторыми рекомендациями, как избежать ее совершения. Отдельных работ по исследованию причин смешения единиц, а особенно психолингвистических причин, пока немного, исключение составляют, пожалуй, исследования по паронимии, действительно составляющие объективную трудность в употреблении в силу звукового и семантического сходства. Большое количество источников для изучения таронимических ошибок говорит о широте, повсеместности рассматриваемого явления (подтверждением этому также является проведенное нами социолингвистическое исследование). Между тем, мы считаем, что изучение данной проблемы имеет большую ценность в настоящее время, когда высокий уровень развития общественных отношений способствует тому, что у людей возрастает желание быть образованными и грамотными языковыми личностями для поддержания собственного имиджа и во избежание потенциально возможных коммуникативных неудач.

Таронимы (от греч. «путаю, привожу в замешательство») – «единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц, кото-

рые устойчиво смешиваются при производстве и / или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности» [1, 85]. На основании данного определения можно выделить релевантные признаки таронимических единиц: 1) структурный: тароним состоит из пары или цепочки лексических или фразеологических единиц; 2) морфологический: данная пара или цепочка включает языковые единицы одной части речи, которые обладают некоторым сходством грамматических категорий; 3) синтаксический: для таронимов характерна одинаковая синтаксическая функция в предложении, синтаксическая валентность; для фразеологизмов, устойчивых словосочетаний – сходство синтаксических связей; 4) формальный: звуковое сходство таронимов; 5) семантический: сходство лексических значений таронимов или их принадлежность к одной тематической группе. [Формальные и семантический признаки являются для таронимов альтернативными, т. е. не всегда наличие и того, и другого обязательно (зависит от типа парадигмы). Но именно эти свойства делают возможным существование главного признака данных единиц.] 6) функциональный: способность таронимов смешиваться в речи.

Понятно, что основную массу таронимов составляют паронимы. Этот тезис создает удобную почву для возражений некоторых лингвистов по поводу введения нового термина «тароним», которые сомневаются в его «жизнеспособности», считая, что этот термин «вряд ли получит «путевку в жизнь» [2, 117]. Сомнительность выделения таронима связывается, во-первых, с его «паронимичностью» (ср. пароним – тароним), во-вторых, термин «тароним» дублирует «пароним» [там же]. На наш взгляд, выделение таронима в качестве полноценной антропоцентрической единицы может быть продиктовано следующими обстоятельствами: а) далеко не все паронимы реально смешиваются в речи: к таронимам относятся только те паронимы, разграничение которых сопряжено для носителей языка с действительными трудностями [1, 86]; б) главным свойством таронимов – способностью регулярно смешиваться в речи, – обладают не только паронимы. Как пишут В. В. Морковкин и А. В. Морковкина, «кроме паронимов к числу таронимов относятся единицы, которые конкурируют в сознании носителей языка в результате содержательной смежности (ср. *анилаг – заголовок, вернисаж – выставка, дата – число, отпетый – завязтый* ... и др.)» [там же].

Проводимые исследования показывают, что в состав таронимов включаются разнообразные единицы лексической системы, которые имеют общую тенденцию – смешиваться в речи носителей языка. После рассмотрения существенных признаков таронимических единиц и особенностей их функ-

ционирования, т. е. причин смещения данных единиц в ходе языковой практики субъектов речи, видится возможной попытка систематизации, классификации данных образований. К ядру поля таронимии можно отнести единицы, последовательно проявляющие признаки таронимов, а именно структурный, морфологический, синтаксический, формальный, семантический и, прежде всего, функциональный, – паронимы и парофоны. На периферии поля, по-видимому, будут располагаться единицы, случаи смещения которых недостаточно частотны или их обозначение как таронимических вызывает некоторые сомнения. К числу таковых мы отно-

сим синонимы, антонимы, слова одной лексико-семантической группы, тематической группы, семантического поля, фразеологизмы, сходные синтаксические конструкции, подверженные контаминации.

Литература

1. Морковкин В. В., Морковкина В. А. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
2. Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб., 2002.

О типах скрытого заимствования в современном русском языке

Е. В. Маринова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
marinova@list.ru

скрытое заимствование, материальное заимствование, калькирование, вторичное заимствование, семантическая калька

Summary. The paper examines two types of “covert” borrowing. One of the types is a secondary borrowing. The demarcations between this form of borrowing and other type of “covert” borrowing – calque – forms the basis of the examination.

1. Терминологическим сочетанием *скрытое заимствование* называют обычно процесс калькирования [2, 175]. В традиционной концепции заимствования калькирование, или калька, противопоставляется заимствованию прямому, или материальному.

Главное различие этих двух форм заимствования, на наш взгляд, состоит в следующем. В случае материального заимствования язык-реципиент получает **фонетически** новую единицу, звуковая оболочка которой «воспроизводит» (с учетом особенностей принимающего языка) звучание или написание иноязычного оригинала (см.: *уикенд* или *викенд* от англ. weekend). При скрытом заимствовании фонетическая новизна не связана со звуковой или графической формой слова-этимона (ср., например, словообразовательную кальку *задескамеечник* и ее «прототип» – англ. back-bencher). Кроме того, при такой форме заимствования фонетическая новизна зачастую отсутствует вовсе, т. к. для передачи «чужого» содержания используются уже «готовые» («старые»), имеющиеся в языке-реципиенте языковые средства – слова (см., к примеру, семантическую кальку *горячий* ‘актуальный’ от англ. hot в том же значении).

2. Очевидно, можно говорить еще об одном типе заимствования – отличном от процесса калькирования, но также являющемся скрытым. Это **вторичное заимствование**.

При вторичном заимствовании значение какого-либо иноязычного прототипа закрепляется за словом, которое представляет собой более раннее материальное заимствование, как правило, **этого же прототипа** (но в другом значении). Так, слово *дебют* пришло на русскую почву из французского языка первоначально (начало XIX в.) только в одном значении – ‘первое выступление актера’. Примерно с конца XIX в. *дебют* используется в русских текстах еще в одном значении своего французского оригинала – в значении ‘начало шахматной партии’. Произошло заимствование, но заимствование «скрытое», т. к. язык не получил фонетически нового слова (что обязательно при материальном заимствовании) – «перешло» только значение иноязычного оригинала. В то же время это не калька, это другой процесс, характеризующийся тем, что один и тот же этимон в разное время становится «объектом» сначала материального заимствования («перенимается») и звучание, и значение, потом скрытого заимствования (принимается только значение).

Этимон в таких случаях представляет собой многозначное слово в языке-источнике. По-видимому, заимствующему языку трудно «переварить» полисемно иноязычного слова, принять (перенять) сразу все его значения или даже несколько значений, поэтому лексико-семантические варианты полисемного иноязычия заимствуются постепенно.

3. Вторичное заимствование очень похоже на семантическое калькирование. Действительно, и в том и в другом случае суть заимствования – в переносе значения из другого языка на имеющуюся уже готовую оболочку (слово). Однако между названными явлениями есть значимые различия.

Во-первых, при семантическом калькировании слово, заимствующее значение, чаще всего является исконным (см. 134

кальку *горячие новости*). Вторично заимствованное слово – иноязычное слово (по определению).

Во-вторых, калькируется всегда (!) переносное значение. При вторичном заимствовании может «переходить» и непереносное значение. См., например, новое значение «старого» в фонетическом отношении слова *резюме* – ‘краткие анкетные данные’.

В-третьих, особенностью вторичного заимствования является то, что перенос значений на **один и тот же** «материальный объект» происходит иногда неоднократно (так, слово *дебют*, помимо значений, названных выше, копировало еще одно, третье значение французского источника – ‘начало карьеры’). Иными словами, заимствование может быть *повторяющимся*. В случае с семантическим калькированием нечто подобное вряд ли возможно. Калька – акт творческий, индивидуальный, избирательный: выбор слова, калькирующего значение, неслучаен, т. к. при создании кальки важно актуализировать внутреннюю форму калькируемого образца – «упор делается именно на нее» [1, 8]. Поэтому трудно представить многократное калькирование переносных значений на одно и то же слово.

4. На рубеже XX–XXI вв. в русском языке активизировались обе формы скрытого заимствования – и калькирование (см. это: [2], [8], [9, 159]), и вторичное заимствование (см.: [5], [4]).

Подобные процессы наблюдаются и в других славянских языках, например в чешском языке. Чешские лингвисты одну из причин обновления лексики видят в так называемой *повторяющейся интернационализации* [6], [7, 182]. По сути, речь идет о том, что имеющиеся в языке слова-интернализмы под влиянием английского языка получают новое значение, которое изначально появилось именно в английском языке.

Активизация вторичного, или повторного, заимствования как одного из современных языковых процессов требует теоретического осмысления данного явления.

Литература

1. Арапова Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000.
2. Добродомов И. Г. Калька // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
3. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // ВЯ. 2002. № 6. С. 30–34.
4. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. Сб. статей. Вып. 3. М., 2004. С. 143–149.
5. Маринова Е. В. Особенности лексического заимствования в русском языке на рубеже веков // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей. Пенза, 2003. С. 139–141.
6. Buzássyová K. Opakovaná internacionalizácia a problém identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek // Jazykovedný časopis. 1991. S. 89–104.
7. Mravináčová J. Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka // Neologizmy v dnešní češtině. Praha, 2005. S. 180–186.

Наименования предметов дворянского быта в русском языке начала XIX века с точки зрения пассивного и активного запаса (на материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля)

Е. В. Маркова

Российский университет дружбы народов, Москва

Активный словарный запас, пассивный словарный запас, архаизация лексики

Summary. In Russian of the beginning of XIX century some denominations of subjects of a life of noblemen became obsolete. The lexemes which had not developed any additional shades of meaning dropped into a passive language stock. The rest outdated words played an important role in enrichment of an active word stock of Russian as they were rethought by native speakers and thus enlarged an active lexicon of Russian of that period of time.

В русском языке начала XIX в. наблюдался активный процесс архаизации наименований предметов быта дворян, что было связано с дальнейшей европеизацией русского общества в экономической, социальной, культурной, научной, а также в бытовой сферах жизни. Значительные изменения произошли в общественном сознании и бытовом укладе высшего сословия, в частности, в мировоззрении, мироощущении дворянства. Многие наименования предметов быта, не получившие больше применения для обозначения в языке, постепенно вышли из употребления, пополнив пассивный словарный запас языка. Однако нередко исчезновение реалии из окружающей действительности еще не влечет за собой утраты наименования, а только способствует его переосмыслению. В этом случае слово наполняется новым содержанием или изменяет объем значения. Устаревшие слова могут обновляться, употребляясь в новых сочетаниях, где они получают новые, не свойственные им дополнительные оттенки значения. При этом изменения качества, формы самого предмета отражаются на значении слова.

В результате исследования лексики, содержащейся в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, был выявлен ряд устаревших наименований быта представителей высшего сословия. Данные наименования включают группу лексем, относящихся к древнерусскому периоду развития языка и обозначающих предметы, явления и понятия, вышедшие из повседневного употребления к началу XIX века, например, *басман* («дворцовый или казенный хлеб»), *байдана* («длинная кольчуга»), *бахтерец* («доспех, заменяющий лапы или кольчугу»), *бутурлык* («доспехи на ноги всадника»), *калantarь* («кольчуга»), *кирея* («кафтан со стоячим воротником»), *кондырь* («обшлаг»), *мисюрка* («вид шлема»), *накапки* («длинная верхняя женская одежда»), *окладен* («цепь на груди как знак власти»), *опашень* («просторная верхняя мужская одежда с рукавами»), *романья* («сладкая настойка на фряжском вине»), *сторч* («круглый щит»), *сулица* («холодное оружие»), *фузья* («фужье»), *укропник* («чаша с теплой водой для согревания») и др. Такие наименования отсутствовали в произведениях первой половины XIX века, отражающих разговорную речь, и использовались авторами для создания колорита предшествующих эпох.

Кроме того, данная группа слов включает архаизмы-наименования существующих в то время предметов и явлений, по каким-либо причинам вытесненных другими наименованиями, принадлежащими к активному запасу русского языка начала XIX века, например: **лексические архаизмы** – *адамант* («драгоценный камень, алмаз»), *аксамит* («бархат»), *бамберек* («плотная шелковая и парчовая ткань»), *вено* («плата от жениха за невесту»), *белчуг* («кольцо»), *бострог* («безрукавка»), *воушесца* («сережка») (имеет однокоренное слово в составе активной лексики – *уши*), *елмань* («острие клинка»), *капторга* («пряжка, застежка, украшающая пояс»), *кинджак* («кафтан особого покроя»), *луда* («верхняя одежда, плащ, мантия»), *лудан* («шелковая узорчатая ткань»), *татаур* («серебряный пояс»), *терлик* («узкий кафтан с талией и короткими рукавами»), *торлоп* («женское нарядное платье, шуба»), *трунцал* («золотая, серебряная нить, петля на шапке»), *усма* («выделанная кожа»), *чедыги* («женские сапоги»), *шата* («верхнее платье, плащ»), *шида* («шелк»). **Лексико-фонетические архаизмы:** *женчуг* (*жемчуг*), *шандан* (*шандал*) «подсвечник», *японча* (*епанча*) «плащ»; **лек-**

сико-словообразовательные архаизмы: *комонь* (*конь*), *наволока* (*наволочка*). Начавшийся в конце XVIII века процесс дифференциации значений ряда слов привел к тому, что некоторые лексические элементы перестали употребляться в значениях, свойственных им в предыдущий период. В частности, закрепляясь в производных значениях, утратили первоначальные значения слова *гривна* «род медаллона, ладанки, образка» (укрепилось в значении «фунт, золотая или серебряная медаль на шее»), *кастелян* «комендант, смотритель укрепленного замка» («употребляется в значении смотритель общественного здания»), *рыдван* «большая карета» (укрепилось в значении «просторная повозка, воз для снопов») (**лексико-семантические архаизмы**). Данные наименования сумев развить дополнительные оттенки значения, активно используется в современном русском литературном языке.

Этимологический анализ устаревших наименований быта представителей высшего сословия в русском языке первой половины XIX века позволяет сделать вывод о неоднородности их происхождения. В состав наименований входят **исконно русские слова:** *жиковина* («перстень с печатью»), *опашень* («просторная верхняя мужская одежда с рукавами»), *торлоп*, *тегияй* («кафтан с короткими рукавами и высоким стоячим воротником»); **заимствованные из славянских языков:** *наволока* («дорогая хлопчатобумажная ткань, накидка»), *рыдван* («большая карета»); **заимствования из других языков:** *романья* (франц.), *кондырь*, *луда*, *шата* (нем.), *аксамит* (греч.), *женчуг*, *белчуг*, *терлик*, *шандал* (тюркск.), *кирея*, *чедыги*, *басман* (тур.), *бострог* (голландск.), *гривна* (др. исл.), *татаур* (монг.), *шида* (ср. лат.) и др.

Среди наименований дворянского быта, принадлежащих к активному словарному запасу русского языка первой половины XIX века, выделяются названия одежды, обуви, предметов домашнего хозяйства, а также лексем, связанные с благоустройством и строительством жилища дворянина, стремящегося соответствовать своему сословию и привлекающего в усадебный быт все европейские нововведения. Это такие лексемы, как: *багряница* («широкий плащ ярко-красного цвета, подбитый горностаем»), *бармы* («широкий круглый воротник на пуговицах»), *бойница* («отверстие в крепостной стене или башне»), *брыжжжи* («воротник, манжеты или выпуск на груди, густо собранный в складки»), *дормез* («старинная большая карета со спальными местами»), *дукат* («старинная серебряная, затем золотая монета»), *камзол* («мужская куртка»), *кафтан* («мужская верхняя однополая одежда»), *кика* («женский головной убор»), *кунтухи* («свободное верхнее платье»), *панталоны* («длинные мужские штаны»), *роба* («женское платье для бала»), *роброн* («модное в XVIII в. парадное женское платье на фижмах»), *светлица* («светлая жилая комната в верхней части дома») и др.

Таким образом, изменения в составе наименований предметов дворянского быта в русском языке начала XIX в. с точки зрения пассивного и активного запаса определяются двумя противоположными процессами: архаизация, утрата лексем и расширение круга слов, вовлекаемых в литературное употребление языка. Важную роль в обогащении активного словарного запаса русского языка начала XIX века сыграли устаревшие лексические единицы, получившие возможность развить новые, не свойственные им ранее дополнительные оттенки значения.

Когнитивные основы метафорического моделирования

С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина

Пермская государственная медицинская академия, Пермский филиал Государственного университета – Высшей школы экономики
Научно-популярный медицинский дискурс, концептуальная метафора, метафорическая модель, активность метафорической модели, сила семантической связи

Summary. The article deals with peculiarities of conceptualization in Russian popular medical discourse. On the basis of metaphor context analysis a conceptual metaphor model is constructed. The metaphor models with lower, moderate, higher and maximal activity are revealed. There are weak semantic links based on the relationships «to be a part of» and «to be a sign of» in two first models. The latter models contain such semantic relationships as «to be an example» and «subjectivity» producing strong semantic links.

В когнитивной лингвистике все более актуальным становится изучение метафоризации с целью выявления особенностей переработки информации и репрезентации научного знания в дискурсе. В связи с этим большой интерес вызывает исследование механизмов метафоризации и установление закономерностей метафорического моделирования.

В нашем исследовании с целью выявления специфики метафоризации в научно-популярном медицинском дискурсе (НПМД) был создан словарь тезаурусного типа, материалом для которого послужили 2352 контекста употребления метафор, полученные методом сплошной выборки из русскоязычных научно-популярных медицинских текстов. В качестве источников материала были выбраны журнальные и газетные статьи (как из медицинских, так и немедицинских изданий), медицинские брошюры, детская медицинская энциклопедия, опубликованные в период второй половины XX века – начала XXI века.

В ходе исследования мы опирались на определение метафорической модели, принятое в когнитивной теории метафоры, согласно которому метафорическая модель представляет собой понятийную область (область источника), элементы которой связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть примером» и др.); названием метафорической модели служит родовое понятие, объединяющее элементы ее таксонов [Баранов, Караулов 1994], [Лакофф 1990].

При выявлении наиболее активных сфер образного отождествления медицинского знания в НПМД мы использовали в качестве образца тезаурус метафорических моделей научного медицинского дискурса [Мишланова 2002]. Метафорическая модель НПМД также, как и в научном медицинском дискурсе, состоит из двух базовых доменов: ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый из них включает таксоны **Человек как биологическое существо** и **Человек как социальный субъект**. Ко второму домену относятся таксоны **Неживая природа** и **Живая природа**.

Среди видовых таксонов в НПМД максимальной активностью обладает таксон **Человек как живое существо** (19,8%). Высоко активными являются также видовые таксоны **Профессиональная деятельность** (18,6%), **Политика и война** (14,6%), **Быт** (14,2%). Умеренно репрезентативными оказались видовые таксоны **Культура** (10,4%), **Пространство и ландшафт** (7,1%), **Механизм** (6,2%). Низкую активность обнаружили видовые таксоны **Растение** (4,1%), **Животное** (3%), **Природные явления** (2%) [Уткина 2006].

Следующий этап нашего исследования заключался в выявлении семантических отношений между элементами метафорических моделей и установлении силы семантической связи.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в метафорических моделях с низкой активностью элементы в большинстве случаев находятся в отношении «часть-целое» (*лавина, медуза, голубь, жаворонок, сова, верблюд, кошка,*

ушко, выгнутая спинка, петушиная шпора, яблоко, апельсин, каштан, ветви, джунгли, сад), например: *Работоспособность, как верблюд, чаще имеет два «горба». Первый подъем – с 10 до 12 часов, второй – с 16 до 18 часов* (Здоровье. № 8. 2001. С. 19). Семантические отношения «часть-целое» считаются «тривиальными», а данная семантическая связь – слабой [Баранов, Караулов 1994, XV].

В метафорических моделях с умеренной активностью выявляются семантические отношения «предмет и его признак» (*бесценные жемчужины, черно-белый фильм, гравий, валяющийся у нас под ногами, мост, соединяющий регуляторные воздействия*), например: *Кровеносные сосуды населяют камни, которые плотно прикрепляются к месту своего рождения и по плотности не уступают гравию, валяющемуся у нас под ногами* (Здоровье. № 11. 2001. С. 61). Данные семантические связи также расцениваются как «тривиальные» и, соответственно, слабые [Баранов, Караулов 1994, XV].

Анализ метафорических моделей с высокой активностью позволяет установить, что для них характерно семантическое отношение «быть примером»: *Подобно тому, как архитектор, создавая проект здания, ясно видит его законченным, так в сознании врача формируется диагноз* (Здоровье. № 6. 1969. С. 11). Однако чаще всего это отношение предстает как «быть образом функцией», как, в частности, в контексте: *Простата – принадлежность исключительно мужского организма. Это особый эндокринный орган, который принимает самое активное участие в регулировании мужских функций. Деятельность простаты этим не ограничивается: она, как хорошая нянька, нестует и питает сперматозоиды, а также стимулирует память и работоспособность, поскольку выделяет в кровь очень важные для этого гормоны* (Здоровье. № 7. 2001. С. 48). По мнению А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, семантическая связь «быть примером» более сильная, по сравнению с «тривиальными» связями [Баранов, Караулов 1994, XV].

Для метафорической модели с максимальной активностью характерны семантические отношения «субъективность» (*дряхнуть без задних ног, сходит с ума, плестись, плохо соображать*), например: *А во время сна измотанная за день кора мозга (сознание) дряхнет без задних ног, и на «вахту» заступает подкорка (подсознание)* (Комсомольская правда. 19.03.2003. С. 11). Поскольку эти отношения являются уникальными и обнаруживаются только в одной метафорической модели, можно предположить, что семантическая связь между элементами этой модели является самой сильной.

Таким образом, результаты данного исследования свидетельствуют о том, что существует зависимость между силой семантической связи и активностью метафорической модели: чем сильнее семантическая связь между элементами метафорической модели, тем выше активность этой модели.

Тюркизмы как отражение русско-тюркских языковых взаимосвязей

М. Ш. Мусатаева

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы (Казахстан)

Современная лексикография, контактирующие языки, заимствования, системные единицы лексики, тюркизмы, русский язык, высокомотивированный язык, идеографический словарь, семантизация, словообразовательные гнезда, лингводидактика

Русско-тюркские языковые связи уходят корнями в глубь истории. Контакты русского и тюркских народов длятся уже более 14 столетий, и столько же времени продолжается взаимовлияние разноструктурных языков, которое прежде всего проявляется в их словарном составе. Изучение этих процессов является приоритетным в нашем регионе, где су-

ществует реальное многоязычие. В этой связи трудно переоценить роль словарей в качестве источника для изучения этих процессов.

Современная теория и практика составления словарей представляет собой сложный конгломерат различных направлений, характеризующийся широким спектром идей

и методов. Ей присуще стремление исследовать объект как сложную структуру, находящуюся под воздействием различных языковых и социальных факторов. Освещение теоретических проблем развития лексикографии направлено сегодня на запросы общества, «на приближение человека к словарю». Соответственно в современной лексикографии возрос интерес к идеографическим словарям различных типов. Одно из направлений этой работы – создание словарей, позволяющих проследить процессы в лексике контактирующих языков. Именно эту задачу мы ставили перед собой при составлении «Идеографического словаря тюркизмов в русском языке» (Алматы, 2006. 250 с.). Данная работа является дополненным переизданием «Словообразовательного словаря тюркизмов в русском языке» (Алматы, 1995. 197 с.). В течение десяти лет данный словарь оказывал неоценимую помощь в исследовательской практике. Об этом свидетельствуют успешно защищенные диссертации, выполненные на материале данного словаря.

Во втором издании прежнее название словаря изменено, поскольку старое название недостаточно полно отражало его содержание. Как известно, идеографические словари ориентируют на переход от смысла к выражающим его словам. Иначе говоря, входом словаря является некая содержательная категория, выделенная в рамках той или иной классификации. Так, предлагаемый словарь построен на принципах выделения системных единиц на материале 23 тематических групп (ТГ), в пределах которых обозначены микросемантические группы (МСГ) и даны толкования тюркизмов. В словаре также в каждой ТГ в алфавитном порядке исходных слов размещены все словообразовательные гнезда тюркизмов. Подобная классификация отражает научную картину мира, обобщая человеческий познавательный опыт, или наивную картину мира, закрепленную в семантике тюркизмов в русском языке.

Он построен на принципах выделения системных единиц лексики по методике Ю. Н. Караулова и с учетом мотивационных отношений внутри каждой тематической группы.

В словообразовательных гнездах (СГ), возглавляемых тюркизмами, на разных ступенях деривации появляются производные слова, реализующие типы исходной и исходной мотивации. В тех случаях, когда семантическая структура производного слова основывается на переносных значениях производящего, их связывают отношения метафорической мотивации. Например, глаголы *обезьяничать* – «слепо подражать другим, перенимать черты поведения других»; *ишачить* (грубопрост.) – «тяжело и много работать» – включают в себя семантический компонент «подобно тому, кто обозначен глаголом в переносном значении».

Русский язык, относясь к числу высокомотивированных языков, имеет различную степень мотивации в СГ, возглавляемых генетически различными исходными словами. Сравнительно невысока она у тюркизмов. Словообразовательный потенциал тюркизмов равен 2,6 (сравните общезыковой – около 10), словообразовательный потенциал СГ с исходным тюркизмом равен 4,3 (общезыковой – 10).

Порождающие особенности тюркизмов обусловлены принадлежностью их к разным ТГ и имеют универсальный характер, присущий всей производящей лексике. Принадлежность исходных слов к тем или иным ТГ определяет структурно-семантическую основу СГ. Вхождение исходных слов в одну ТГ определяет общую структурно-семантическую основу СГ: однотипность строения СГ (количество деривационных ступеней), набор формантных струк-

тур, характеризующих разные зоны СГ, количественное соотношение производных центральной и периферийной зон тематической группы. Большинство дериватов в СГ с исходным тюркизмом не зафиксировано в двуязычных тюрко-русских словарях.

Вершиной СГ могут быть не только моно-, но и полисемантические слова. В этом случае «каждое значение этих слов кладет начало новому ответвлению, новому ряду производных» (ЛСВ) многозначного слова распределяются по различным ТГ и отмечаются в словаре знаком ГН (*).

В СГ с исходными тюркизмами встречаются производные, обладающие множественностью словообразовательной структуры. Это свойство синхронически производного слова мотивироваться разными производящими отражается на словообразовательной структуре производных. Например:

барбарисник ← *барбарис*
барбарисник ← *барбарисный*

Размещение производных дано с учетом ступенчатого характера русского словообразования (по схеме А. Н. Тихонова). Самой богатой производными является первая ступень СГ. Производные этой ступени с исходным тюркизмом-существительным размещены в такой последовательности: 1) форма оценки исходного существительного; 2) остальные имена существительные; 3) имена прилагательные; 4) наречия; 5) префиксальные и префиксально-суффиксальные именные образования (в алфавитном порядке); 6) глаголы; 7) сложные слова.

Предлагаемый словарь полезен не только как база для теоретических исследований, но и для решения задач современной лингводидактики. Успешное использование данного лексикографического источника в учебном процессе поможет студентам получить ответы на такие принципиальные вопросы, как: 1) русско-тюркские языковые взаимосвязи в разные периоды истории (древнейший период – VI–VII вв. н. э., до образования Киевской Руси; период до монгольско-татарского нашествия – с X по XII вв., эпоха Киевской Руси; период монголо-татарского ига – с XIII по XV в.; период присоединения Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств к России в XVIII веке; период присоединения Казахстана к России в XVIII в.; период присоединения ханств Средней Азии к России в XIX в.; советский период; современная эпоха – время реального двуязычия); 2) какие заимствования можно считать словообразовательно освоенными, о чем позволяет судить словообразовательное освоение тюркизмов при выпадении их из системных отношений в лексике и положение лексем вне системных отношений в словообразовании; 3) более сложные лингвистические задачи, связанные с построением словообразовательных цепочек, словообразовательных парадигм, словообразовательных гнезд; Материалы словаря могут быть использованы при изучении следующих лингвистических дисциплин: раздела «Древнерусская лексика» по исторической грамматике, на лабораторных занятиях по диалектологии русского языка, на практических занятиях по стилистике русского языка, на практических занятиях по морфемике и словообразованию современного русского языка, при изучении различных лексических тем по практическому курсу русского языка на неязыковых факультетах. О том, как можно применить данный словарь в учебных целях, описано в учебном пособии Мусатаевой М. Ш. «Словари в учебном процессе» (Алматы, 2000).

Некоторые особенности развития и функционирования ЛСГ негативной оценки объекта в русском языке

Е. Б. Никифорова

Волгоградский государственный педагогический университет

Лексико-семантическая группа, семантика, преобразование семантической структуры слова

Summary. The report is devoted to the problems of development and function of lexical semantic groups of negative estimation of objects in the history of Russian language.

В докладе рассматриваются особенности формирования лексико-семантической группы отрицательной оценки объекта в русском языке.

Древнерусские лексемы *скарѣдливый* 'скверный, отвратительный' и *скарѣды* 'отвратительный', 'нечистый', 'гнушенный', 'бесстыдный', 'распутный' (Срезн., 3, 366–367) входи-

ли в ЛСГ прилагательных негативной оценки: *Молитва яраго, яко и кадило мръзъко, и пѣние его гласъ скарядъ* (Панд. Ант., XI, 60). Эти лексемы не дошли до нашего времени. Лексема *скарѣдныи* зафиксирована в словаре И. И. Срезневского со значениями 'нечистый', 'бесстыдный', 'бесчестный'. Данная лексема не входила в рассматриваемую ЛСГ, хотя и обозначала отмеченные нежелательные характеристики объекта. В XIX в. лексема могла реализовать значение 'бедный, скудный': *Теперь же, может именно потому, что она так бедно одета и что он заметил всю эту скаредную обстановку, в сердце его вселился страх* (М. Ф. Достоевский. Преступление и наказание). В современном разговорном языке прилагательное *скарѣдный* также находится за пределами данной ЛСГ, поскольку его значение 'скупой, жадный' (МАС, 4, 104).

Первоначально лексема *гноусьныи* реализовала значение 'грязный' и более широкое 'мерзкий, отвратительный': *И видѣ мя ц(с)арь въ гноуснѣ ризѣ и разранѣ* (Пр. XIV (6), 73а); *Възлюбихъ нынѣшнии въѣк и гнусныхъ наполнихся дѣль* (КТур. Кан. XII, 228об.–229). Со временем денотативный макрокомпонент семантической структуры слова редуцируется при актуализации негативного коннотативного макрокомпонента; значение 'грязный' нейтрализуется, современное значение лексемы – 'вызывающий отвращение, гадкий' (МАС, 1, 322): *Она и не покажется, пожалуй, – мелькнуло у меня в голове, – придется сидеть с гнусным ветераном и с его кухаркой-женой* (И. С. Тургенев. Несчастная). Лексема *гноусный* в современный период развития языка как входит в ЛСГ негативной оценки объекта.

Лексемы *отвратительный* еще не было в древнерусский период. Однако существовало производящее слово *отвратити*: 1. Отворотить, отвернуть; 2. Отвлечь, отвратить; 3. Отогнать, отвергнуть (Срезн., 2, 776). Значение появившегося прилагательного достаточно прозрачно: *отвратительный* – 'противный, гадкий, мерзкий, весьма неприятный, рождающий отвращение' (Даль, 2, 716). В современном русском языке *отвратительный* реализует следующие значения: 1. Вызывающий отвращение; 2. Разг. Очень плохой, скверный, гадкий (МАС, 2, 670).

Как отмечает П. Я. Черных, лексема *дрянь* (и, соответственно, *дрянной*) не встречается в памятниках древнерусской письменности (Черных 1993, 1, 271). В говорах *дрянь* и *дрянь* имеют значение «ветошь» (Даль, 1, 443). Очевидно, в русском языке *дрянь* произошло от *драть* – «то, что можно драть, нечто драное». Соответственно *дрянь* – «сор, хлам, что-л. бесполезное, негодное». Разговорная лексема *дрянной* реализует значения 'плохой, скверный' (МАС, 1, 450): *Он вспомнил дрянное, слезливое, лживое, жалкое письмо, посланное им к Джегме, письмо, оставшееся без ответа...* (И. С. Тургенев. Вешние воды).

Функционирование украинизма «помаранчевый» в русской речи

Н. И. Николенко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Украинизм, лексема, язык СМИ

Summary. In these theses the functioning of the Ukrainian word «pomoranchevy» in Russian-language (Mass-) Media-texts is considered.

В последнее время в Украине и в Российской Федерации произошли коренные преобразования, что отражается во взаимоотношениях украинского и русского языков. В советский период это были отношения между национальным языком и языком межнационального общения, в настоящее время в Украине – отношение между государственным (украинским) и языком национального меньшинства (русским, согласно Закону України про ратифікацію Європейської хартії регіональних мов або мов меншин). Происходит взаимодействие языков, что является одной из важнейших проблем украинского и русского языкознания.

Большое количество украинизмов появилось в русской речи не только на территории Украины под влиянием политических событий, а именно: президентских выборов (ноябрь 2004 г.) и выборов в парламент Украины (март 2006 г.). Эта лексика связана с названиями политических партий и выбором символики этих партий (оранжевый цвет партии «Наша Украина» и бело-голубой «Партии регионов»), событиями, произошедшими в ходе выборов.

138

Лексема *гадкий* не зарегистрирована в словарях древнерусского языка, отмечены лишь прилагательные *гадьныи* и *гадьскыи* – прилагательные от *гадь* ('пресмыкающийся'), не имевшие отрицательного оттенка. В связи с изменением статуса ядерных и периферийных сем в семантической структуре данного слова его значение меняется: в современном языке *гадкий* – 'очень плохой, мерзкий, вызывающий отвращение' (СОШ, 124): *Я обернулся, увидал раздутую, как у удава, под оттопыренными ушами, красную шею г. Ратча, и очень он мне показался гадок* (И. С. Тургенев. Несчастная).

Лексема *противный* первоначально не входила в рассматриваемую ЛСГ. Ее значения в древнерусском языке: 1. Лежащий напротив, впереди; 2. Не сходный, противоположный; 3. Противный, не благоприятный (о ветре); 4. Сопротивляющийся, непокорный; 5. Враждебный; 6. Отвращающийся; 7. Неудобный; 8. Соответствующий, равный (Срезн., 2, 1596). К XIX в., по свидетельству словаря В. И. Даля, одним из значений данной лексемы становится 'отвратительный, ненавистный' (Даль, 2, 519). В современном языке МАС фиксирует два омонима: *противный*, – 1. устар. Расположенный напротив, противоположный; 2. Не согласный с чем-либо; 3. в значении *существительного*: что-то обратное данному или требуемому; *противный*, – 'очень неприятный, отвратительный' (МАС, 3, 533). Таким образом, второй омоним является членом указанной ЛСГ.

Рассматриваются также история лексем *плохой, худой, лихой, лукавый, поганый, скорбный* и *скудный*.

Делается вывод о том, что ЛСГ не остаются неизменными в истории языка. Ряд слов выходит из употребления, становятся архаичными, исчезают из системы языка, другие, напротив, появляются и входят в рассматриваемую ЛСГ. Многие лексемы переходят в рассматриваемую ЛСГ из других групп, другие, напротив, переходят в другие ЛСГ вследствие трансформации своих семантических структур. Некоторые лексемы со временем становятся стилистически маркированными.

В процессе исторического развития языка появляются новые слова *дурной, дрянной, гадкий, отвратительный*. Древнерусское прилагательное *противный*, существенно изменив свою семантику, также вливается в состав ЛСГ прилагательных негативной оценки. Выходят из употребления древние *скверныйи, скарѣдливыйи* и *скарѣдыи*. Лексемы *скорбный* и *скудный* трансформируют свою семантику и уже не принадлежат рассматриваемой ЛСГ, хотя и остаются в языке. Лексемы *худой* и *лихой* становятся устаревшими, *лукавый* не используется больше в значении 'плохой', *поганый, скверный, отвратительный* и *дрянной* относятся к разговорному стилю. Таковы некоторые особенности развития и функционирования ЛСГ негативной оценки объекта в русском языке.

К таким украинизмам можно отнести лексемы *Майдан* (*Майдан Незалежности*), *помаранчевый, так, ганьба, незалежный* и др.

Предметом нашего описания является лексическая единица «помаранчевый».

Слово *помаранчевый* переводится на русский язык как оранжевый. Этот цвет был взят в качестве символа партией «Наша Украина». В момент президентских выборов эта партия и «Партия регионов» были конкурирующими, так как их лидеры были главными кандидатами на пост президента Украины. Сине-белые щиты «Партии регионов» появились еще задолго до выборов. Внутренняя неудовлетворенность навязчивой информацией, напряженность в обществе в целом требовали положительной разрядки. Так появился «помаранчевый» – цвет, уравновешивающий синий. В цветодинамике синему (голубому) ассоциативен оранжевый. Психологи выстраивают ассоциативный ряд, соотносимый с оранжевыми характеристиками: «энергетический, энергичный, созидательный, демонстративный, стре-

мительный» и т. д. Отметим, что в дальнейшем этот цвет стал также цветом украинской «революции» – «помаранчевой революции».

Слово *помаранчевый* ← *помаранч(а)* является заимствованием из немецкого языка (померанец от нем. Pomernanze «горький сорт апельсинов» от итал. pomò «яблоко» и agancia «апельсин»). Такое же происхождение русского слова *оранжевый* (от orange – апельсин). Слово *померанец* «субтропическое вечнозеленое дерево семейства рутовых с оранжево-красными горьковатыми плодами» и прилагательное от него *померанцевый* «1. относящийся к померанцу; 2. имеющий цвет кожуры помаранца; оранжево-красный» [1; 1166] известны и русскому, и украинскому языкам. Эти лексические единицы зафиксированы также в Толковом словаре Живаго великорусского языка В. И. Даля [2; 271]. Интересна параллель, приведенная В. И. Далем: *померанцевый цвет, ранжевый, рудожелтый, жаркой*. Однако в XX веке в украинском языке произошло изменение звуковой формы лексемы *помаранец*. В Словаре украинского языка, собранного редакцией журнала «Киевская старина», под ред. Б. Д. Гринченко, изданном в 1908 г., зафиксировано слово *помаранец* в значении «апельсин» [3; 294]. А в Словаре украинского языка, изданном в 1976 г. рассматриваемая нами лексема уже зафиксирована как *помаранч(а)* («1) субтропічне вічно-зелене цитрусове дерево родини рутових; 2) плод цього дерева; 3) розм. те саме, що апельсин»), *помаранчевий* («1) прикм. до помаранча; 2) який має колір шкіри помаранчі; оранжево-червоний») [4; 113]. Отметим также, что произошла огласовка *e-a*: *померанцевый* – *помаранчевый*. И, возможно, именно с этим связано то, что в русскоязычных СМИ украинская лексема *помаранчевый* употребляется как *помаранчевый*.

В украинском языке существует несколько лексем, обозначающих оранжевый цвет: *оранжевий, жовто-гарячий и помаранчевий* (красно-оранжевый). Но в качестве символа названной партии было выбрано именно слово *помаранчевый*. Возможно, потому что этот оттенок оранжевого цвета ближе к красному – «цвету революции», эмоционально насыщенному.

В современном русском языке для обозначения оранжевого цвета используется только лексема *оранжевый*, несмотря на то, что в словаре зафиксирована и лексическая единица *померанцевый*. Поэтому, по нашему убеждению, лексема *помаранчевый* (*помаранчевый*), известная многим языкам (*белорус. помяранцавы, польск. pomarańczowy* и др.), в том числе и русскому, в котором она появилась в XVII веке, в настоящее время после событий в Украине воспринимается носителями русского языка как украинизм, так как получила определенную коннотацию. И как нам представляется, в сознании русскоязычных жителей Украины и ближнего Зарубежья сема «наименование цвета» в слове *помаранчевый* стала не ядерной, а периферийной. Ядро рассматриваемой

семей заняла сема «относящийся к оппозиции, революционный».

В ходе исследования нами были выявлены следующие случаи функционирования слова *помаранчевый*:

1) если речь идет о партии «Наша Украина» и ее сторонниках; о коалиции, в состав которой вошли партии «Наша Украина», БЮТ и др. – т. н. помаранчевой коалиции («*помаранчевая коалиция*» («Трибуна». 06.22.2006), «*помаранчевая команда*», «*помаранчевые силы*» (там же); «*помаранчевые революционеры*» («Коммунист». 08.06.2005); «*помаранчевое лакейство*» («Коммунист». 8.06.2005); «*помаранчевый раскол*» (о расколе «помаранчевой коалиции») («Украинская правда». 12.09.2005); «*помаранчевый политикум*» («Украинская правда». 29.08.2006);

2) в контекстах, описывающих украинскую «революцию» («*Помаранчевая революция*» («2000». 29.04–05.05.2005)), события, относящиеся к ней (*Украина <...> на глазах у всего мира «помаранчево» простилась со своим недемократическим прошлым...* («Украинская правда». 13.01.2005). Интересны лексические сочетания, описывающие эти события: «*помаранчевый шабаш*» («Украинская правда». 21.01.2005); «*помаранчевый путч*» («Коммерсантъ». 28.12.2004); «*помаранчевый бунт*» («Наш Донецк». 10.11.2005).

Если проследить хронологию употребления данной лексемы в текстах СМИ, то можно выявить, что с течением времени (2004–2006 гг.) актуализировались различные семы лексического значения слова *помаранчевый*, менялась его эмоционально-экспрессивная окраска и контексты употребления. Изначально лексема *помаранчевый* имела положительную коннотацию, актуализировались семы: цвет активности, энергии, внутреннее бурление общества, стремление к динамике. Находим подтверждение в СМИ: *Помаранчевый колор стал интернациональным цветом победы* («ЗН». 22–28.01.2005).

Со временем в зависимости от того, кто освещает события – сторонники или противники «помаранчевых сил», цель использования лексемы *помаранчевый* менялась, при этом сама лексема обретала то положительную, то отрицательную коннотацию (*У министров «помаранчевый» бред...* (УРА-Информ. 23.10.2006).

Включение в русский публицистический дискурс украинских лексем является отражением изменившейся языковой ситуации в Украине. Украинизмы – номинации актуальных событий, входящие в активный словарь, усложняют семантическую структуру и расширяют сферу употребления.

Литература

1. Словарь русского языка. Т. 10. М.; Л., 1960.
2. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусского языка: В 4-х т. Т. 3. М, 1990.
3. Словарь української мови: В 4 т. Т. 3. Киев, 1909.
4. Словарь української мови: В 13 т. Т. 7. Киев, 1976.

Специфика семантического поля в тексте (на примере семантического поля цвета)

Ф. Н. Новиков

Российский университет дружбы народов, Москва

Цветообозначения, текстовое семантическое поле, цвет

Summary. In this article the author reviews the specifics of the textual semantic field. The main attention is concentrated on the color field in the Russian language.

Семантическое поле как лексическая категория высшего порядка представляет собой иерархическую структуру множества языковых единиц, объединенных инвариантным значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. В современной лингвистике поле является одной из основных категорий и комплексных единиц, а также методом системного описания единиц разных уровней: лексики (семантическое поле), грамматики (функционально-семантическое поле) и словообразования. В настоящее время в лингвистике активно исследуются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Такие исследования представляют язык как систему полей, переходящих друг в друга, взаимодействующих в своих периферийных зонах и имеющих многоуровневый характер.

Изучение семантических полей, обогащая язык, способствует его развитию и пониманию его функционирования. Обратимся к анализу специфики семантического поля в тексте на примере семантического поля цвета. Цвет помогает выразить эмоции, настроение. Существует ряд универсальных черт в системах цветообозначений в различных языках. Процесс категоризации мира тесно связан с языком, поэтому при изучении цветовых категорий исследователи опираются на функционирование в языке имен цвета или цветообозначения. Важнейшей проблемой является проблема универсального восприятия цвета и обозначения его оттенков как фрагментов цветовой картины мира.

О самом существовании такой категории, как цвет, сложилось множество разнообразных мнений. Большинство ис-

следователю придерживаются взгляда, предложенного еще И. Ньютоном, и предлагают различать цвет предметов, цвет света и цвет в восприятии. Цвет не существует в отсутствие наблюдателя. Процесс категоризации мира тесно связан с языком, поэтому при изучении цветовых категорий исследователи опирались на функционирование в языке имен цвета или цветообозначения.

Недостаточная исследованность специфики семантического поля в тексте требует осмысления некоторых проблем, которые, хотя и находились в поле зрения ученых, но исследованы еще недостаточно. Семантическое поле в тексте, речи (*parole*), хотя и соотносится с полем в языке (*language*), имеет свою специфику: оно более подвижно, чем второе, определяется не жесткой языковой системой, а закономерностями строения и развертывания текста, актуальной значимостью его единиц, которые могут не принадлежать одному языковому семантическому полю. Текст может нейтрализовать различия единиц, принадлежащих в языке разным полям, и, наоборот, дифференцировать то, что является подобными единицами.

В текстовом поле, как и в обычном языковом, обнаруживается определенная иерархическая структура: центральная (ядерная) и периферийные части. Последние представляют собой результат пересечения рассматриваемого поля со смежными полями и являются сферой функционирования единиц таких полей во вторичных семантических функциях их единиц. Такие вторичные значения в художественных текстах имеют чаще всего образный характер, обусловленный общим строем литературного произведения.

Текстовое поле, в отличие от обычного, представляет собой протяженную, динамически развивающуюся структуру. Метод текстового поля в изучении языка и композиции литературных произведений позволяет «охватить» все стороны и опосредования объекта, максимально приблизив читателя (интерпретатора) к автору, его творческому замыслу.

Семантическое поле характеризуется понятийной однородностью элементов, в основе его организации, как упорядоченного множества наименований в языке, лежит последовательное объединение однородных в смысловом отношении единиц (лексико-семантические группы или элементарные поля (относительно замкнутые ряды слов одной части речи, подклассы, классы и т. д.)). Так образуется сложная многомерная система взаимосвязанных семантических полей, границы которых относительно и определяются во многом установкой его исследователя.

Специфика же семантического поля в тексте, речи определяется закономерностями развертывания текста, который нейтрализует различия единиц, принадлежащих в языке к разным полям, и разделяет подобные единицы. Текстовые семантические поля обладают большей подвижностью и свободой, по сравнению с языковым полем из-за актуализации в тексте вторичных значений и пересечения компонентов различных семантических полей. Анализ языковой

структуры полей цветообозначения в их взаимодействии в художественном тексте доказывает, что они реализуются как серии взаимосвязанных употреблений, как целые системы, представляющие образные ряды (парадигмы), в широком понимании – варианты его компонентов. Они могут отличаться друг от друга как формально-семантически (прежде всего – по своему словообразовательному значению), так и собственно семантически (прежде всего – как синонимические средства языка, единицы одного и того же или близких семантических полей). Обратимся к примеру.

«Лицо у него было *бледное* и светилось изнутри мертвой *стеариновой прозрачностью*. Глаза, прикованные к *стеариновым* щекам человека на кресле, были грустными <...> Его *стеариновые* щеки натянулись туго и плоско, как материя на мебели, лицо было покрыто *мертвенной бледностью*» (Б. Лавренев). Здесь цветоименование с семантикой «белый» (*бледный* – в значении ‘лишенный румянца, бескровный’) *стеариновый* – (*стеарин* – ‘белое вещество, представляющее собой продукт химической обработки сала или жиров серной кислотой’) выполняет в палитре образа не только описательную функцию, но и служит средством раскрытия психофизического состояния героя. Белому цвету здесь отведена функция передачи тревоги, беспокойства, горя, физического нездоровья. Белый цвет здесь становится символом смерти, антонимом жизни и радости (ср. *стериновые свечи* – как предмет, предполагающий отпевание в церкви, *мертвенная бледность*). Компоненты текстового семантического поля цвета взаимодействуют с полем *человек*.

Прилагательное цветообозначения является не только реализацией прямого значения, но и, благодаря пересечению поля цвета с другими смежными полями, приобретает дополнительные, очень емкие коннотации. «На Дону и в Замостье / Тлеют *белые кости* / Над костями шумят ветерки» (А. Сурков). Кости людей и животных имеют белый оттенок, белый цвет употреблен здесь в соответствии с обозначаемой реалией. Но в контексте стихотворения, рассказывающем о борьбе Красной и Белой Армии он продуцирует вторичные семантические признаки цветообозначения. Таким образом, в одном слове три значения: 1. ‘белая кость, лежащая в степи’ 2. ‘кости участников Белой Армии, белогвардейцев’ 3. ‘белая кость’, т. е. аристократия’. Цвет является здесь основой поэтической полисемии, с огромной силой конденсирует в себе разнородные предметные и не предметные интенции, неизмеримо превосходя по своим образным возможностям номинативную лексическую единицу, относящуюся к цветообозначению.

Специфика семантического поля в тексте, речи определяется закономерностями развертывания текста, который нейтрализует различия единиц, принадлежащих в языке к разным полям и разделяет подобные единицы. Текстовое семантическое поле обладает большей подвижностью и свободой, по сравнению с языковым полем из-за актуализации в тексте вторичных значений и пересечения компонентов различных семантических полей.

Проблемы формирования базы данных сводного словника древнерусских памятников для пополнения СлРЯ XI–XVII вв.

Е. А. Сокина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН)

Историческая лексикография, база данных, древнерусские источники XI–XVII вв., создание словаря, дополнение словаря, словоуказатели, лемматизация, сводный электронный словоуказатель

Summary. The main emphasis of this report is put on the actual problems of the compilation of the Old Russian Language's Dictionary with the use of the total vocabulary.

1. Необходимость комплексного подхода в решении проблем составления Словаря русского языка XI–XVII вв. Словарь начал издаваться 30 лет назад. Возник разрыв в оформлении словарных статей между первыми и последними томами, непреодолимый без изменения первых 15-ти томов. Для этого необходима общая база данных, которая даст возможность проработать систему отсылок и унифицировать принципы оформления словарной статьи. Словарь базируется на рукописной Древнерусской картотеке, которая была создана в 1925 г. Пополнения ее в последние десятилетия были нерегулярны и никогда не носили всеобъемлющего характера в виде сплошной росписи всех изданных и рукописных памятников. В результате в Картотеке зафиксирован

круг памятников, который лишь наполовину составляет содержательную часть Словаря. Уже много лет осуществляется дополнение словаря и словарных значений по изданным и продолжающим издаваться древнерусским памятникам.

2. Сейчас готовятся к изданию книги на букву «С», следовательно, о создании полной базы данных Словаря пока говорить нельзя, но подготовить отдельные информационные системы необходимо.

3. Необходимой вспомогательной системой является сводный словник всех изданий древнерусских памятников, содержащих словоуказатели. Сводный словник будет так оформлен, что позволит в кратчайшие сроки выявлять недостающую лексику по определенным словарным отрезкам и

делать дополнения по изданным источникам, число которых превысило 100. Появилось много принципиально новых источников, как, например, берестяные грамоты, «Изборник» 1076 года, древнерусские надписи, древнейшие мишеи («Путятинна мишея», «Ильина книга») и др. В настоящее время для дополнения одного словарного отрезка необходимо просмотреть приблизительно 150 книг, что делает труд тяжелым и непродуктивным, замедляя и без того не быстрый процесс создания Словаря.

4. Проект создания базы данных сводного словаря направлен на решение проблемы 1) оптимизации лексикографического процесса с использованием электронных технологий; 2) пополнения информационной базы данных исторического Словаря русского языка XI–XVII вв.; 3) создания электронного варианта сводного словаря-указателя с уточнениями в соответствии с современными требованиями к словарям в исторической лексикографии – для постоянного обновления и дополнения Словаря.

5. Результаты проекта могут быть использованы в исторической лексикографии и лексикологии и в информационной системе. Сводный словарь будет служить источником не только для пополнения словаря СлРЯ XI–XVII вв., но и различных грамматических и статистических наблюдений, словники содержат в себе много дополнительной информации о словоформах, о фонетических вариантах, о парадигме, о частотности, о наличии или отсутствии какого-либо слова в том или ином памятнике, и терять эту информацию было бы неразумно.

При практическом решении задач возникает много вопросов, требующих решения. При таком временном охвате одно и то же слово может выглядеть по-разному. Реконструированная форма с ориентацией на фонологическую систему древнерусского языка будет различной в XI в. и в XVII в., так как различны фонологические системы. Словоуказатели к памятникам были сориентированы на издаваемый текст и часто оформлялись по упрощенному варианту не только грамматически, но и графически, изменяя особые буквы на привычные, сохраняя только *ъ*, *ер* и *ерь*, а остальные специфические буквы – юс малый и большой, йотированные гласные и юсы, диграф, *о-мега*, *и-десятеричное*, *фита* и некоторые другие будут заменены на обычные знаки фонетических соответствий. Современные технические средства позволяют воспроизводить славянский шрифт, представляя слово в соответствующем облике. Поэтому современные издания выгодно отличаются от изданий советского времени. Но нам приходится работать и с теми, и с другими словарями, объединяя их в один ряд. Как их приспособить друг к другу? Удревнять облик слова из памятника XVI–XVII вв. до XII–XIII вв. мы не можем, а вот хотя бы графически

упростить церковнославянский вариант можем, и это даст возможность соединить словарь древнейшего памятника со словариком более позднего памятника, словники разножанровых памятников, а также соблюсти алфавит. Именно соблюдение алфавита становится тем, что позволило бы собрать в одно место алфавита все словоформы одной лексемы. Стремление к лемматизированному словарю желательно при печатном издании этого словарика или его части. Для извлечения из электронной базы сводного словаря нужного отрезка необходима единая графика и осведомленность автора составителя о возможных вариантах словоформ, чтобы правильно сформулировать запрос. Тогда компьютер выдаст все словоформы с указанием источника, с которыми автор будет работать. Запрос для слова «**воздати**» можно оформить так: «**възда**», «**возда**», «**възда**» – и тогда из базы будут извлечены все словоформы с подобным началом слова.

Унификация словариков в соответствии с современными требованиями в исторической лексикографии к подаче древнерусского заголовочного слова – это серьезная научная задача. До недавнего времени принято было делать словоуказатели исходя из форм словоупотребления в тексте памятника, что вполне оправданно. Поэтому многие ранее изданные словоуказатели, особенно к древнейшим памятникам не лемматизированы (только «**възаалка**» вместо «**възаалкати**», только «**сѣдѣщу**» вместо «**сѣдѣти**», только «**въсѣде**» вместо «**въсѣсти**»... (СлИл).

(В более поздних памятниках, имеющих упрощенную графику, тоже могут встречаться (хотя и в меньшей степени) словоформы вместо начальных форм лексем, например: «**быль**, **буду**, **суть**, **есмы**, **сый**» вместо «**быти**».)

В последние годы появилось несколько изданий (*А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты. М., 2004; История Иудейской войны Иосифа Флавия / Древнерусский перевод А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I–II. М., 2004; В. Б. Крысько. Ильина книга. Лингвистическое издание. М., 2005*) со словоуказателями, выполненными по всем современным правилам лексикографического оформления исторического материала на базе древнерусской грамматики. Основу словариков составляют лемматизированные лексемы в их условном древнерусском облике. В сводном словнике именно такие словоформы могут стать образцом при выборе заголовочного слова.

Помимо проблемы заголовочного слова при соединении самых разных словариков самых разных памятников от XI до XVII в. выявляется очень много расхождений в воспроизведении одной и той же лексемы, например: **въноушити** и **внушити**, **сътонино** и **сотонинь**, **съхранити** и **сохранити** (**съхран-**, **схран-**), **съходити** и **сходити**, **альчньный** и **алчньный**, **въпустити** и **впустити** и т. д.

Г – Грамотки	СИ – Слово о законе и благоугодии	ОК – Отказ. Кн.	АЕ – Арх. ев.
вода Г	вода\ сущ. ж. ед. им.	Взборьѣ\ 10. 26	възглють – Зл. – 77 об 2,
водити Г	воня\ сущ. ж. ед. им.	Взголовь\ 4.	въздати – инф. – 39 об
водиться Г	врази\ сущ. м. мн. им.	Взголяв\ 4. 115,	въздамь – наст. ед. / л. –
водолив Г	въ(во)\ предлог. С вин.	Взгорьѣ\ 7. 419	въздасть – 3 л. – 40, 8,
водоливов Г	въведь\ прич. прош. д. м. ед.	Вздуброва\ 4. 84	въздадять – мн. 3 л. – 34 об
водяной Г	въводя\ прич. наст. д. м. ед.	Вздубровьѣ\ 1.	въздадите – повмн. 2 л.
воевать Г	въдовицамь (въдовицамь)\	Взлесок\ 4. 115	въздаша – аор. мн. 3 л. –
воевода Г	въдела\ аор. ед. Зл. 186а1	Взлбок\ 4. 213	въздавь –
воеводский Г	възаалка\ аор. ед. 3 л. 177а4	Взлой\ 2. 447 об.	въздаю – наст. ед. 1 л. –
воз Г	възведи\ пов. ед. 2 л. 192б16	Взятии\ 6. 663	въздая – прич. наст. действ. м. ед. им. –
возбранить Г	[възвеселятся]	Взять\	въздвигиоути – инф. –
возвестить Г	възвеселися\ пов. ед. 2 л.		въздвигноути! – 149 об
возвестно Г	възвратися\ аор. ед. 3 л.		въздвиге – аор. ед. 3 л.
возвратиться Г	възвъѣщаю\ наст. ед. 1 л.		въздвигъ – прч. прш. д. м. ед. им.
возгородиться	възгорьѣ\ аор. ед. 3 л. 186а1		въздвигъши – ж. ед. им.
воздание Г	въздадимь\ наст. (буд.) мн.		
воздать Г	въздадять\ наст. (буд.) мн. 3		

На одном алфавитном отрезке видно, как отличаются словники и одинаковые словоформы. Лучше дать возможность составителю словаря выбрать из всех словоформ заголовочное слово с системой отсылок в соответствии с правилами составления словарной статьи и посмотреть, что интересного может быть в парадигме и корневой группе, чем представить его вниманию лемму без вариантов лексемы по памятникам письменности.

Отдать предпочтение какой-либо форме чрезвычайно ответственно, к тому же осуществлять выбор должен автор-составитель и редактор, работающие над определенным словарным отрезком, так как после многих размышлений

редакторы СлРЯ XI–XVII вв. пришли к выводу, что заголовочное слово оформляется по личному усмотрению авторов и редакторов с учетом выработанных правил его оформления в словаре (по поздней форме с перечислением вариантов и использованием системы отсылок).

Речь идет – пока – только о словоформах и о том, в каком памятнике каждая из них встречается. Для дальнейшей работы со словом автору или редактору придется – пока – обращаться к книге, где вся подробная информация присутствует. Удобство в том, что не придется просматривать все 150 изданий в поисках лексемы, а только те, где она есть, о чем нам скажет сводный словарь.

Прилагательные «фактический» и «действительный»: соответствие реальности и соответствие идеалу

Пань Шугуан

Московский педагогический государственный университет / Китай

Концепт истины, типы употребления прилагательных, верифицируемость и неверифицируемость

Summary. The work is devoted to problem of lingual actualization of concept “istina (truth)” in various type of usage of adjectives “fakticheskij (factual)” and “dejstvitel’nyj (true)”. It proves that difference of its meanings depends on “verified” or “un-verified” types of usage.

В последнее время в науке о языке, в рамках когнитивно-го подхода к анализу семантики единиц естественного языка, активно формируется интерес к анализу ключевых концептов национальной культуры (см., например [3]). В настоящей работе приводится фрагмент анализа концепта *истинность*, который представляет собой описание отдельных компонентов концепта – прилагательных *фактический* и *действительный*, предпринятое на основе методики концептуального анализа, предложенной Е. В. Рахилиной [1]. Языковой материал для анализа отбирался из репрезентативного свода примеров, представленного в электронной версии Национального корпуса русского языка.

Согласно общепринятой точке зрения, значение прилагательных фактический и действительный в общем виде сводится к идее соответствия реальности, что подтверждают основные словари русского языка. Ниже мы покажем, что во многих контекстах употребления этих прилагательных они обозначают отнюдь не соответствие реальности, точнее, соответствие реальности, но, так сказать, «другого порядка», не объективной, не физической.

Это связано с противопоставлением двух видов мнения: мнение-предположение (то, что можно узнать, проверить, верифицировать) и мнение-оценка, которое отражает субъективную точку зрения, не подлежащую проверке или верификации.— см., например [2] и др. Первый тип можно проиллюстрировать высказыванием *Я думаю, что фильм хороший*, которое произносится в ситуации, когда говорящий еще не видел фильм, но может его посмотреть и узнать, хороший он или нет. Второй тип можно проиллюстрировать высказыванием *Я считаю, что фильм хороший*, которое произносится в ситуации, когда говорящий видел фильм и высказывает свою оценку; при этом у других людей может быть другая оценка. Подобные оценки нельзя верифицировать, а можно принять или не принять.

Слова, воплощающие в языке концепт *истинности*, в том числе прилагательные *фактический* и *действительный*, также имеют различие по признаку верифицируемости / неверифицируемости, которое связано с тем, к какому типу реальности относится характеристика.

Так, например, прилагательное *действительный* обозначает соответствие или несоответствие реальности, однако сама реальность может быть двух типов: это может быть «обычная» реальность – действительность – и, условно говоря, «другая реальность» – мир человеческих ценностей и норм, важных культурных смыслов, идеалов. Тогда для него возможны две группы употреблений: 1) соответствие реальности; 2) соответствие идеалу (стандарту, норме, образцу; эти нормы и идеалы принадлежат в нашем случае к ментальной сфере).

Пример первого типа, верифицируемого: *Он никак не мог понять действительного смысла ее слов*, – где имеется в виду ‘то, что можно узнать, понять’ (поскольку героиня подразумевала что-то определенное). Пример второго типа, оценочного, – *Это обретение подлинной радости жизни, истинной самореализации, раскрытие действительного смысла своего Бытия*, – где имеется в виду ‘то, что можно принимать или не принимать’, то, что опирается на субъективные представления и ценности субъекта, но не на интеллектуальную операцию верификации.

В верифицируемых типах употребления прилагательное *действительный* также обозначает ‘имеющий силу’, т. е. способность совершать действие: *В течение двух месяцев мой документ еще действителен*, – и ‘действенный’, т. е. совершающий действие: *Самая действительная проповедь есть проповедь жизнью*. Обратим внимание, что ни в том, ни в другом случае это прилагательное не обозначает соответствия объективной реальности в строгом смысле слова. Тем более это верно для неверифицируемых употреблений, где это слово обозначает соответствие идеалу, т. е. тому, что в обыденном сознании реальности как раз противостоит: *Не прав тот, кто оправдывает свою неспособность или нежелание стать действительным вождем пассивностью народа* (= подлинным, образцовым вождем, т. е. идеальным).

Прилагательное *фактический* в своем исходном (верифицируемом) употреблении также не означает соответствия объективной реальности. Его исходное значение ‘имеющий отношение к факту, оперирующий с фактами’ принадлежит сфере знания о мире, а не самого мира: *фактический материал, фактические данные*. Т. е. слово фактический в исходном значении характеризует качество концептуальной информации, а не соответствие действительности.

Другое, производное, также верифицируемое значение слова *фактический* – ‘соответствующий факту’, т. е. некоторому положению дел в реальности, уже более релевантно по отношению к возможности выражать соответствие объективной реальности, однако и оно прежде всего характеризует результат операции верификации – самого установления этого соответствия, т. е. принадлежит реальности концептуальной: *фактический доход, фактическая дата события* и пр. Во всех этих случаях противоплагаются не столько *реальность / нереальность*, сколько *достоверность / недостоверность*: характеристика *фактический* противостоит в этом случае разным видам недостоверности – формальности, ложности, мнимости, с одной стороны, и предположению, догадке, гипотезе – с другой.

В неверифицируемых употреблениях *фактический* также обозначает не соответствие реальности, а соответствие миру человеческих идеалов и ценностей, и в этом употреблении оно близко соответствующим неверифицируемым употреблениям слов *истинный, настоящий, подлинный*. *Так вот, дело делается во времени, и если оно делается, то фактический смысл дела устанавливается теми же руками, которые он использовал (там лежала истина его идеалов)*. Возможно также степенное (усилительное) употребление слова, производное от неверифицируемого, в значении ‘полный, совершенный’: *Он там смотрелся фактическим идиотом* (= совершенным, полным идиотом).

Литература

1. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
2. Шатуновский И. Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
3. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.

Лексикализованные формы слова в аспекте категории внутренней формы

Н. Е. Петрова

Московский педагогический государственный университет

Внутренняя форма, грамматикализованная, лексикализованные формы слова, морфолого-синтаксическая транспозиция, номинация

Summary. The work examines the relation between concept «internal form» and lexicalized grammatical forms of word. On basis of comparing this forms with derivatives the author draws the conclusion about specificity of internal form of lexicalized units determined with a term «grammaticalized» ones.

Понятие внутренней формы (ВФ) используется в современной лингвистике достаточно широко: в применении к

слову, переносному значению многозначного слова, фразеологизму, образному выражению, речи, языку. В этом ряду

не рассматривается такая единица, как форма слова, между тем отношение ВФ к формообразованию как особому, наряду со словообразованием, типу производности, составляет интересную и сложную проблему. Часть этой проблемы, а именно вопрос о ВФ лексикализованных форм слова, является содержанием настоящего доклада.

ВФ – это часть любой сложной (т. е. образованной на базе другой / других номинативных единиц языка) номинативной единицы, объясняющая закономерность связи между звучанием и значением данной единицы. Говоря о производном слове, мы понимаем под ВФ материально-идеальную структуру, своего рода костяк слова (см. также [1, 26]). Смысловая сторона ВФ заключает в себе мотивирующую номинацию *признак* денотата и устанавливаемое между обозначаемой вещью и этим признаком *отношение*. В языковой «реальности» этому отношению соответствует смысловое отношение между производным и производящим словом. Материальной стороной ВФ являются морфемы слова (производящая база и деривационный формант), чувственно воспринимаемые и в силу этого делающие соответствующий смысловой образ доступным для понимания носителями языка.

В учении одного из первых исследователей ВФ А. А. Потемни слово- и формообразование практически не различаются. Утверждая, что «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом» [2, 15], ученый тем не менее оставляет вопрос о ВФ грамматической формы открытым.

Современная лингвистика исходит из противопоставления слово- и формообразования и подчеркивает, что последнее не сопряжено с созданием нового слова. К ряду признаков, различающих эти два процесса, можно прибавить следующий: создание слова предполагает создание его ВФ, образование же форм слова – нет. Дело, однако, осложняется диффузностью границ между лексическим и грамматическим в языке, в том числе – между словообразованием и словоизменением. Показательными в этом отношении являются лексикализованные грамматические формы (ЛГФ) знаменательных частей речи. Можно выделить два типа образования ЛГФ: морфемное образование грамматических форм, выражающих иное по сравнению с остальной парадигмой слова лексическое значение при сохранении категориального значения части речи, и развитие у отдельных форм парадигмы особой семантики, сопряженной с изменением категориального значения (морфолого-синтаксическая транспозиция). В первом случае фактором лексикализации является определенная атипичность формы, во втором случае – атипичность употребления.

Примером первой разновидности лексикализации являются формы множественного числа неконкретных существительных (*бега* ‘гонки, состязания упряжных, рысистых лошадей (или оленей, собак) на скорость’). Их нельзя назвать формами соответствующих существительных *sing. tant.* в том смысле, что они а) не тождественны им в лексическом значении, б) не образуются регулярно, в) характеризуются идиоматичностью, г) представляют собой явно вторичные образования на базе форм единственного числа, обычно свой-

ственных существительным таких лексико-грамматических разрядов, как отвлеченные или вещественные. Считать образования типа *бега* словами мешает лишь отсутствие деривационного аффикса, функцию которого выполняет флексия множественного числа. Полагаем, что в подобных случаях мы имеем дело с единицами, обладающими своей ВФ, но особого типа. Мотивировочный признак номинации заимствуется из исходной формы единственного числа и «прикладывается» к денотату через значение множественности. Таким образом, характер отношения, выражаемого ВФ, по сути своей, является грамматическим: *бега* – это ‘то, что характеризуется множественностью действия «бег»’. Значение множественности в этом случае является ключом к «метонимической» интерпретации ‘множество (больше, чем один) бегущих’ и далее – к значению состязательности между ними. Носителем семантики ВФ в приведенном примере служит структура, образованная по грамматическим правилам, что позволяет отождествить ее с формой множественного числа существительного *бег*. Такая ВФ характеризуется нами как «грамматикализованная».

Примерами второго типа могут служить адвербиализованные падежные или предложно-падежные формы имен существительных (*капельку* ‘немножко, чуть-чуть’, *на вырост* ‘с запасом’, *в лоб* ‘чересчур прямолинейно, без обиняков’). Такие образования омонимичны типичным (нелексикализованным) формам соответствующих существительных и выступают с ними в отношении формально-семантической или формальной мотивации. И в том и в другом случае лексикализованные в результате адвербиализации падежные формы фактически являются производными номинациями, обладающими ВФ. Это ВФ смешанного, морфемно-эпидигматического типа. Семантика наречных выражений возникла в результате метафорического переосмысления прямых значений соответствующих форм, а материальным носителем значения ВФ является морфемная структура, хранящая отчетливый образ исходной грамматической формы (падежной или предложно-падежной) имени существительного, что, кстати, поддерживает традицию раздельного написания подобных образований. Такая ВФ также определяется нами как «грамматикализованная». Термин «грамматикализованная» подчеркивает специфику ВФ лексикализованных единиц по сравнению с «обычной» ВФ деривационного типа. Имеется в виду а) грамматический характер отношения мотивированного признака к объекту номинации, б) грамматический или грамматикоподобный тип аффикса, участвующего в выражении данного отношения, так что номинативная единица вызывает устойчивую ассоциацию с грамматической формой слова; в) историческая мотивированность отдельной грамматической формой базового слова, которая легко «прочитывается» в ЛГФ.

Литература

1. Блинова О. И. Явление мотивации слов. Томск, 1984.
2. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988.

Семантическая судьба советизмов-прилагательных в русском языке XX века

А. А. Пихурова

Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова

Pihurovaaa@mail.ru

Советизм, семантические изменения, архаизация, нейтрализация

Summary. The presentation deals with the problems of semantic transformation of words-Sovietisms.

Лексико-семантическая система русского языка XX века отразила социальные сломы в истории страны. Во-первых, после революции 1917 года появляется множество новых слов, некоторые слова изменяют значения, многие (знаки старой культуры) уходят в пассив. Во-вторых, после распада советского государства (конец 80-х – 90-е гг.) устаревшие в 20–30-е годы слова реактивизировались, часть неологизмов советского времени уходит в пассив, часть знаков советской культуры – советизмов – остается в активном запасе словаря, несколько меняя свою семантическую струк-

туру. Эти изменения нельзя представлять как механические сдвиги в словаре, изменяется вся лексико-семантическая система. Большой интерес в связи с данными изменениями представляет собой проблема судьбы советизмов, так как этот материал частично уходит в прошлое и нуждается в лингвистической регистрации и изучении.

Лексика советского периода в словарях русского языка в целом получила полное, разностороннее, квалифицированное описание, и лексикографические данные могут служить базой для выявления семантической динамики советизмов.

Под советизмами мы понимаем вербальный или невербальный знак любой сложности как факт советской культуры. Для лингвистики интерес представляют собственно советизмы, которые с точки зрения семантической структуры слова могут быть распределены на **лексические** (слова, актуализовавшиеся, появившиеся или образованные в 20–70-е годы и обозначающие явления советской действительности, – *бракодел, перегибчик, эпохальный* и др.) и **семантические** (новые значения старых слов и оттенки значения, появившиеся в 20–70-е годы, – *авангард, подкованный, достать* и др.). Внутри каждого типа советизмов прослеживаются определенные семантические процессы: архаизация, нейтрализация, преобразование разных типов советизмов. В докладе эти процессы будут рассмотрены на примере оценочных прилагательных, большая часть которых является семантическими советизмами.

Положительно-оценочные прилагательные преобладают над отрицательными. Это объясняется тем, что оценивается явление советской действительности, а действительность была «прекрасна» с позиции существовавшей власти.

1. **Нейтрализация** советской оценки характерна для большинства семантических советизмов-прилагательных как с положительной, так и с отрицательной оценкой: *безграничный,*

беспопачный, беспредельный, беспримерный, бессмертный, блистательный, братский, верный, всемерный, всеильный, всесторонний, всенародный, выдающийся, высокий, гениальный, героический, гигантский, горячий, грамотный, грандиозный, грядущий, единодушный, животворный, исполнский, истинный, любимый, и др. – вредительский, мецанский, обывательский, пассивный, тлетворный, чуждый. Из лексических советизмов только один – *эпохальный* – утратил советскую оценку и сохранился в активном запасе словаря.

2. Процесс **архаизации** наблюдается среди лексических советизмов: *большевицкий, величественный, всемирно-исторический, всесоюзный, высокоодейный, краснозвездный, непреодолимый, пламенный – безыдейный, несознательный, рваческий, заокеанский.*

3. **Преобразование разных типов советизмов** на примере прилагательных не прослеживается.

Таким образом, изучение семантической динамики и временной перспективы советизмов имеет значение не только для воссоздания их собственной истории, оно необходимо для истории русского литературного языка XX века. Семантические изменения в разных группах советской лексики существенно влияют на лексико-семантическую систему русского языка XX века.

Когнитивные стратегии формирования семантических структур многозначных глаголов социальных действий и отношений

А. М. Плотникова

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Полисемия, когнитивный сценарий, когнитивные стратегии

Summary. The report deals with the cognitive strategies that determine the formation of semantic structures of verbs denoting social activity and relations.

Проблема полисемии рассматривается нами в русле когнитивного подхода с акцентом не на инвентаризации и классификации существующих значений, а на механизмах образования новых значений. Точка зрения на полисемию, в соответствии с которой семантическая структура слова предстает как результат процессов концептуализации категоризации действительности, широко представлена в лингвистической литературе последних лет.

Материалом данной работы являются многозначные социальные глаголы, то есть глаголы, концептуализирующие тот фрагмент процессуально-событийной картины мира, который связан с жизнью человека в социуме, социальными действиями человека и социальными отношениями между людьми. В класс социальных включаются те глаголы, которые обозначают поведение человека в обществе, его образ и стиль жизни, определяемый обществом (отношением к собственности, отношением к себе и к другим членам коллектива), ролевые и статусные взаимоотношения людей в различных социальных группах (например, *подчинять, управлять, победить, защищать, освободить, противодействовать*).

Признавая идею преобразования значений по определенным семантическим механизмам, мы обращаем внимание на когнитивные составляющие преобразования значений. Семантические механизмы деривации производны от когнитивных механизмов, заложенных в языковом сознании. Нестандартно (и это отмечается исследователями полисемии) модели семантической деривации универсальны для множества лексических единиц и для различных языков, что можно объяснить универсальностью механизмов восприятия, понимания и познания мира. Вследствие этого целесообразно выделять **когнитивные стратегии** семантической деривации, представляющие собой план семантической деривации, последовательно реализуемый с помощью **семантических тактик**, то есть конкретных языковых приемов и средств развития значений. Когнитивные стратегии связаны с процессами памяти, мышления и восприятия, а семантические тактики являются языковым воплощением результатов всех этих когнитивных процессов. Семантические тактики являются наблюдаемыми, и через их рассмотрение исследователь может определить когнитивные стратегии. Поэтому в работе используется индуктивный путь: от анализа язы-

ковых фактов семантической деривации к выявлению когнитивных механизмов, управляющих этими процессами.

В результате анализа класса глаголов социальных действий и отношений выявлена центральная роль когнитивного сценария как модели лексического значения глагола. **Когнитивный сценарий** понимается как разновидность концепта, ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями. Когнитивный сценарий многозначного глагола является способом организации его значений, а его существование обуславливает нашу способность к пониманию связи между значениями полисеманта.

В качестве примера рассмотрим формирование семантической структуры глагола *аттестовать*.

Аттестовать – 1. Определить – определять уровень квалификации кого-л. // Установить – устанавливать соответствие должности (для человека) или техническим требованиям (для устройства). 2. Оценить – оценивать чьи-л. знания (обычно по определенной теме или за определенный срок). ЛСВ глагола связаны причинно-следственными отношениями, обусловленными самой денотативной ситуацией: чтобы определить уровень квалификации кого-л., необходимо оценить его знания; в свою очередь, определение уровня квалификации позволит установить соответствие предъявляемым требованиям.

Когнитивный сценарий глагола включает несколько взаимосвязанных событийных пропозиций, связанных логическими причинно-следственными пропозициями: субъект 1 оценивает знания субъекта 2; субъект 1 определяет уровень квалификации субъекта 2; субъект 1 устанавливает соответствие субъекта 2 необходимым требованиям.

Помимо выделенных пропозиций, существует пресуппозитивная часть значения, предполагающая наличие у субъекта 2 определенных знаний в какой-либо профессиональной области, которые могут подвергаться оценке и сопоставлению, и наличие у субъекта 1 определенных требований, в соответствии с которыми он будет осуществлять оценку знаний.

В пропозициональных структурах значений совпадает состав актантов и позиция предиката. Различное заполнение актантных позиций связано с выделением одной из пропозиций когнитивного сценария глагола. Семантической тактикой, обеспечивающей развитие значений, является полипрозитивность глагола *аттестовать*. В каждом конкретном ЛСВ происходит профилирование (то есть выделение, подчеркивание) одной из пропозиций, входящих в когнитивный сценарий. Следовательно, в значениях глагола профилируются признаки, изначально заложенные в когнитивном сценарии. Наличие нескольких пропозиций в значении глагола позволяет акцентировать внимание на одной из про-

позиций или на одном из элементов пропозиции, выдвигать эту пропозицию или этот элемент на первый план.

В результате проведенного исследования семантической деривации социальных глаголов выявлены 4 типа когнитивных стратегий: 1) когнитивная стратегия активации связей между денотативными ситуациями; 2) когнитивная стратегия выбора актантов; 3) когнитивная стратегия профилирования; 4) когнитивная стратегия образных схем.

Процесс образования значений многозначного глагола понимается как последовательность когнитивных операций, осуществляемых говорящим на основании существующего в его сознании когнитивного сценария глагола.

Влияние процесса вторичного заимствования на словообразовательное гнездо слова *агрессия*

Е. Г. Поспелова

Университет Российской академии образования, Москва

Абстрактивизация, вариант, вторичное заимствование, инвариант, метафорический перенос

Summary. As of today the modern Russian trends towards the loanword from foreign languages. The process of the secondary loanword is identified as a particular case of the loanword. We would like to analyze this process by the example of a Russian family of the word “aggression” in the report drawn up by us.

На сегодняшний день в современном русском языке отмечается активное заимствование иноязычной лексики. В качестве частного случая заимствования называется процесс вторичного заимствования, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [3]. В своем докладе мы бы хотели проанализировать этот процесс на примере словообразовательного гнезда слова *агрессия*.

Слово *агрессия* – относительно недавнее заимствование (его нет в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля). В процессе ассимиляции от него было образовано следующее словообразовательное гнездо (по данным [1]): 1-я цепочка: *агресс-ия* (1. Вооруженное нападение. 2. Склонность к нападению) → *агресс-ор* (Тот, кто осуществляет агрессию; нападающая сторона, захватчик); 2-я цепочка: *агресс-ия* → *агресс-ивн-ый* (1. Осуществляющий агрессию; захватнический. 2. Характеризующийся агрессией) → (*агресс-ивн-о* (агрессивность; неприязненно, враждебно); 3-я цепочка: *агресс-ивн-ый* → (*агресс-ивн-ость* (1. Отвлеч. сущ. по знач. прил.: агрессивный); 4-я цепочка: *агресс-ия* → *агресс-ин-ы* (1. Продукты жизнедеятельности болезнетворных микробов, усиливающие их вредоносное действие – в биологии). Как видно из приведенных значений, все члены данного словообразовательного гнезда имеют отрицательную коннотацию. Однако в последнее время отмечается распространяющееся употребление слова *агрессия* и его дериватов без отрицательной коннотации [5]. Для объяснения потери отрицательной коннотации обратимся к английскому эквиваленту русского слова *агрессия* – *aggression*.

Несмотря на то, что английское существительное *aggression* переводится как *агрессия*, прилагательное *aggressive*, согласно [2], имеет два значения: 1. (militant; hostile) агрессивный (*The factors of formation of aggressive actions of children*); 2. (assertive; pushy) напористый (*aggressive growth funds; aggressive skates*). Чтобы выявить в них связь между коннотацией и значением, мы на основе примеров определили инвариант, характерный для обоих значений, – ‘потенция’ (наличие в объекте энергии, определяющей характер этого объекта). На основе этого инварианта выделили два варианта: ‘потенция во вне’ и ‘внутренняя потенция’. ‘Потенция во вне’ – энергия, характеризующая с отрицательной точки зрения способность объекта к взаимодействию с внешней средой: *aggressive* ≈ *militant* (воинственный ≈ опасный для кого-то), *hostile* (враждебный по отношению к кому-то). ‘Внутренняя потенция’ – энергия, определяющая не отрицательный характер функционирования внутренних процессов объекта: *aggressive* ≈ *assertive* (напористый), *pushy* (пробивной). Рассмотрим процесс перехода варианта ‘потенция во вне’ во ‘внутреннюю потенцию’. Производное прилагательное *aggressive* – более семантически абстрактно, чем производящее слово *aggression*, употребляющееся только

с отрицательной коннотацией. Поскольку вариант ‘потенция во вне’ содержит более специфичные, конкретные признаки значения, чем инвариант ‘потенция’, под воздействием абстрактивизации он ослабевает. Это приводит к актуализации инвариантом ‘потенция’ своей ассоциативно-порождающей способности (А. А. Поликарпов), которая вызывает вступление дериватов под воздействием контекста в «ассоциации по сходству с единицами внеязыкового мыслительного материала» [4], т. е. имеет место метафорический перенос.

Для определения сферы, в которую переходят дериваты, мы проанализировали примеры, данные ко второй дефиниции. Они показывают, что дериваты оценивают объекты по степени их активности (*aggressive growth funds* ≈ активный рост запасов / быстрое увеличение средств; *aggressive skates* ≈ быстрые/скоростные коньки) и употребляются в тех областях применения лексики (Экономика и Средства передвижения), в которых есть необходимость характеристики объектов с позиции их активности, т. е. степени содержания инварианта ‘потенция’, выступающего в качестве *tertium comparationis* (В. П. Москвин). В семантике анализируемых дериватов в инварианте ‘потенция’ освободившееся после ослабления варианта ‘потенция во вне’ место заполняется вариантом ‘внутренняя потенция’, развившимся под влиянием переноса.

Очевидно, английский дериват *aggressive*, содержащий вариант ‘внутренняя потенция’, стал объектом вторичного заимствования.

В современном русском языке мы отметили следующие значения, в которых может содержаться этот вариант: *активность, скорость* и т. п. Например, *агрессивный портфель* ≈ портфель активно покупаемых и продаваемых ценных бумаг; *агрессивная оптимизация* ≈ быстрый запуск.

Для определения семантики всех членов словообразовательного гнезда слова *агрессия* мы выявили зависимость вариантов ‘потенция во вне’ vs. ‘внутренняя потенция’ от области применения слова и стиля высказывания. Материалом анализа послужили тексты, размещенные на Интернет-сайтах. Методика анализа текстов состояла в следующем: мы расположили тексты-примеры одновременно по двум категориям: стилистическая специфика употребления слова (специальное, нейтральное, разговорное) и область применения лексики. Далее, руководствуясь контекстом, определили в слове *агрессия* и его дериватах основное значение, которое входило либо в вариант ‘внутренняя потенция’, либо – ‘потенция во вне’. Поскольку в данном исследовании нас интересовал случай вторичной номинации, мы приведем итоги анализа текстов только для слов, в семантике которых содержится вариант ‘внутренняя потенция’.

Вариант ‘внутренняя потенция’ содержится в предикатах оценки: *агрессивный, агрессивно, агрессивность*. Для них характерно следующее употребление:

Обл. примен.	Стил. спец. употр. слова	Значение	Примеры
Экономика	спец. нейтр.	активность	<i>Агрессивный портфель; агрессивная политика продвижения на рынок</i>
	разг.	напористость	<i>Агрессивные (низкие) цены</i>
Программирование	спец. разг.	скорость	<i>Агрессивная оптимизация; агрессивный комп; агрессивно-прогрессивный сайт</i>
Спорт	нейтр.	активность	<i>Американки включили агрессивный прессинг; Благодаря зрелищности и агрессивности этот вид спорта популярен среди молодых спортсменов</i>
Передвижение	разг.	скорость	<i>Езжу агрессивно; агрессивные ролики</i>
Здоровье	разг.	сила	<i>Жесткий агрессивный кашель</i>
Поведение	нейтр. разг.	активность	<i>Прогрессивная агрессивная молодежь; агрессивность в завоевании новых партнеров</i>

Как и в английском языке, в русском метафорический перенос предикатов в ранее незакрепленные нормой области применения лексики зависит от содержания в них *tertium comparationis* 'потенция' (Экономика, Программирование, Спорт, Передвижение; Здоровье, Поведение). Активное развитие процесса метафоризации отмечается в разговорной области коммуникации. Специальное употребление характерно для слов, перешедших в русский язык вместе с денотатами, заимствованными из областей знания, получивших распространение в англоязычных странах (Экономика, Программирование).

Поскольку слова, испытавшие на себе влияние процесса вторичного заимствования (*агрессивный, агрессивно, агрессивность*) более семантически абстрактны и имеют более абстрактную, более грамматичную форму, чем производящее слово *агрессия*, они менее способны участвовать в создании новых единиц [6]. Но, как известно, «мощным противовесом образованию бесконечного числа новых слов»

[7] является метафорический перенос. Благодаря ему анализируемые предикаты оценки приобретают статус новых слов с новыми значениями.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. 2000.
2. Кацнер К. Англо-русский / русско-английский словарь. 1996.
3. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык. 2004. № 44.
4. Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М., 2000.
5. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учебное пособие. 2-е изд. Минск, 2004.
6. Поликарпов А. А. Когнитивное моделирование циклических процессов в становлении лексической системы языка // Труды Казанской школы компьютерной и когнитивной лингвистики. ТЕЛ-2001. Казань, 2001.
7. Харченко В. К. Функции метафоры. Воронеж, 1992.

Лексикографическое описание современного русского молодежного сленга

И. Г. Приходько

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Молодежный сленг, субстандарт, лексикографические параметры, принципы и критерии отнесения единиц к молодежному сленгу

Summary. The article is devoted to the youth slang and its lexicographic fixation in the dictionaries of the youth sociolect. The thesis offers a system of the criteria of highlighting youth slang elements in the corpus of informal lexis.

Единицы молодежного сленга (МС) стали предметом лексикографического описания еще в 90-е годы XX в. Между тем, анализ вышедших за последние десятилетия словарей МС показывает их разнородность практически по всем лексикографическим параметрам: объему, составу словника, структуре словарных статей, типам дефиниций, функционально-стилистическим характеристикам, представлении грамматических значений и словообразовательных потенциалов, учету частотности и региональной приуроченности, наличию и подаче иллюстративного материала, историко-этимологическим экскурсам (см. [1]–[12] и др.). Такая неоднородность объясняется тем, что, во-первых, в русистике не выработаны четкие принципы и критерии отбора единиц МС в толковые словари из массива всей субстандартной лексики русского языка, а, во-вторых, не разработаны единые параметры лексикографической обработки сленговых слов в словарях.

Отсутствие всесторонне обоснованной системы критериев отнесения субстандартных языковых единиц к МС приводит к тому, что исследователи очень редко указывают, чем они руководствовались, отбирая языковой материал для своих словарей, а иногда и вообще не касаются этого вопроса, как в [8]. Гораздо чаще авторы стараются в предисловии к словарю оговорить, какого рода лексику они не включают в свои словари. Исходя из определения сленга как языка относительно открытой, социально или профессионально ограниченной группы людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, лингвисты отсеивают явные элементы просторечия, общеразговорных единиц, бранной лексики, которые не относятся к сленговой сфере. Например, И. А. Стернин в свой словарь не включил «... слова и выражения грубого характера, вульгарные, отражающие сферу секса и сексуальных отношений...» [3, 5], Ф. И. Рожанский – топонимы всех видов [2, 4]. Чаще всего среди критериев отбора лексического материала называется ориентация на современную речь либо вообще всей русской молодежи вне зависимости от региональных и возрастных особенностей, либо молодежи конкретного города, либо отдельной возрастной группы молодых людей. Этот критерий позволяет включать в словарь МС следующие группы

слов: слова, понятные большинству молодых носителей языка и систематически ими употребляемые в любом неофициальном общении; слова, особенно популярные у молодежи, частотные в молодежном словоупотреблении, любимые молодежью; слова, которые по крайней мере значительной частью молодежи понимаются, хотя, может быть, и не все из них используются реально в речи. Мы считаем, что в основу выделения единиц МС из массива ненормативной лексики могут лечь следующие критерии: 1) широкое употребление слова в речи представителей различных молодежных групп, 2) актуальность семантики в молодежной среде, 3) частотность в молодежном словоупотреблении; 4) актуальность употребления молодежных сленгизмов в живой речи, средствах массовой информации и современной литературе. Обязательными критериями для определения границ МС, а, следовательно, и отбора его единиц для лексикографической фиксации, следует считать первые три. Последней критерий свидетельствуют об определенной степени освоенности того или иного молодежного сленгизма в общем употреблении.

Отсутствие единых лексикографических параметров описания единиц МС сказывается и на структуре словарной статьи в разных словарях МС. Анализ словарей МС показал, что далеко не все компоненты, обязательные для толковых словарей (словоформа, стилистические маркеры, данные о сфере употребления, толкование, контекстные иллюстрации, историко-этимологическая справка, указание на системные отношения) присутствуют в словарной статье. Обязательными авторы считают только вокабулярную и эквивалентную части, а все остальные компоненты – факультативными, например: *Шуришки* – деньги. У него всегда *ШУР-ШИКОВ* полные карманы! *Шуришник* – то же, что *шуршик* (см.) [3, 85]; *Бздэма* – студ. 1. Учеба, учебный процесс. 2. Учебный предмет. *Это бздэма на один семестр, потом зачет и все.* 3. Экзамен. *Очень некстати бздэма второго января.* 4. Экзаменационная сессия. 5. (матем.) Теорема; уравнение. *Я с этой бздемой три часа трахала, а она не имеет решения.* [10, 37]; *Забивала* – спорт. результативный форвард. *Главный забивала «Нью-Кастла» забил 2 гола. Сейчас как раз ценятся высокие, мощные забивалы типа*

Булыкина. [11, 161]; **Винт** [Sg. t.] (нарк.; кон. 70) – *первтин, психостимулятор фенаминовой группы, используемый как наркотический препарат для инъекций. Винтовой* (нарк.) – человек, использующий в качестве основного наркотического препарата **ВИНТ**. [2, 8]; **Забитый**. **Глупый**. **Завалинка**. Экзаменационная сессия (студ.) **Заварганить** (вар.: **Заварганить**) **Украсть**. [8, 136]. На наш взгляд, словарная статья в словаре МС обязательно должна включать следующие компоненты: заголовочное слово, грамматический классификатор, толкование и иллюстративный материал.

При создании «Словаря молодежного сленга города Киева» [13], мы стремились выработать принципы описания, позволяющие дать полное представление о данном социолекте: он отличается от ранее изданных молодежных словарей как по словнику, так и по некоторым принципам описания материала.

Основное его отличие – целенаправленная ориентация на современную русскую устную речь киевской молодежи. Поэтому в качестве источников словарных материалов мы использовали только первичные источники (записи живой речи молодежи), и не привлекали вторичные источники (статьи, диссертационные исследования, посвященные сленгу, словарные разработки материалов из имеющихся словарей русского языка, изданных в книжной или интернет-форме, художественные и публицистические тексты, в том числе и тексты песен современных рок- и поп-исполнителей, передачи радио и телевидения). При составлении словаря нами не были использованы и данные Интернет-текстов, не смотря на то, что ввиду своей спонтанности они во многом приближаются к записям живой речи, что позволяет исследователям привлекать их в виде одного из дополнительных источников.

Мы стремились описать не все функциональное пространство МС (как центр, так и отдаленную периферию), а лишь его актуальное, высокочастотное ядро. Поэтому принцип

актуальности употребления сленговых слов молодежью в живой речи являлся одним из основополагающих.

Составленный словарь относится к малым словарям, так как объем словника насчитывает около 2300 единиц. В словарь вошли общеизвестные в киевской молодежной среде в целом слова и устойчивые словосочетания, которые активно употребляются в устной речи молодежи, понимаются и представляют высокочастотное ядро.

Литература

1. *Грачёв М. А., Гуров А. И.* Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.
2. *Рожанский Ф. И.* Сленг хиппи: Материалы к словарю. СПб.; Париж, 1992.
3. Словарь молодежного жаргона. Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 1992.
4. *Митрофанов Е. В., Никитина Т. Г.* Молодежный сленг: опыт словаря. М., 1994.
5. Русский молодежный жаргон: Врубись, какой приколы! Самиздат–95. М., 1995.
6. *Шинкаренко Ю.* Базарго. Жаргон уральских подростков. М., 1998.
7. *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. М., 1996.
8. *Максимов Б. Б.* Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск, 2002.
9. *Никитина Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга, слова непонятные взрослым. М., 2003.
10. *Вальтер Х., Мокшенин В., Никитина Т.* Словарь русского школьного и студенческого жаргона / под ред. М. Нимайера. Greifswald, 2003.
11. *Никитина Т. Г.* Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг. М., 2003.
12. *Никитина Т. Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2004.
13. *Кудрявцева Л. А., Приходько И. Г.* Словарь молодежного сленга города Киева. Киев, 2006.

Об интернациональном в русской лингвистической терминологии

И. А. Ребрушкина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск
Термин, национальное и интернациональное в терминологии

Summary. The paper is devoted to international nature of some Russian linguistic terms.

Вопрос о предпочтительности национального или заимствованного (в том числе интернационального) в терминологии интересует многих ученых.

Эта проблема, восходящая к спору об исконном и заимствованном в языке вообще, разумеется, не находит однозначного решения, хотя, как обычно, высказываются мнения прямо противоположные: от пуристических, декларирующих предпочтительность национальных средств в данной языковой системе (В. А. Гречко, И. Н. Волкова, Н. П. Романова, до «антипуристических» (П. Ивич, А. В. Исаченко) и иногда даже призывающих произвести унификацию русской лингвистической терминологии на основе международных терминологических элементов.

Хочется сделать несколько замечаний по поводу так называемой интернациональной терминологии. Считается, что она удобна тем, что 1) позволяет облегчить общение ученых разных стран; 2) в данном конкретном языке интернациональный фонд очень «терминологичен», т. е. изолирован от общего словаря, и потому термины, построенные на его основе, свободны от посторонних ассоциаций, экспрессии, многозначности (Н. В. Кузьмина). Однако эти положения могут быть оспорены. Во-первых, очевидно, что интернациональные элементы вовсе не изолированы от «общего» словаря. Можно привести массу общеупотребительных слов, являющихся греко-латинскими заимствованиями или построенных из греко-латинских элементов: *телефон, телевизор, биография, библиотека* и многие др.

Во-вторых, отсюда (из факта наличия в общенациональном языке слов с международными аффиксами) следует, что у подобных терминов не исключаются ни многозначность, ни «посторонние» ассоциации. Один из путей возникновения последних – омонимия терминов (либо терминологических элементов) и общеупотребительных слов (либо морфем), ср. *экскурсия по городу и экскурсия звука*.

Кроме того, разъяснений требуют сами термины «интернационализм», «интернациональный». Надо полагать, что их

целесообразно применять к тем словам, которые в нескольких языках имеют не только похожее произношение (написание), но и значение. А это далеко не всегда наблюдается. О. С. Ахманова замечает, что термины *фонема* (в русском языке), *phoneme* (в английском), *phonème* (во французском), *Phonem* (в немецком) и т. д. – это не один и тот же термин, а разные единицы с различным понятийным наполнением, и формальное совпадение этих терминов «не только не облегчает научное общение, но, напротив, затрудняет его, так как создает для пользующихся ими видимость равенства, соответствия, которое на самом деле оказывается иллюзорным». Тогда понятно, что такой аргумент в пользу интернационализации терминологии, как следующий: «...интернационализация облегчит общение ученых разных стран...» (Н. В. Кузьмина), – так же несостоятелен, как утверждение, что пополнение словарного запаса заимствованными словами способствует овладению иностранными языками.

Если рассматривать терминологию как живую, развивающуюся систему, то попытки искусственного привнесения в нее чего бы то ни было кажутся во многом бесперспективными. Разумеется, терминология, в отличие от «естественного» языка, творится учеными, и процессы ее унификации необходимы, однако здесь, так же, как и в общенациональном языке, почти невозможно «договориться» о чем-то, особенно если речь идет о замене устоявшейся, сложившейся системы или ее единиц: этому препятствует просто само наличие письменных источников прошлых лет, в которых данная единица уже функционирует.

Надо полагать, истина в данном случае лежит, как обычно, в пределах «золотой середины». Ни национальная, ни интернациональная природа термина сама по себе не является ни достоинством, ни недостатком его. О достоинствах или недостатках того или иного названия можно говорить, лишь рассмотрев соотношение слова-термина и понятия, которое этим словом обозначено.

Модели номинации интеллектуальных понятий в синхронии и диахронии русского языка

Е. Н. Руденко

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Когнитивная диахроническая ономастиология, концептуальная модель, номинация, семантика

Summary. Both cognitive activities of an individual and the process of nomination of certain concepts are characterized by competition of conceptual models. Such a competition we can see in synchrony, and diachrony of one language or several related languages. The main concepts-sources in nomination of “to explain”, “to learn” in Russian are “to speak”, “to perceive”, and “to change space characteristics”.

Концептуальная метафора – установление связи между двумя разными фреймами на основании сходства некоторых признаков. Когнитивная диахроническая ономастиология устанавливает соответствие между этапами речемыслительного процесса номинации и временной последовательностью материально зафиксированных фактов истории языка.

В рамках названных областей исследования были сформулированы две идеи, очень близкие по своей сути – фактически, это одна идея, транспонированная в разные области знания.

Одна и та же концептуальная область-цель может обслуживаться разными, не связанными друг с другом и порой противоречивыми метафорами; такие метафоры предлагают лишь частичное описание и объяснение концептуальной области-цели, причем некоторые аспекты проявляются, а некоторые затеваются. Именно в фокусировании различия между альтернативными метафорами, обслуживающими одну и ту же область-цель, т. е. при обслуживании (= объяснении, представлении) одной и той же концептуальной области-цели имеет место конкуренция разных базисных метафор.

В рамках когнитивной диахронической ономастиологии тот же постулат (независимо от исследований концептуальной метафоры) представлен в ином ракурсе: несколько способов концептуализации могут существовать параллельно и «конкурировать» друг с другом.

Сопоставление двух приведенных выше идей очевидным образом показывает, что в данном случае способ порождения, организации и взаимосвязи концептосфер (= фреймов = концептуальных областей) в рамках концептуальной системы транспонируется в сферу языковой номинации.

Сравнение – перенос – метафора как механизм генерации новых концептов и их номинаций релевантен и для индивидуального, и для коллективного сознания. Конкуренция разных концептуальных метафор, равно как и конкуренция наименований, основанных на разных способах концептуализации, есть следствие того, что универсальная когнитивная операция сравнения может проводиться по разным основаниям. В пределах одного языка такая конкуренция проявляется как в синхронии, так и в диахронии – в наличии разных концептов-источников для номинации одного концепта-цели.

Возможность проявления конкурентных способов номинации может быть продемонстрирована на материале русского языка.

Возьмем в качестве примера каузативные глаголы понимания и знания русского языка, в первую очередь лексемы со значением ‘объяснять’ и ‘учить’.

В русском языке для передачи значения ‘объяснить’ реализуются концептуальные переносы на базе «говорить» (*растолковать* и другие префиксальные образования), «сделать ясным, светлым» (*объяснить* и другие префиксальные образования), «вдолбить» ≈ «с усилием переместить, поместить внутрь» (*вдолбить*), «разжевать» ≈ «сделать лучше воспринимаемым» (*разжевать* (прост.)).

Семантика ‘*учить*’ в русском языке передается заимствованиями *муштровать*, *дрессировать* в их вторичном значении ‘обучать (излишне строго)’, глаголом *учить* с первоначальным значением обучения и его аффиксальными дериватами, а также глаголами, значения которых основаны на семантических переносах: *вразумлять* (< *разумь* < *умь* < др.-рус. *умь* < праслав. *umь < и.-е. *ou-mos > хеттск. *ai-*, *aiš-* ‘видеть’, т. е. мотивировано семантикой восприятия); *наставлять*, *направлять* (уст.), *напутствовать* (перед началом дела, перед дорогой) с общей исходной семантикой ‘указывать путь, ориентировать в пространстве’, *преподавать* с первоначальным значением перемещения, *просвещать* – ‘делать светлым, лучше видимым, лучше воспринимаемым’. Таким образом, из переносных наименований обучения в современном русском языке преобладают мотивированные пространственной семантикой.

Таким образом, в номинации концептов ‘объяснять’, ‘учить’ в русском языке участвуют три семантических переноса, представляющих три концептуальные схемы: ‘говорить’ → ‘объяснять’, ‘делать светлым, хорошо видимым ⇒ хорошо воспринимаемым’ → ‘объяснять’, ‘изменять пространственные параметры чего-л.’ → ‘объяснять’.

Остановимся кратко на каждой из приведенных концептуальных схем.

Об общей тенденции наивно-языкового сознания описывать процессы получения информации в терминах перемещения в пространстве написано очень много. Следует отметить, однако, что в формировании понятия ‘объяснять’ на разных этапах существования русского языка пространственные представления участвуют не слишком активно (см. совр. рус. *вдолбить*): из названных конкурирующих путей концептуализации преобладает перенос на базе семантики света. В то же время семантика преобразования пространства преобладает в мотивации процессов обучения.

Семантика света в целом играет весьма заметную роль в формировании каузативов объяснения и обучения. Если значение ‘делать светлым, хорошо видимым’ мотивирует ‘объяснять’, то ‘делать темным, плохо видимым’ – ‘запутывать, делать непонятным’ (см. *морочить*, *темнить* и др.).

Особо следует сказать о связи концептосфер восприятия и мышления. Еще У. Найссер говорил о том, что восприятие – это поиск в долговременной памяти прототипа для поступившего внешнего стимула, встреча мира внешнего и мира внутреннего. «Воспринимать» – частый и естественный концепт-источник для обозначений процессов мышления, воображения и подл. зачастую восприятие и мышление синкретичны, неделимы в семантике слов, см., например, праслав. *videti, связанное чередованием гласных с *vedati, а также тот факт, что во многих языках мира лексемы с семантикой ‘видеть’ употребляются и в значении ‘понимать’. Указанную связь можно наблюдать и на материале русского языка, в частности, совр. рус. *разжевать* (прост.) ‘подробно объяснить’ ← ‘сделать более доступным для интеллектуального восприятия, усвоения’ ← ‘сделать более доступным для физиологического восприятия, усвоения’. Рассматриваемая выше семантика света систематически используется как концептосфера-источник для интеллектуальных обозначений в силу глубоких когнитивных причин: свет – предпосылка лучшего восприятия и, соответственно, мыслительной деятельности.

Проблема семантического тождества синонимов (на материале религиозной лексики русского языка)

М. В. Слаутина

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург

Семантика, синонимия, интерпретация, языковая картина мира

Summary. The article deals with the problem of semantic identity of synonyms. We analyze adjectives denoting a human being according to his attitude to religion.

В языковой концептуализации мира важное место занимают отношения отождествления (синонимия). Отмечая пер-
148

спективность идеографического описания синонимических рядов внутри семантических групп и полей, Л. Г. Бабенко

указывает, что «не все фрагменты реального мира в равной степени находят отражение в синонимической картине мира», поэтому создание идеографического словаря синонимов помогает «выявить лексические приоритеты в отображении действительности, особенности национальной картины мира» [1, 19]. В разных языках парадигматические группировки лексики, в том числе синонимические ряды, обладают различной «семантической плотностью», которая понимается как «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [2, 7]. Речь идет об отражении в семантическом комплексе синонимического ряда различных аспектов обозначаемого явления.

В качестве примера рассмотрим синонимический ряд *религиозный, верующий, набожный, благочестивый, богомольный, богобоязненный, богобоязливый, боголюбивый, молитвенный*, который включает прилагательные, характеризующие человека по отношению к религии, нормам религиозной жизни. Семантическая идея ряда формулируется следующим образом: «искренне верящий в Бога, соблюдающий Божьи заповеди, участвующий в жизни Церкви, исповедующий религиозные догматы и строящий свою жизнь в соответствии с ними». Однако в семантике входящих в ряд синонимов актуализируются различные компоненты, что подтверждается контекстологическим анализом. Так, прилагательные *религиозный, верующий*, обладающие наиболее общей семантикой, в большей степени отражают внутреннюю жизнь человека, его религиозные убеждения. Ср.: *А я, как верующий человек, не хочу проливать чью бы то ни было кровь и всего менее кровь моих подданных* (Алданов). *Но я, как человек верующий, не могу в таком важном деле поступить противно христианскому закону* (Л. Толстой). Семантика лексем *богомольный, молитвенный* отражает внешнюю, обрядовую сторону религиозной жизни. Внутренняя форма данных лексем репрезентирует представление о молитве как главной составляющей обрядовой жизни верующего человека. Ср.: *На старости лет стал очень богомольен и, когда не работал в саду, читал Священные книги* (Алданов). *Богомольная хозяйка при упоминании имени божьего тотчас же набожно склонила голову, стала торопливо креститься* (Шолохов). *Молитвенный старичок, а грех-то за плечами, – глубокомысленно заметил Гаврила Иванович, аппетитно зевая* (Мамин-Сибиряк). Прилагательные *боголюбивый, богобоязненный* и *богобоязливый* характеризуют человека, не просто верующего, соблюдающего Божьи заповеди, но искренне любящего Бога, старающегося не совершать грехов из страха Божьего. *О, добрый Тимофей, я знал тебя всегда боголюбивым, отцелюбивым, благожелательным, задушевным, бесхитростным, верным, сострадательным к блаженному отцу нашему, ко мне, грешному, и к боголюбивейшему архиепископу* (Преп. Феодор Студит). *Богобоязненные старые мецанки крестились* (Короленко). *Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых* (Гоголь). *Богом ей так назначено, – отвечал бого-*

боязливый отец Прохор (Лесков). В семантике лексем *набожный, благочестивый*, характеризующих человека не только по отношению к религии, нормам религиозной жизни, но по отношению к другим людям, актуализируется оценочный компонент. Если благочестие оценивается только положительно, то излишняя набожность может получать отрицательную оценку со стороны окружающих, потому что набожностью человеку свойственна не только вера в Бога, но и склонность к суевериям. Ср.: *Тихая, скромная, благочестивая, строго соблюдавшая обряды церкви, милосердная к бедным, была она доброю хозяйкою, верною женою и не столько мачехой для своей двенадцатилетней падчерицы Дианоры, сколько нежною матерью* (Мережковский). *Она была очень набожна и чувствительна, верила во всевозможные приметы, гаданья, заговоры, сны; верила в юридичных, в домовых, в леших, в дурные встречи, в порчу, в народные лекарства, в четверговую соль, в скорый конец света; <...> не ела ни телятины, ни голубей, ни раков, ни сыру, ни спаржи, ни земляных груш, ни зайца, ни арбузов, потому что взрезанный арбуз напоминает голову Иоанна Предтечи* (Тургенев).

Семантический комплекс лексем, называющих и характеризующих человека по отношению к религии, религиозным нормам, отражает идею свободы выбора: человек предстает как активное, деятельное существо, живущее в соответствии с заповедями Бога или отвергающее их. Жизнь верующего воспринимается и оценивается через призму религиозно-нравственных норм, при этом в большей степени представлена положительная оценка. Интересно отметить, что негативную оценку получает не только отсутствие веры в Бога или нарушение Божьих заповедей, но и излишняя приверженность религии, увлеченность внешней, обрядовой стороной религиозной жизни.

Отношения полного синонимического тождества в языке – явление достаточно редкое. Номилируя объекты действительности, человек выделяет в них различные стороны, что обуславливает множественность наименования одного явления. В семной структуре входящих в ряд лексем актуализируются разные компоненты, обуславливая семантические различия синонимов. Множественность и вариативность наименования какого-л. фрагмента действительности свидетельствует о его важности для носителей языка. Описание синонимических рядов, относящихся к религиозной лексике, позволяет, на наш взгляд, выявить лексические приоритеты в отображении фрагмента действительности, связанного с религиозной жизнью человека.

Литература

1. *Бабенко Л. Г.* Концепция идеографических словарей, разрабатываемая уральской семантической школой // XIV Кузнецовские чтения. Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол» 29 сентября – 1 октября 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 11–21.
2. *Карасик В. И.* Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.

Судьбы русизмов в таджикском языке постсоветского периода

Э. Собиров

Институт языкознания РАН, Москва

1. С 1868 г. Таджикистан («Бухарский эмират») входил в состав Российской империи и с этого времени начинаются контакты с русским языком. Во время пребывания Таджикистана в составе СССР эти контакты расширились в очень сильной степени. Если взять «Таджикско-русский словарь» 1954 г., то в нем можно обнаружить огромное количество русизмов и интернационализмов, попавших в таджикский язык через посредство русского языка. Это в основном научно-техническая, общественно-политическая терминология, а также бытовая лексика. Русизмы представлены во всех областях знания и жизни. Под влиянием русского языка таджикский язык значительно обогатился лексически, его словарный состав развился, расширилась семантика многих таджикских слов, появился интернациональный фонд таджикской лексики.

2. После обретения Таджикистаном независимости, в качестве государственного языка был принят таджикский.

Этот факт отражен в Статье 2 Конституции Республики Таджикистан от 1994 г. **Русский** язык функционирует как язык межнационального общения.

3. В последние два десятилетия усилились культурные, производственные, торговые, финансовые и деловые контакты таджиков с Ираном и Афганистаном. Заметно ощущается осознание таджиками себя как составной части огромного ареала ирано-язычной культуры. В очень большой степени расширяются личные межнациональные контакты в этой области. Новое звучание и значение приобретает общее классическое литературное наследие.

Эти изменения не могли не отразиться на современном таджикском языке, особенно **литературном**, и особенно показательна в этом отношении таджикская **лексика**. В ней возродились исконно таджикские и классические слова, часть старых арабизмов, заимствованы иранизмы из персидского языка.

4. Наше исследование новейшей таджикской лексики строится главным образом на сопоставлении «Таджикско-русского словаря» 1954 г. и двух новых «Таджикско-русских словарей», двухтомного (2004–2005 гг.) и однотомного (2006 г.). Помимо этого мы используем также другие материалы – двух- и трехязычные словари (например, «Компьютерный словарь: англо-русско-таджикский»), таджикской прессы, Интернета, художественную литературу на таджикском языке и материалы собственных полевых исследований. Последовательное сравнение названных таджикско-русских словарей показывает, что если словарь 1954 г. был перегружен русизмами, то в новых словарях их общее количество значительно сократилось. Сохранены наиболее употребительные слова, особенно интернационального происхождения. Например: *антенна, вокзал, домкрат, комбайн, взвод*. Убраны политическая и идеологическая лексика советского периода, например, *конфликт, партия, социалист, комсомол, политбюро* и мн. др. Из многочисленной лексики, связанной с основой существительного *партия*, сохранилась лишь сама эта основа. Убраны дериваты и композиты с этой основой: *партком, парткабинет, парторг* ‘ташкылотчи партияви’ и *партсъезд* ‘съезди партия’. Осталось слово *бригада*, но не осталось слова *бригадир*. Некоторые русизмы даны со ссылкой на таджикские эквиваленты: «*велосипед, см. дучарха*»; «*команда, см. даста*», «*фронт, см. хабка II*», «*ракета, см. мушак I*». Добавлены разговорные лексемы смешанного характера (русско-тадж.): *газхона* ‘кухня’, *видеотолор* ‘видеозал, видеосалон’ и др. Сохранены или добавлены некоторые историзмы: *князь, меньшевик, большевик*. Среди русских лексических заимствований в таджикском языке можно отметить слова, проникшие или проникающие в таджикский язык вместе с теми предметами и понятиями, которые перенимаются таджиками от русских и через них: *тепловоз, теплоход, печка, сумка, кино, студия, киностудия, телевизор, реклама, чайник / чайник*.

На современном этапе многие русизмы или русизмы-интернационализмы заменяются либо исконно таджикскими словами, либо классцизмами, либо персизмами и арабизмами. Часть заимствований существует параллельно с ранее имевшимися в таджикском языке словами и способствует

обогащению синонимии таджикского языка: *университет – донигоҳ, турист – сайёҳ, космос – кайкон, депутат – номоянда, эра – давр, ресторан – тарабхона, реклама – таблиғот, студент – донишхӯ*.

5. Помимо заимствованных слов, мы находим в таджикском лексиконе также кальки с русского языка: *почтаи электронӣ* ‘электронная почта’, *нишонии имейл* ‘электронный адрес’; *забони барноманависӣ* ‘язык программирования’, *русзабон* ‘русскоязычный’, *комютерикунонӣ* ‘компьютеризация’. Иногда трудно определить, откуда калькируется термин – из английского или из русского: англ. *microprocessor* – рус. *микрпроцессор* – тадж. *резпардозанда*. В некоторых случаях наблюдаются калькирование + заимствование из русского: рус. *микрорафика* – тадж. *резрафика*. Возможны также кальки с английского (через посредство русского). Например: англ. *microoder*, рус. *микрокоманда*, тадж. *резфармон*. Это касается не только литературного языка, но и разговорного. В просторечии часто употребляются сложные глаголы, созданные по модели: русский инфинитив (или императив) + таджикский вспомогательный глагол *кардан* (*устеть кардан, ждать кардан, договориться кардан*) и др.

6. В последние годы изменена таджикская орфография: из алфавита исключены буквы *ц, ы, ц, ь*, заменены соответственно на *с, и, ш*. Примеры: *цирк*, ‘цирк’, *сех* ‘цех’, *полис* ‘полиция’, *князь, видеофилм, вексел*.

7. Автору удалось в ноябре 2006 г. побывать в Таджикистане, в г. Душанбе. Мы ставили своей задачей выяснить, действительно ли соответствующие звуки не произносятся. Как оказалось, этот вопрос связан с возрастом и образованием информантов. Лица более старшего возраста, получившие русскоязычное образование, произносят *цирк, цилиндр, трапеция* и т. д., тогда как молодежь более склонна произносить *сирк, цилиндр, трапетсия* и т. д.

Мы заметили также, что те русизмы, которых не осталось в новых таджикско-русских словарях, реально продолжают использоваться в таджикском языке.

Конечно, для окончательных выводов о характере контактирования русского и таджикского языков и о судьбе русизмов в таджикском языке, требуется и время, и более продолжительная полевая работа в условиях Таджикистана.

Экспрессивное употребление женских личных имен

Ф. В. Степанова

Лесосибирский педагогический институт – филиал Красноярского государственного университета

Личные женские имена, апеллативизация, экспрессивное употребление

Summary. Object of consideration is the system of secondary lexical units, functioning in Russian, which are educated from personal female names, in the basic Christian tradition.

Номинативная деятельность, связанная с практическим овладением, познанием и отражением объективного и субъективного мира человека, не исчерпывается ни простым воспроизведением уже готовых наименований, ни созданием новых имен. В поисках адекватных средств отражения познаваемых сторон деятельности человек постоянно приспосабливает значения существующих лексических единиц к новым образам.

Базой для создания как номинативных, так и экспрессивных языковых единиц в ряде языков могут являться антропонимы. Процесс вторичной номинации на базе имен собственных и использование их в функции нарицательных называется апеллативизацией. Апеллативированные антропонимы соотносятся уже не с одним денотатом, а с рядом денотатов, аналогизируемых по какому-либо признаку. Признак этот становится базой для вторичной номинации, в результате которой антропонимы приобретают связь с понятием и превращаются из «монофункциональных номинативных единиц в бифункциональные единицы, способные выступать как в идентифицирующей, так и в предикативной функции» [1, 23].

В процессе переосмысления семантики антропонимов являются единицы, различные по своей номинативной ценности и лексико-стилистической ориентированности. В зависимости от того, какой тип объектов окружающей действительности подвергается вторичной номинации через имя собственное, различают номинативную и характеризующую (экспрессивную) апеллативизации.

При номинативной апеллативизации перенос названия осуществляется с одушевленного лица на ряд конкретных неодушевленных предметов или объектов, мыслимых как предметы. Широкое распространение в диалектной и народной речи находит переосмысление антропонимов на основе логических ассоциаций по смежности (метонимии) среди фитонимов и зоонимов, например, *агаша, матрѐнка* (растение тысячелистник), *алѐнка* (майский жук), *авдотька* (болотный кулик) и др.

Антропонимы при экспрессивной апеллативизации получают эмоционально-оценочные смыслы. Типичными иллюстрациями описываемой группы могут быть номинации *акулина, акулька* – «неаккуратная, неопрятная женщина», *хавронья* – «неряха, грязнуля», *фетинья* – «неповоротная женщина», *фефѐла* – «простофиля, разиня, растопыря, толстая, необходимая баба» и т. п. Разнообразие структурных моделей может быть представлено и глагольными дериватами *маруханиться* «гулять с парнем или девушкой», *марьяжить* «крутить любовь, присваиваться», *марфиться* «уподобиться женщине, всецело поглощенной хозяйством»; *акулить (абакулить)* «обманывать, плутовать, сплетничать», *варварить* «кутить, пить, буянить» и др.;

Использование человеческих имен во вторичных функциях представляет собой один из способов субъективизации языка, «очеловечивания» языка – по выражению И. А. Бодуэна де Куртенэ, поскольку выбор имен для их использования во вторичных функциях в значительной степени зависит от субъективных факторов и позволяет выявить фраг-

менты народных представлений, связанных с образами языческой и народно-христианской традиции. Фиксируемые в русских народных говорах номинации, представляют собой особый уровень экспликации определенных фрагментов народной картины мира.

В разных культурах и разных странах наблюдается определенная специфика в наборе имен и свои пути их апеллятивизации. Так, например, англичане именем *Hans* называют немца или датчанина, а немцы – мужчину, крестьянина, слугу, человека глупого. Личные имена, ставшие обозначениями классов людей или лиц определенной профессии, происхождения, с особыми характеристиками, часто содержат принижающий оттенок, хотя бы и в юмористическом плане, в то время как имена исторических лиц в апеллятивном употреблении звучат нередко хвалебно.

Русские женские антропонимы при экспрессивном употреблении чаще всего используются для ценностного занижения объекта. В русской языковой культуре для этой цели обычно выбирались частотные в прошлом имена или их квалитативы: *Акулина (Окуля)*, *Марья (Машка, Манька)*, *Марфа (Марфуша, Марфушка)*, *Ма(е)лания (Малашка)* и т. п.

Использование личных имен представляет собой очень удобный способ шифровки высказываний, столь характерных и для социальных диалектов, откуда эти выражения могут проникать в разговорный язык, обогащая его экспрессивными единицами, например, *фёкла* «картошка», *лукерья* «каша», *машка* «уголовница; матрос». Апеллятивированные имена используются и в молодежном сленге: *машка*, *наташка* в значении «девушка». Использование для этих целей имен собственных во вторичных функциях придает новым единицам образность и эмоциональность.

Апеллятивизация реальной женской русской антропоники в силу своего эмоционально-оценочного характера позволяет выявить ценностную ориентацию языкового коллектива. Если некоторый комплекс отрицательных качеств сильно затрагивает чувства говорящих, то эти качества становятся объектом вторичной номинации. Вторичная номинация антиценностей является имплицитным выражением ценностного идеала общества. Список антиценностей,

подлежащих вторичной номинации, специфичен для каждого культурного социума.

Однозначное толкование причин, приводящих к появлению у канонических имен или их квалитативов экспрессивных значений, весьма затруднительно.

Коннотативный потенциал отдельных личных имен может не зависеть от свойств реальных носителей этих имен, а имплицитно содержаться в фонетической форме слов, вызывающей различные ассоциативные связи. Влияние так называемого «фонетического значения» обнаруживается у имен с начальными звуками Ф и Х: ср. (в дополнение указанное выше) экспрессивы от мужских имен *фаля* (от *Фалалей*) и *филя* (от *Филипп, Филарет*) «дурак, простофиля», *федул* «разиня, простофиля», *фофан* «простак, дурак», *харя* (от *Харитон*) «урод».

Кроме того, некоторые народные формы или квалитативы отдельных личных имен могли возникнуть и под влиянием близких к ним по форме апеллятивов и их основ, что способствовало установлению вторичных формально-семантических корреляций, втягивающих затем данные квалитативы в соответствующие экспрессивные микросистемы.

Случаи экспрессивной деонимизации женских личных имен могут быть обусловлены и социальным фактором: ведь имена *Акулина*, *Маланья*, *Матрёна*, *Фефела*, *Хавронья* и другие были распространены в основном среди непрестижных социальных кругов, а именно среди крестьянства и городских низов. Изменение социальных отношений сделало эти обозначения неактуальными, а это привело к тому, что и имена стали выходить из употребления.

Негативная окраска значения трансформированных личных имен может быть объяснена и тем, что дохристианские имена часто использовались в табуистической функции, выступая именем-оберегом.

Таким образом, при выяснении причин оценочной деонимизации необходимо учитывать различные факторы, поскольку само имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет как бы точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического плана, в силу чего значение его оказывается сложным комплексом, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте.

Параметрические прилагательные как единицы измерения масштаба личности

М. Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет

Семантическая деривация, семантика и сочетаемость, метафора

Summary. The paper is concerned with certain semantic peculiarities of Russian parametric adjectives, which predetermine possibilities of their usage to characterize features of personality. The research based on the National Corpus of Russian Language gives an opportunity to scrutinize the major sets of uses.

В докладе рассматриваются некоторые особенности семантической организации параметрических прилагательных, характеризующих (в их исходном значении) основные измерения материального объекта: *высокий – низкий, широкий – узкий, толстый – тонкий, глубокий – мелкий*.

Многие из названных имен широко используются также для характеристики лица (*большой режиссер, мелкий негодяй, широкий специалист*), свойств и качеств личности (*высокий интеллект, глубокий ум, широкий кругозор*), психических и ментальных состояний (*большая радость, глубокое отчаяние, мелкие огорчения*).

По мнению Ю. Д. Апресяна, в подобных употреблениях реализуются две регулярные модели многозначности в сфере параметрических имен: (а) 'больше нормы X' → 'высокая степень' (*глубокая река* → *глубокие знания, широкая река* → *широкие обобщения*); (б) 'больше нормы X' → 'положительная <отрицательная> оценка' (*высокий человек* → *высокие мысли, тяжелый мешок* → *тяжелое чувство*) [1, 213].

Данная точка зрения представляется небесспорной.

Во-первых, в ряде случаев компоненты 'степень' и 'оценка' активно взаимодействуют, и неясно, какому из них следует отдать предпочтение. В частности, это имеет место в примерах группы (а): если *глубокие знания* и *широкие обобщения* ≈ 'знания и обобщения в высокой степени', это не может не оцениваться положительно.

Во-вторых, словосочетания, приводимые в качестве иллюстраций в рамках отдельных моделей, трудно признать совершенно единообразными. Как кажется, прилагательные *глубокие* и *широкие* характеризуют *знания* и *обобщения* с разных сторон, причем в обоих случаях трудно согласиться с тем, что это «очень» знания и «очень» обобщения. Так же трудно согласиться с тем, что в словосочетаниях *высокие мысли* и *тяжелое чувство* значение атрибутивного компонента сводится к оценке; совершенно очевидно, что выбор атрибута в каждом конкретном случае обусловлен содержательными различиями параметрических имен и тем способом концептуализации действительности, который они обеспечивают.

Представляется справедливым замечание Е. В. Рахилиной, которая, рассматривая семантику прилагательного *глубокий*, утверждает, что значение 'интенсивности', предлагаемое в таких случаях в качестве толкования, «не обладает никаким объяснительной силой: нельзя понять, ни почему в данном случае именно *глубокий* выбрано в качестве интенсификатора из всех возможных (ср. *высокий, сильный, значительный, яркий*), ни почему сочетание с *глубокий* получает именно значение интенсивности, а не какое-то другое» [4, 151].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость осмысления специфики использования параметрических имен для характеристики личности, исследования механизмов семантической деривации, обеспечивающих возмож-

ность такого употребления, и выявления когнитивных оснований полисемии в данной сфере русской лексики.

В докладе рассматриваются употребление параметрических прилагательных с именами нескольких семантических классов.

1. Сочетания с именами лиц.

Носителем свойства, обозначенного параметрическим прилагательным, могут быть как предикатные, так и идентифицирующие существительные. Первые, как указывает Н. Д. Арутюнова, именуют предмет, «выделенный по определенному, познанному человеком свойству» [2: 193], а потому характеризуются монопризнаковостью. Соответственно в сфере действия прилагательного оказывается признак, составляющий ядро значения опорного имени (*большой ученый, большой фантазер, тонкий дипломат* и т. д.). При этом тип значения определяемого предикатного существительного (функциональный или характеризующий) играет существенную роль для способа семантической организации параметрического прилагательного. Сочетание с идентифицирующим именем (*большой человек, тонкая девушка* и т. п.) является самым слабым контекстом для интерпретации прилагательного, которое в таком случае может актуализировать самые разные составляющие своего семантического потенциала.

2. Сочетания с именами психических и ментальных состояний.

Для выяснения особенностей реализации параметрических прилагательных в таких контекстах был использован список имен состояний, приведенный в статье [3]. На базе Национального корпуса русского языка рассматривалась возможность употребления этих имен с определениями типа *большой / малый, высокий / низкий, глубокий / мелкий* и т. д. В результате выявлены некоторые тенденции, определяющие выбор того или иного прилагательного для характеристики состояний разной длительности, разных уровней психической активности, различающихся возможностью / невозможностью внешнего проявления и т. д. Так, например, *Глубокий* чаще характеризует психические состояния низко-

го уровня психической активности (*пессимизм, грусть, печаль*), преимущественно длительные (*глубокий страх*, но не **глубокий испуг*), как правило, не обращенные на другой субъект (**глубокий гнев, *глубокая агрессия*).

3. Сочетания с существительным *душа*.

Возможность таких сочетаний обеспечивается особенностями концептуализации понятия *душа* в русской языковой картине мира. *Душа*, как известно, представляется как своего рода вместилище чувств и способностей (см., например, [5, 26]), что обуславливает разнообразие характеристик *души* как средоточия личности. В атрибутивных употреблениях параметрические прилагательные называют определенное свойство личности: следование этическому и эстетическому идеалу, благородство чувств, стремление к общему благу (*высокая душа*); отзывчивость, щедрость, хлебосольство, бескомпромиссность, удаль (*широкая душа*); способность к сосредоточенному переживанию, к полноте чувства (*глубокая душа*).

Важно подчеркнуть, что, взаимодействуя с именами одного и того же класса (или – в предельном случае – с одним и тем же именем), разные прилагательные актуализируют различные смысловые составляющие ('размер', 'качество', 'уровень / степень развития' и т. д.), которые восходят к различным компонентам прототипической ситуации. В результате различными оказываются когнитивные основания метафоризации и механизмы семантической деривации.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
3. Прохоров А. О., Прохорова Д. А. Семантические пространства психических состояний // Психологический журнал. 2001. № 2.
4. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
5. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «разрушение»

Т. О. Твердохлеб

Оренбургский государственный педагогический университет
Семантические актанты, лексико-семантическая группа

Summary. In article describes problem of semantic actants and semantic verbs in the constructions of the Russian language.

В лингвистической литературе достаточно много уделяется внимания вопросу валентностного окружения глагола. Мы также коснемся данной проблемы в связи с исследованием семантических актантов, представленных в субъектных позициях в предложении с глаголами лексико-семантической группы «разрушения». Безусловно, агенсом ситуации, описываемой в предложении глаголами исследуемой группы, будет **лицо, человек**; ср.: ...**он** [Александр. – Т. Т.] ...**разрушил** старые культуры Тира и Сидона... (Волобуев). Материал показывает, что агенсом описываемых ситуаций может быть и **совокупность** лиц, людей; ср.: *Надобно было, чтобы **толпы варваров разрушили** это колоссальное мозущество...* (В. Г. Белинский); либо **животное**: ...**разоряют** их [воробьев. – Т. Т.] *гнезда **стрижи*** (В. Песков). Однако при более подробном исследовании языкового материала выявляется, что до «ранга субъект может подниматься» (по терминологии Е. В. Падучевой) и некоторые другие актанты. Об этом, в частности, свидетельствуют их репрезентации в субъектных позициях: в позиции подлежащего при активной форме глагола и в позиции «агентивного дополнения» (термин Л. Л. Буланина) в форме творительного падежа при глаголе в пассивной форме. При этом также обнаруживается, что традиционно выделяемые актанты имеют не четко очерченный характер, а тесно переплетаются с другими актантами. Так, в нашей картотеке отмечены следующие семантические валентности переходного типа:

причина – партитив: перен. ЛЗ: *Свинцовая **рука** царя ... не только **уничтожила** творчество художника...* (Герцен); **причина – партитив – темпоратив**: перен. ЛЗ: ...*даже **всесокрушающая рука** времени не успела **уничто-***

жить всего (Салт.); **причина – партитив / квантитатив / форма**: ...*иммунная **система** их [вирусы. – Т. Т.] **уничтожает*** (НиЖ); **партитив / животное**: ***Козги разрушают**... **стенки термитника*** (Дмитр.); **причина – стихия / космос**: ***Метеориты бомбардируют их поверхность**...* (Гонтарук); **причина – стихия / пространство**: ***Река... рушила зимнюю твердьню*** (Астафьев); **причина – стихия / квалитатив (не условие)**: *Глобальное потепление и **ряд** других факторов... **уничтожают** коралловые рифы.* (НиЖ); **причина – стихия / квалитатив – условие**: *Почему высокая **температура** не **разрушает** пару...* (ЗС); **причина – стихия / способ (не темпоратив)**: перен. ЛЗ: ***Дождь разрушил** все наши планы и мы провели день в ...обыкновенных делах* (Черныш.); **причина – стихия / способ – локатив – темпоратив**: *Как **правило**, архитектурные памятники... **разрушались** войны, **пожары**...* (НиЖ); Ср.: *Здание конторы **разрушалось в огне**.* (Глад.); **причина – стихия / способ – темпоратив**: ...*«великое **землетрясение**», которое **разрушило** Сан-Франциско.* (НиР). **Пассив с именем в форме от + род**: ...*они [дома. – Т. Т.] **от землетрясения разрушаются**...* (Поч.); **причина – стихия / форма**: *Вот **молния разрушает** дом...* (ЗС); **причина – стихия / форма / квантитатив**: *Лазерный **импульс разрушает** фолликулы...* (Cosmopolitan); **причина – способ (не темпоратив)**: ...*в условиях соляных копей ее [статую. – Т. Т.] **разрушила бы коррозия**.* (НиР); **причина – способ / квантитатив (не темпоратив)**: ***Мириады ...достижений** времени своими **выбросами разрушают** ...атмосферу планеты.* (СК); **причина – способ / содержание**: ***Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одной можно ее создать.*** (Чаадаев); **причина –**

способ – локатив / темпоратив: Как правило, архитектурные памятники... **разрушают войны, пожары...** (НиЖ); **причина – способ – темпоратив – условие:** ...Все, чем так гордятся люди Мой **набег** бы **разрушил**... (Лермонтов); Ср. конструкции с именем в форме от + род. **Нитроглицерин взрывался от трения и удара.** (Гор. тех. для дет.); **при + предл. При** длительном **хранении**... пороха **разрушаются**... (Гусев); **причина / источник – способ:** перен. ЛЗ: В сенях захлопали двери, морозные **голоса разрушили** полную тишину (А. Н. Толстой); **причина / источник – способ – темпоратив – условие:** ...жесткое ультрафиолетовое **излучение** от Солнца **разрушило** бы все, что сконцентрировалось на дне лужицы. (Симаков); **причина – орудие:** Невозможно сюда добросить **камень**, чтобы **он разбил** стекло толщиной в 5 см (НиЖ); **причина – орудие / квантитатив** (емкость): ср. твор. **Войско монгольское сосудами с нефтью сжигало** дома. (НиЖ); **причина – орудие / техника:** ...хозяйские **ножницы уничтожили** всякое различие между деревьями. (Лермонтов); **причина – орудие – локатив:** ...**арбузы и дыни** вдавливали, сминали и ломали кузов машины... (Перельман); **причина – орудие / техника – локатив:** **Камазы разбили** дорогу (Степные зори); **причина – средство:** 28 февраля 1993 г **бомба** огромной мощности **разрушила** гараж... (А. С. Кузьмин). Ср. конструкцию с формой от + род.: **И рушились** вражьи твердыни **от бомб.**

начиненных тобою. (М. Исаковский); **причина – средство – локатив:** Полая **вода** легко **сокрушила** это сооружение из бревен... (Алексеев); Ср. также: ...клеевой шов... **в** теплой [воде. – Т. Т.] **быстро разрушается** (Юдин); **причина – средство / партитив:** Хлорэтан **загорается и воздействует на взрыватель**, который и **подрывает** мину. (Совр. поль. дет.); **причина – средство / квантитатив:** ...галогеносодержащие **соединения**... **разрушают** озон. (ЗС); **причина – содержание:** ...одно **слово** недостающее или излишнее **разрушает** очарование. (А. Ф. Мерзляков); **причина – локатив / темпоратив:** **Тюрьма разрушила** меня (Жуковский); **причина – основание / соответствие:** **Законы** Солона (594 г. до н. э.) **подорвали** власть родовой аристократии (Кессиди); **источник – здание / партитив / квантитатив:** **Мириады**... заводских **труб**... своими **выбросами разрушают** ... прекрасную атмосферу планеты (СК); **источник – орудие / техника:** В итоге боя это **орудие сожгло** один танк и подбило одну бронемашину (Бурков); **источник – орудие / техника / квантитатив:** **Мириады автомобилей**... своими **выбросами разрушают**... прекрасную атмосферу планеты (СК).

Думается, что отмеченные нами явления переходного типа связаны с влиянием на семантическое окружение глагола семантики имен существительных, реперзентированных, в частности, в субъектных позициях.

Динамика одной мотивационной модели в лексико-семантическом поле «судьбы и счастья»

Г. И. Урбанович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Этимология, диахрония, принцип номинации, лексико-семантическое поле

Summary. The case of transformation of semantic model 'part, share' → 'destiny, happiness' in the lexico-semantic field "destiny, happiness" is considered.

Представление об «отмеряемости» судьбы и счастья носит, по-видимому, характер типологического сходства, отражающего, в свою очередь, некоторые константы мышления, не зависящие от языковой принадлежности говорящего. Ср. рус. *доля* 'часть, судьба'; др.-греч. *μοῖρα* 'часть, доля, удел, участь, судьба, рок, жребий'; *μέρος* 'часть, доля'; греч. *αἵετα* 'часть, доля, судьба, рок, участь, богиня судьбы'; оск. *aeteis* 'часть'; др.-инд. *bhāgas* 'наделяющий, господин, достояние, доля, счастье' [9: 1, 526]; др.-исл. *scapa* 'наделять судьбой', *scerpa* 'судьба' (< и.-е. *(s)kēp-, *(s)kār- 'резать острым инструментом').

В русском языке мотивационная модель 'часть' → 'судьба, счастье' характеризуется неизменной актуальностью и высокой продуктивностью на протяжении нескольких хронологических этапов: ср. прасл. **sъčestъje* 'счастье', прасл. **dol'a* 'доля, судьба', др.-рус. *часть* 'часть', 'участок земли', 'наследство', 'судьба, рок, счастье, удача' [7: 3, 1476–1479], ст.-рус. *причастие* 'приобщение чему-либо', 'общение', 'тайна участия', 'счастливая доля, судьба' [5: 20, 73, 75], диал. *надѣл* 'участь, судьба' (арх., [8: 19, 229–230]), диал. *надѣлить* 'напасти, наготовить, наделить чем-либо', 'выпасть на долю (о судьбе)' ([8: 19, 244], без указания места), диал. *полосить* 'делить, резать на полосы', 'везти' ([2: 3, 264], без указания места).

В процессе номинации судьбы, счастья абстрактная идея наделения зачастую воплощается в конкретной лексике со значением 'земля, земельный надел, пай земли'. Понятия «часть», «доля» у восточных славян, чья хозяйственная деятельность была связана прежде всего именно с землей, наполнялись конкретным содержанием 'надел земли': диал. *жерѣбий* 'часть, кусочек', 'участок земли, достающийся по жребью', 'рок, судьба, участь, доля, счастье' [2: 1, 534], рус. лит. *удѣл* 'княжеское владение в Древней Руси, участок земли, достающийся кому-либо при дележе, надел', 'судьба, жребий' [6: 16, 307–308]. Ср. также раскрытие понятия судьбы, доли, вообще жизни человека с помощью метафоры пахоты в поговорке *знать, по судьбе нашей бороной прошли* [2: 1, 117] и в разговорных выражениях *судьбу перепахали, жизнь перепахали* 'о трудной судьбе'. В формуле *жизнь прожить – не поле перейти* сам выбор понятия для отрицательного сравнения предполагает возможность уподобления судьбы

человека полю, земле и, следовательно, соотносимость этих понятий в сознании говорящего.

Анализ современной разговорной, диалектной лексики и фразеологии с семантическим переходом 'часть' → 'судьба, счастье' показывает, однако, что «земледельческая» метафора, используемая в рамках модели 'часть' → 'судьба, счастье', в настоящее время подвергается переосмыслению. Так, устойчивость ассоциативной связи счастья, судьбы с процессом раздела земли при жеребьевке еще подтверждается развитием у диал. *полоса, полѣска* 'участок, клин земли, пашни' ([2: 3, 264], без указания места) контекстуальных значений 'судьба', 'счастье, везение': ср. диал. *полѣска выпала* 'о судьбе, жизни' (*Есть така полоска, выпадет человеку полоска, кому така жизнь, с ызмаленьку так и идет*) [4: 8, 94]. Но уже в выражениях *счастье полосой находит, горькая по нас полоса прошла* [2: 3, 264], *попасть в худу полюсу* 'оказаться в трудном положении, о трудной судьбе' (*Ох наша жизнь, мы в худу полюсу попали: одна война, друга, третья*) [4: 8, 115] и далее *счастье полосатое, жизнь полосатая* «земельная» образность стерта. Лексема *полоса* здесь, скорее, обозначает период времени, наполненный теми или иными событиями и оцениваемый положительно или отрицательно. Таким образом, в данных примерах на смену представлениям о судьбе как о том, чем наделается человек, приходит понимание судьбы как череды хороших и плохих полос (периодов времени) в жизни. Счастье же, в свою очередь, представляется изменчивым, непостоянным, переходящим.

Следующий этап в осмыслении мотивационной модели 'часть' → 'судьба, счастье' – это вытеснение «земледельческой» метафоры метафорой цвета, чередования цветных полос. Ср. выражения *темная (чёрная) / светлая (белая) полоса в жизни* (у кого) 'о периоде неудач / удач в жизни человека', где релевантен уже не признак 'отделенное, доставшееся кому-либо', но 'чередующее, сменяющее окраску'.

Окончательным отходом от первоначальной метафоры становится привлечение для передачи идеи судьбы, жизни человека образа зебры – животного с черно-белой окраской: *Мы вошли в полоску неудач, в черную полосу на спине судьбы-зебры, в существование которой верят иногда даже атеисты* [3]; *Глядя на то, как он [шахматист. – Г. У.] белым цветом уступил в заключительной встрече ... Соколову...*

можно сказать, что он вступил на черную полосу судьбы-зебры [1]. Ср. также клишированные обороты жизнь – зебра; судьба – зебра; жизнь полосатая, как зебра.

Таким образом, в настоящее время «земледельческая» метафора, используемая в номинации судьбы, счастья, постепенно получает новое осмысление, заключающееся в понимании судьбы, жизни как чередования «темных», неудачных, и «светлых», счастливых, периодов-полос. Неактуальность старых семантических признаков говорит об изменении ценностной шкалы у носителей современного русского языка (ср. отношение к земле – своей доле, наделу – как к безусловной ценности, обусловившее в свое время частотность семантического перехода ‘земельный надел, полоса земли’ → ‘судьба, счастье’). Очевидно, это семантическое изменение является относительно недавним и демонстрирует отражение в языке перемен, касающихся российского образа жизни XX – начала XXI века (постепенный уход в прошлое деревенского уклада жизни).

Русская историческая терминология: современное состояние и перспективы развития

О. В. Фельде (Борхвальдт)

ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»

Историческая терминология русского языка, специальная лексика прошлых эпох, словари, типология, инновации

Summary. The paper presents typology for the dictionaries of specialized Russian vocabulary dating back to the XI–XVII and XVIII – early XX centuries, defines their scientific, social and cultural role, and indicates important objectives for further development of the Russian historical terminology.

Рубеж тысячелетий характеризуется историками языкознания как золотой период лексикографии. Сегодня теория и практика словарного дела развивается невиданными темпами. Ежегодно в мире, в том числе и в России, появляется множество словарей, отличающихся новизной концепций. В огромном потоке лексикографической продукции особое, хотя пока и весьма скромное в количественном отношении место, занимают историко-терминологические словари. В них фиксируются характерные особенности научной, экономической, общественно-политической, культурной жизни наших предков, этапы накопления научных знаний о материальном и духовном мире. Словари специальной лексики прошлых эпох носят ярко выраженный инвентаризационный характер и, как правило, имеют этнокультурологическую направленность. Они отражают историю того или иного подязыка, фиксируют динамику номинативных процессов в хронологических пределах от известной или условной даты возникновения изучаемой сферы человеческой деятельности до начала современного периода ее развития и т. п. Потребность в таких словарях испытывают не только ученые, изучающие историю русского языка и культуры, но и любознательные люди разных возрастов и профессий.

Специалисты в области исторической терминологии – относительно нового интеграционного направления русистики – сталкиваются с серьезными препятствиями. Сведения о большинстве профессиональных подязыков XI–XVII вв. отрывочны; в памятниках более позднего периода также обнаруживается немало лексических лагун. Отсутствие или труднодоступность лингвистических источников, зачастую малое количество зафиксированных в них прототерминов, предтерминов, терминов, терминоидов, профессионализмов затрудняет семантическую, грамматическую, ареальную и хронологическую характеристику специальной лексики. Поэтому работа над историко-терминологическим словарем – процесс сложный и длительный. Ее успех во многом зависит от наличия хорошей источниковедческой базы. Специалист в области исторической терминологии должен учитывать лексические данные разнообразных в жанровом отношении памятников: летописей, рукописных деловых документов XV–XIX вв. и более ранних периодов; печатной специальной литературы и периодики XVI–XIX вв.; лексикографических памятников прошлого; лингвистических работ в области исторической лексикологии и терминологии.

Современная библиотека отечественной исторической терминологии включает словари весьма разнообразных типов и жанров. По-прежнему востребованными остаются историко-терминологические словари энциклопедического ти-

Литература

1. Атаров Е. Главные действующие лица и исполнители // <http://www.chesspro.ru>.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.
3. Лихтикан А. Когда земля горит под ногами // <http://www.sedmoikanal.com>. 31.05.2001.
4. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1968.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1958.
8. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23); Ф. П. Сороколетов (вып. 24–38). Л. / СПб., 1966–.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Т. 1–4. СПб, 1996.

па. Они могут фиксировать как лексику одной отрасли или группы родственных отраслей (например, Словарь книжников и книжности Древней Руси: В 3 т. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987–1989), так и лексику разнообразных специальных сфер (Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1 (А–Г) и др.). Растет популярность также историко-терминологических словарей собственно лингвистического типа. В настоящее время они подразделяются на следующие жанры и жанровые разновидности: 1) исторические толковые многоотраслевые и узкоотраслевые словари (Борхвальдт О. В. Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998; Замятина Н. А. Словарь русской иконописи. М., 1997 и др.); 2) исторические словари одной терминологической микросистемы (Шкатова Л. А. Словарь названий мастеровых и слесарей людей уральских горных заводов XVIII в. Свердловск, 1987); 3) исторические идеографические словари (Борхвальдт О. В. Идеографический исторический словарь золота и золотых сплавов. Красноярск, 1999); 4) словари вхождений терминов (Барутчева Е. А. Словарь вхождений архитектурных терминов к. XVII – XVIII вв. М., 1984); 5) историко-терминологические словари одного письменного памятника (Туркин В. Н. Терминологический словарь «Русской правды» М., 1953); 6) исторические региональные словари специальной лексики (Полякова Е. Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. Пермь, 1972). Отметим также, что в приложениях к некоторым диссертационным работам по исторической лексикологии и терминоведению содержатся словарные списки специальной лексики XI–XIX вв. с элементами толкования.

Начало XXI столетия – это период интеграции лингвистических дисциплин и укрепления когнитивной парадигмы. Общественные тенденции повлияли на процесс взаимодействия словарей разных типов и жанров, предопределили поиск новых форм и приемов лексикографической фиксации специальной лексики русского языка. Это привело к появлению инновационных лексикографических концепций. Одна из них представлена во введении к комплексному диахроническому словарю хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII–XIX вв. Этот готовящийся к печати пятитомный труд сочетает в себе черты словарей разных типов: энциклопедического, идеографического, ономастического, толкового отраслевого и страноведческого. Именно такие издания могут дать представление о формировании подязыков и их системно-структурных особенностях, о специфике регионального языкового существования человека, о наивной картине мира, запечатленной в «своеязычных» тер-

минологиях и профессиональном просторечии. Комплексный словарь способен воплотить идеи современной лексикографии о создании словарей активного типа, ориентированных не только на фиксацию семантического содержания, но и на отражение динамики специального слова, ступеней его терминологизации. Кроме того, он поможет решить проблемы подготовки неалфавитных многоаспектных словарей с семантическим принципом организации словников и усиления их социокультурного компонента. Это в полной мере соответствует актуальной задаче интегрального описания языка, при котором слово представляется не только как лингвистическая единица, но и как элемент, связанный с духовной и материальной культурой этноса. Спе-

циалистам в области исторической терминологии в ближайшей годы предстоит решить и ряд других важных задач: требуется дальнейшая разработка теоретических основ лексикографического описания различных разрядов специальной лексики русского языка XI–XVII и XVIII – нач. XX вв.; необходимо лингвистическое обследование письменных памятников, прежде не вовлекавшихся в лингвистический оборот; составление электронных картотек и внедрение в оборот компьютерных методов исследования и лексикографической фиксации лексики прошлых эпох; актуально создание словарей, максимально отражающих лингвистическое и функциональное многообразие специальной лексики в ее историческом развитии.

Современные процессы изменений в микротопонимии села

Л. Г. Хижняк

Саратовский госуниверситет им. Н. Г. Чернышевского

Топонимы, микротопонимы, эргонимы, прагматонимы

Summary. The article analyses modern micro-toponymy alterations which reflect the language patterns bringing about new psychological intentions of villagers.

Интерес к исследованиям региональных топонимических систем в современной отечественной топонимике не случаен. Региональные топонимические системы, в структуру которых входят системы микротопонимов сельских районов, округов и отдельных населенных пунктов, регистрируют те изменения, которые отражают современные процессы перестройки экономических отношений в селе. Как следствие – идет перестройка в традиционных принципах именования сельскохозяйственных объектов. Это, в частности, проявляется в активизации тех принципов номинации, которые в течение многих десятилетий XX века не относились к числу актуальных, а были связаны с традициями XIX века; например, именование микрообъекта по владельцу. Кроме того, активизируется в последнее десятилетие и такой принцип номинации, который восходит к традициям 20-х – 30-х годов XX века – именование микрообъектов от апеллятивов, семантика которых связана с утверждением определенных идеологических установок общества, ведущих жизнеутверждающих мотивов, определяющих идейные устремления активных общественных слоев. Эти принципы номинации в 60-е – 80-е годы XX века по частотности употребления уступили место номинации пространственно-ориентировочного характера – по какому-либо другому, ближайшему объекту. «Владельческая» мотивация микротопонимов в тот период (в середине и второй половине XX века) трансформировалась в мотивацию названия объектов по принадлежности коллективному владельцу – колхозу, колхозной бригаде, колхозной ферме, совхозу, совхозному отделению и под.

В результате современной перестройки сельскохозяйственных экономических отношений идет перестройка и семантических микросистем, определяющих ономастическое пространство сельских районов, меняется микротопонимический «контекст» села. Как известно, любое название не одиноко, оно звено в топонимической цепи, компонент топонимической системы. И потому изменения в одном из разрядов микротопонимов влечет за собой изменения в других разрядах. Наиболее ярко это проявляется в эргонимах, прагматонимах, агроонимах сельских районов.

Основная масса сельских эргонимов – названия современных фермерских хозяйств и акционерных обществ (АО), которые образовались после распада колхозов и совхозов в конце 1990-х годов. Например, в саратовском Заволжье официальная регистрация большинства АО и фермерских хозяйств прошла в 2002–2005 годах. В номинации акционерных обществ на селе в качестве мотивирующей основы выбирается в подавляющем большинстве случаев название села (АО «Алексашикино» – в селе Алексашикино, АО «Малый Узень» – в селе Малый Узень, АО «Мироновское» – в селе Мироновка, АО «Новотульское» – в селе Новотулка и под.); реже – бывшее название колхоза или совхоза, если оно не имело ярко выраженного характера идейно-политической пропаганды (АО «Прогресс» – бывший колхоз «Прогресс», АО «Орошаемое» – бывший совхоз «Орошаемое»). Название села и совхозного поселка, таким образом, выступает в качестве пространственного ориентира для АО. Что

же касается фермерских хозяйств, то в этом случае совершенно иные принципы номинации. К наиболее частотным относятся именование по главе, владельцу фермерского хозяйства («Филиппов», «Шапкино», «Татьяна» и под.) и различные виды отапеллятивных именовании, языковые значения которых включают установку на успех («Удача», «Шанс», «Юпитер», «Зерновое», «Алмаз», «Горизонт», «Мир», «Маяк», «Лавина», «Ника», «Рекорд» и др.), а также отапеллятивное именование, ассоциативно связанное с выражением решимости, воли предпринимателей в борьбе за успех («Риск», «Воля», «Идея», «Мечта» и др.), подчеркиванием этнических и родословных корней («Скиф», «Росс», «Волгарь», «Династия» и др.).

Активизация принципа номинации по владельцу (как возрождение того, что в 1920–1930-х годах ушло в речевой пассив) отмечается и в смене названий полей, мельниц и прочих сельских объектов. Наприм.: вместо бывших названий: *поля 1-ой Бригады, 2-ой – 3-ей Бригады, У Мишакина* (по названию пруда и хутора), *У Планкина* (по названию пруда и хутора), *У Девятого* (по названию пруда) и под. – названия по нынешним владельцам: поле *Алимова* (по фамилии владельца фермерского хозяйства, *Давидово поле* (по имени сына владельца), поле *Киррича* (по отфамильному прозвищу владельца фермерского хозяйства), поле *Павы* (по прозвищу владельца фермерского хозяйства) и под. Кроме того названия полей и земельных наделов включают и обозначения арендаторов (наприм., поле *Корейцы*) или работников (*Яровое поле* – по фамилии братьев, обрабатывающих поле). Реже в названиях полей сохраняются прежние, географические ориентиры; наприм., *Беломойкино поле* (по хутору и пруду *Беломойкин*), *Казахстанские поля* (пограничные с Казахстаном), *Соляное поле* (по лиману *Солянка*) и некоторые др. Или сравн.: *Евдокимова мельница*, *Костяева мельница*, *Одинцова мельница* и др. (вместо бывших *Мироновская мельница* – в селе Мироновка, *Питерская мельница* – в селе Питерка). Идет, как видим, «переплавка» сельских эргонимов и агроонимов.

Поскольку официальные названия нынешних сельхозобъединений (в силу своей новизны) еще не включились в активную речевую практику, они пока очень редко используются сельчанами при обозначении земельных наделов и объектов на них. Такой процесс трансформации можно ожидать только спустя определенное время.

Топонимы и микротопонимы любого региона являются ценным лингвистическим и историческим материалом и представляют как научный, так и практический интерес для лингвистов, историков, географов, социологов. Этим объясняется необходимость сбора, фиксации и научного анализа топонимии и микротопонимии.

Стратиграфический анализ ономастических процессов и явлений, выявляющий хронологическую последовательность смены микротопонимов, позволяет рассмотреть не только их зависимость от социально-экономических факторов, но и те языковые закономерности, которые реализуют новые психологические установки жителей современного села.

Каким должен быть антропоцентрический словарь?

А. С. Цой

Международный университет Атаюрк-Алатоо

Теория лексикографии, антропоцентрическая лексикография, антропоцентрический словарь

1. В теоретической лексикографии употребительны такие термины, как *антропоцентризм, антропоцентрический принцип, антропоцентрический словарь*. Однако теоретические основания употребления перечисленных терминов отсутствуют. Кроме общих рассуждений о необходимости антропоцентрического словаря, никто не предложил целостной концепции, которая подвинула бы практическую лексикографию к созданию такого словаря.

2. Под словом «словарь» Ю. Н. Караулов подразумевает любой словарь, а под словом «человек» в указанной парадигме понимается пользователь словаря вообще. Таким образом, для современного понимания категорий «словарь» и «человек» характерна абстрактность. Наиболее существенны в этой парадигме проблема психологии словаря:

- на какие вопросы человек ищет ответ в словарях и в частности в филологических; эти вопросы касаются больше языка или знаний о мире;
- в каких случаях человек обращается к словарям;
- как связаны частота и глубина обращения к словарю с уровнем развитости данной языковой личности (здесь ведь должна быть сложная, неоднозначная зависимость, которая совсем не выяснена);
- как вообще читается словарная статья (подряд или выборочно, систематически или хаотично);
- как соотносится взаимодействие человека и словаря с языковыми или коммуникативными потребностями личности [1, 10].

Дополнительно возникают следующие вопросы:

- что знает человек о словарях вообще;
- что его привлекает в словаре;
- умеет ли он пользоваться словарем;
- в значениях каких слов он больше всего нуждается при обращении к словарю;
- понимает ли он определения и словарные дефиниции, которые даны в словарной статье;
- какие группы пользователей прежде всего нуждаются в словарях (имеется в виду возраст, социальный статус пользователя, его образование, ближайший круг общения и т. д.).

3. Антропоцентризм ставит человека, как носителя языка, как языковую личность, во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования. Человек обнаруживает себя во всем пространстве языка, но особенно явно – в лексике, семантической структуре слова, т. е. человек – личность словарная. В этой связи говорят о принципе антропоцентризма в языкознании, который заключается в том, что языковые факты изучаются в отношении к человеку. Однако надо помнить о том, что человек – это не абстрактная, теоретическая категория, а живое существо со своими психофизиологическими, национальными, культурными особенностями, которые формируются поэтапно, в соответствии с возрастными периодами.

4. Нас интересует языковая личность, для которой русский язык является языком повседневного употребления, языком, который позволяет воспринимать мир диалога, мир

художественного слова и мир газетной информации. Следует сразу оговориться, что нельзя смешивать русскую языковую личность и владение русским языком. Как представляется, идеальное владение русским языком не может быть равным русской языковой личности, потому что к настоящему моменту мы не имеем представление о том, каковы вообще параметры этой языковой личности. Уровень владения языком может быть различным, также как и различна языковая личность. Следует также принять во внимание тот факт, что языковая личность инофона, изучающего русский язык как иностранный, находится на стадии формирования русской языковой личности, тогда как языковая личность русского человека не сравнима с русской языковой личностью инофона.

Важным моментом при определении русской языковой личности является то, что в социолингвистике выделяют большой контингент населения, который называют русскоговорящим. К этому контингенту относят большое количество людей, которые живут в странах СНГ. Для них русский язык является основным средством общения. Уровень владения русским языком в этих странах различен. Например, в Узбекистане и Туркменистане уровень владения русским языком не высок. В то же время в Казахстане и Киргизии русским владеют до 60% населения этих стран.

5. Итак, в нашем докладе мы будем оперировать такими понятиями как русская языковая личность, русскоговорящий и инофон. Под понятием инофон мы подразумеваем человека, изучающего русский язык как иностранный.

В связи с вышесказанным перед теоретической лексикографией встанут следующие проблемы:

- а) проблема структуры антропоцентрического словаря;
- б) проблема содержания антропоцентрического словаря;
- в) проблема соотношения антропоцентрического словаря нуждам, потребностям и языковым возможностям человека как пользователя словаря;
- г) проблема формы антропоцентрического словаря.

Решение перечисленных проблем дадут возможность адекватно ответить на вопрос: «Каким должен быть антропоцентрический словарь?».

Литература

1. *Караулов Ю. Н.* Словарь и человек // Теория языка и словаря. Материалы всесоюзной конференции 1–3 октября 1987 г. Звенигород; Кишинев, 1988.
2. *Каламбет Е. В.* Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань, 2006. Т. 1. С. 78–80.
3. *Морковкин В. В.* Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
4. *Морковкин В. В.* Антропоцентрический версус: лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1988. С. 131–136.

Итоги работы над двумя научными проектами

М. И. Чернышева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Русская историческая лексикография, лексикография XVIII в.

Summary. The report deals with results of the work with two scientific projects: 1) Addenda et Corrigenda to “Dictionary of Russian Language XI–XVII c.” А–Б. (Moscow, 2006), 2) the philological accompaniment to the scientific reprint of “Dictionary of Russian Academy 1784–1794” (V. 1–6. Moscow, 2001–2006).

В 2006 году завершены два значительных научных проекта: 1. подготовлены и опубликованы Дополнения и исправления к «Словарю русского языка XI–XVII вв.» А–Б (автор-составитель М. И. Чернышева), 2. осуществлено, начатое в 2001 году, научное переиздание «Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.» (редактор текста переиздания, автор

статьи «Состав и структура Словаря Академии Российской», помещенной во втором томе переиздания, а также Приложений к каждому тому – М. И. Чернышева).

1. Первый проект – с титульным названием: Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и исправления. Тетрадь первая. А–Б. М.: Наука, 2006 – открывает собой новое

направление деятельности, осуществляемой параллельно с основным головным проектом «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.), издающимся с 1975 г. и насчитывающим в настоящий момент 27 выпусков. Новизна этого направления обусловлена необходимостью преодоления временного разрыва, возникшего в результате того, что с начала издания прошло уже более тридцати лет. Это привело к значительным расхождениям между обликом первых и последних выпусков Словаря: вместо «общедоступного справочного пособия при чтении древнерусских текстов» научно-популярного типа СлРЯ XI–XVII вв. приобрел все черты строгого научного издания. Долгий путь во времени повлек за собой совершенствование лексикографической концепции Словаря на всех уровнях, начиная с отбора словника Словаря (составители первых выпусков придерживались жесткого принципа невключения иноязычных слов и словообразовательных калек, созданных по моделям греческого языка, если они не нашли продолжения в истории русского языка, т. е. не сохранились в современном русском языке), заканчивая продиктованным первоначальной жанровой установкой упрощенным представлением словарной статьи, не отражавшей всей сложности семантического развития слова. Кроме того, вырос объем источников Словаря, значительно превышающий тот, что был в начале издания и равнялся примерно объему источников Картотеки ДРС, на которой СлРЯ XI–XVII вв. базируется. И, наконец, за время издания появилось большое число рецензий на Словарь (первоначально негативных и, порой, гневных, а затем все более благожелательных), содержащих конструктивные замечания, которые следовало тем или иным способом учесть, не говоря уже о том, что в коллективе Словаря с начала 80-х годов прошлого века накапливались материалы для его усовершенствования. Все вместе взятое побудило к новому прочтению первых изданных выпусков СлРЯ XI–XVII вв. Так появились дополнения и исправления. Под дополнениями понимаются так называемые новые слова, т. е. слова, не прошедшие лексикографическую обработку и не представленные в СлРЯ XI–XVII вв., а также любые дополнительные данные, будь то незафиксированные значения, ранние фиксации слова и др. Исправления представляют собой раз-

ного рода правку опубликованных выпусков. Начиная с 27 выпуска СлРЯ XI–XVII вв., в Приложениях будут издаваться накопленные новые материалы. Первая публикация в 27 выпуске СлРЯ XI–XVII вв. воспроизведена также в несколько расширенной виде в отдельной тетради (буквы А–Б), представляющей собой новый справочник к опубликованному в 1975 году первому выпуску СлРЯ XI–XVII вв., обновляя таким образом издание последней четверти прошлого века. «Дополнения и исправления» содержат 770 новых словарных статей, кроме того, десятки словарных статей откорректированы.

2. Второй проект – научное переиздание «Словаря Академии Российской 1789–1794 гг.» (САР) – осуществлен Московским гуманитарным институтом им. Е. Р. Дашковой при участии ученых Российской академии наук (2001–2006 гг.). Данный проект представляет собой новый тип переиздания: а) осуществлено наборное воспроизведение текста, в котором б) устранены обнаруженные в ходе подготовки переиздания грубые опечатки первого издания, в) введен минимальный текстологический комментарий, позволяющий обосновать или объяснить ряд филологических решений или особенностей орфографии русского языка конца XVIII века. Филологическое сопровождение переиздания располагается в таблицах Приложений к каждому тому. Кроме того, переиздание САР включает также научный аппарат, сопровождающий каждый том. В него входят: а) научные статьи, содержащие, как правило, сравнительный анализ первого толкового словаря русского языка со словарями порожденного им направления в русской лексикографии; б) статьи историко-культурного характера, характеризующие эпоху и деятельность руководителя двух Академий (Академии наук и Российской Академии) княгини Е. Р. Дашковой и ее современников, а также в) очерки, посвященные создателям Словаря Академии Российской (в разделе «Российскому слову отличную пользу принесшему»).

Таким образом, результатом проделанной работы можно считать создание современного образца переиздания с научным сопровождением, что поднимает производство прошлого на новый уровень и предоставляет новые возможности для использования его в современной науке.

Попытка исследования эвфемизмов и дисфемизмов как одна главная причина обогащения синонимической системы языка

Х. С. Чо

Университет Кёнхи (Корея)

Эвфемизм, дисфемизм, синоним, стилистика, положительные и отрицательные оттенки

Summary. This paper is about the situation of euphemism and dysphemism in the Russian synonymic system. Euphemisms and dysphemisms have potentialities to be synonymous with other words by their basic function – «substitution for other word». Therefore, they must be expressed in the synonymic system.

Эвфемизмы и дисфемизмы считаются одной из периферийных причин появления синонимов. Однако основные их функции позволяют смело назвать их важной причиной обогащения синонимической системы языка. По общему мнению, эвфемизация происходит, чтобы в речевой деятельности не создавать отрицательную или неловкую ситуацию, например, ссору, досаду, неудобность, поэтому говорящий использует более нейтральные и более мягкие слова или выражения вместо таких слов, которые слишком прямо выражают мысли говорящего. А дисфемизация происходит, когда говорящий хочет выразить свое мнение более точно и более ярко, поэтому он использует слова или выражения с более эмоциональными и более экспрессивными значениями вместо нейтральных. Таким образом, можно сказать, что эвфемизмы и дисфемизмы являются субститутами привычных обозначений.

Когда мы говорим, что те или иные два слова являются синонимами, то одно из них может заменять другое, употребленное в каком-то предложении и после чего смысл этого предложения совсем не изменится. Этот критерий очень важен, чтобы два слова стали синонимами.

Итак, мы видим, что важная функция синонимов совпадает с основной функцией эвфемизма или дисфемизма. Вследствие чего можно сказать, что эвфемизмы и дисфемизмы

имеют возможность стать синонимами тех слов, которые они заменяют. Иными словами, как только эвфемизм и дисфемизм употреблены в речевой деятельности, они образуют потенциальные синонимические отношения со словами, которые они заменяют.

Однако, несмотря на такое положение, что эвфемизм или дисфемизм тесно связан с синонимической системой, в разных синонимических словарях почти не встречается слов, отмеченных стилистическими пометами «эвфемизм» и «дисфемизм». Особенно слов с пометой «дисфемизм» нигде не найдено.

В Словаре синонимов русского языка [Евгеньева 1975] встречаются 117 конкретных стилистических помет. Среди них стилистическая помета «эвфемизм» обнаруживается только в двух синонимических группах: 1) менструация – регулы – месячные *разг.* – крови *прост.* – гости *обих-разг.*, *эвф.*; 2) проститутка – публичная женщина – женщина легкого поведения *эвф.* – уличная женщина – продажная *пренебр.* – гулящая *груб.-прост.*, *презр.* – девка *груб.-прост.*, *презр.* – и далее еще 3 слова.

Наблюдается, что собранные нами слова из научных работ, где они определены как эвфемизмы или дисфемизмы и некоторые слова из толковых словарей, где они маркированы пометой «эвфемизм», выражены в синонимическом словаре иначе, т. е. они маркированы другими стилистическими

ми пометами. А именно, эвфемизмы помечены как «приподнятое», «высокое», «почтительное» и др., имеющими положительными оттенками или пометами «книжное», «медицинское», «разговорное», а дисфемизмы – пометами «просторечие», «шутливое», «презрительное», «неодобрительное» и т. д., показывающими отрицательность. Например, смерть – кончина, конец *приподн.*; умереть – скончаться *почит.*; рак – канцер *мед.*; противостояние – конфронтация *книжн.*; толстеть – поправляться *разг.* // беременная – брюхатая *устар., груб.-прост.*; лицо – морда *груб.-прост.*; нервный – псих *груб.-прост.*; глупый – безмозглый *разг.-презр.*; груди – буфера *прост.-шутл.*; скупой – жадина *разг.-неодобр.*; некрасивый – урод *разг.*

Как правило, в одну синонимическую группу включаются лексико-семантические варианты и с положительными и с отрицательными оттенками: глаза – очи *приподн.* – вежды *трад.-поэт.* – зеницы *трад.-поэт.* – буркалы *разг.* – гляделки *прост.-презр.* – мигалки *прост.-презр.* – бельма *груб.-прост.* – зенки *груб.-прост.*

Эти наблюдения заставляют нас провести следующее исследование.

Структура пропозитивно-ассоциативного фрейма ‘солнце’

Н. В. Шестеркина

Мордовский государственный университет, Саранск

Русистика, когнитивная лингвистика, фрейм, пропозиция, ассоциация

Summary. The paper examines the structure of the propositional associative concept-frame “the Sun”, the slots of which are filled up with constituents of the type: Subject, Predicates, Object as well as Temporal, Locative and Attributive markers. The associative sector of the frame in question is given a detailed analysis and illustration.

Солнце – основной источник света, самой жизни, что и обуславливает его центральное положение в структуре концепта ‘свет’. Как и концепт ‘свет’, понятие «солнце» еще в библейские времена символизировало всемирный Логос. Знания о Солнце, которыми человек располагает, могут быть структурированы в виде фрейма пропозитивно-ассоциативного типа (Е. А. Селиванова, Е. А. Числова).

Солнце в качестве небесного тела является объектом человеческого наблюдения (перцептивного восприятия). В перцептивно-событийной ситуации в качестве главного действующего лица выступает объект восприятия (Солнце), а субъект восприятия, человек, зачастую синтаксически не выраженный, но связанный с предикатами пространственной (местонахождение и перемещение) и перцептивной семантикой, выступает в роли *Наблюдателя* (Ю. Д. Апресян).

Местонахождение – одна из главных характеристик физических объектов, заполняющих мир и его фрагменты своим наличием в этих фрагментах и существованием в мире. Восприятие, особенно зрительное – одна из главных характеристик человека и один из главных каналов получения информации о мире. Поэтому **локатив** является связующим звеном между существованием и восприятием. Каждый из базовых компонентов перцептивно-событийной ситуации – локативный и перцептивный – имеет ряд семантических производных.

Объектом нашего исследования является номинация *солнце*. В качестве источника материала использованы толковые словари русского языка, «Русский ассоциативный словарь» (под ред. Ю. Караулова), а также некоторые примеры из русской поэзии и прозы. Итак, основными предикатами концепта *солнце* в русском языке являются:

1. Предикаты, передающие свойства Солнца **излучать собственный свет и тепло**, а также степень их **интенсивности** а) **свет** – *светить, освещать, сиять, сверкать, слепить глаза, бить* [прямо в лицо] (Фадеев) и др.; б) **тепло** – *греть, гореть; Тепло на солнышке!* (Фет) и др.

2. Предикаты, описывающие **появление и исчезновение** Солнца на небе: а) группа с исходным значением «начать находиться в поле зрения *Наблюдателя*»: *появиться, в(о)сходить* и др.; б) группа с исходным значением «перестать находиться в поле зрения *Наблюдателя*»: *исчезать, опускаться, заходить, погружаться за горизонт*.

3. Предикаты **движения**: а) направленного – *подниматься, клониться к закату, заходить (на Западе)* и др.; б) передающие **неподвижное** положение солнца в небе – *стоять высоко, низко; в зените* и др.

Была выбрана группа слов, значения которых считаются нуждающимися в смягчении в речевом акте. Это тематическая группа слов, называющих части тела человека. В Словаре синонимов (Евгеньева 1975) встречаются всего 25 таких синонимических групп с 106 лексико-семантическими вариантами (ЛСВ). Та проблема, что в разных словарях не отмечена эвфемичность или дисфемичность у слов, решена на основе рассмотрения их толкований в разных толковых словарях. Например, ЛСВ лапа (‘ступня или вся нога у животных и птиц (обычно крупных)’), является синонимом ЛСВ рука (‘одна из двух верхних конечностей человека от плеча до конца пальцев’), т. е. лапа может выражать человеческую руку дисфемично. А вместо ЛСВ труп (‘мертвое тело человека или животного’) можно эвфемично использовать ЛСВ тело.

Составленная таким образом данная база показывает, что ЛСВ, маркированные стилистическими пометами с положительными оттенками в Словаре синонимов, характеризованы эвфемичностью, а те ЛСВ, выделенные отрицательными оттенками в том словаре, имеют в себе дисфемичную характеристику.

4. Предикаты, описанные в пп. 2 и 3, тесно связаны с **локативами**, то есть а) местонахождением Солнца. Это почти всегда *небо, небеса* и пространство над *Наблюдателем*, а также другие окружающие его физические объекты; б) освещенное солнцем место: *край (земли), берег, город, луг, поляна, лагерь, юг* и др.; в) мифические места, связанные с наличием или отсутствием солнца: *рай, ад*.

5. **Объект** действия солнца – человек, на нем проявляется воздействие солнца: *загорать, загар, загорелый, купальник, очки (от солнца), пальма, юг*. Кроме того, объектом действия солнца являются освещенные солнцем физические объекты (см. п. 4. б).

5. **Темпоральные** показатели имплицитно указывают на светлое время суток (день), их начало (утро), середину дня (полдень) и завершение (вечер). Эксплицитно темпоральные признаки содержатся и в следующих ассоциатах: *заря, рассвет, восход, день, денек, полдень, зенит* и др. К этой группе относятся также предикаты, описывающие появление и исчезновение Солнца в поле зрения *Наблюдателя* (см. п. 2).

6. Среди **атрибутов** солнца выделены следующие группы: **локативные**: *заморский* (солнце встает из-за моря); **темпоральные**: *утренний, ночной*; характеризующие **интенсивность** излучаемого света: *светлый, яркий, солнышко ясно, темный*; **квантитативной** характеристикой может являться атрибут *большой*; **колоративные**: *радуга* (включает основные тона солнечного спектра), кроме того в основном теплые оттенки желтого и красного тона: *оранжевый, рыжий, солнечный цвет, золотистый*. У О. Мандельштама встречаем *черное* (символ злой страсти или смерть) и *золотое* солнце.

7. **Ассоциативную** часть фрейма образуют примеры переносного употребления номинации *солнце*. По внешнему подобию солнце сближаются с ассоциатами а) по **форме**: *диск, круг, блин, клеш (солнце-клеш* – популярный когда-то покрой юбки в форме круга); б) по **внешнему** виду: *подсолнух*; в) с **животными**: *(солнечный) зайчик* и гипербола *зайчице*; г) с **цветами**: [о солнце] *пахнет ландышами пьяными* (Бальмонт). К данной части фрейма относятся также предикаты и атрибуты, сближающие солнце с концептом ‘человек’: *моргать, проснуться*. В поэтической речи встречаем *пьяное* солнце (Мандельштам); *Но громче голос Солнца раздался* (Бальмонт).

Солнце является **символом: источника жизни**: *Жизни податель, Светлый создатель, Солнце, тебя я пою!* (Бальмонт); **венца жизни**: *Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце* (Бальмонт); **источника, средоточения чего-л.**

ценного, высокого, жизненно необходимого: солнце свободы; солнце счастья. Определенные ассоциации также сближают **человека** с солнцем: *Бог, мудрец, поэт.* «*Солнцем нашей поэзии*» назвал А. С. Пушкина О. Мандельштам. В стихах О. Мандельштама встречаем также словосочетание *солнце желтое и страшное*, которое символизирует похороны матери поэта и страх от советской действительности. *Ночное солнце* у него – символ погибающего искусства, которое закатилось в советской ночи, но вновь взойдет (воспоминания о золотом пушкинском веке) (Н. Л. Гончарова).

Среди ассоциатов можно также выделить **прецедентные феномены** (В. В. Красных). К ним мы отнесли а) прецедентные тексты: *утомленный* (апелляция к фильму Н. Михалкова «Утомленные солнцем»); *мороз* (апелляция к стихотворению Пушкина «Зимнее утро»: *Мороз и солнце; день*

чудесный!); *круг* (апеллирует к названию детской песенки «Солнечный круг»: *Солнечный круг – небо вокруг...*); б) прецедентное имя – названия стран и местностей, имеющих жаркий климат, где большую часть года светит солнце: *Азия, Африка, Италия, Греция, Казахстан, Япония.*

В структуре анализируемого фрейма встречаем также **оценочные** характеристики солнца: а) общую оценку: *хороший; лучший; для всех*; б) эмоциональную оценку: *радостно, радостный, веселый, бодрость, довольный, праздник, день рождения* – с положительным показателем и *смертельное* (О. Мандельштам) – с отрицательным.

Итак, пропозитивно-ассоциативный фрейм позволил представить структуру концепта «солнце» в полном объеме. Концепт предстает перед нами как стереотипная перцептивно-событийная ситуация.

Проблема семантического расстояния между лексическими единицами языка и методы его измерения

М. Г. Шкуропацкая

Бийский педагогический государственный университет имени В. М. Шукшина

Лексико-деривационная системность, семантическое расстояние, ассоциативное поле, концептное значение

Summary. The opportunity of measure semantic distance between derivative bound words by means of comparison their associate fields substantiates in the paper.

Данное исследование посвящено актуальной проблеме современной русистики – измерению семантического расстояния между лексемами и словоформами русского языка путем сопоставления их ассоциативных полей. В современном языкознании понятие семантического расстояния между лексическими единицами языка и его измерение связано с широким кругом общих и частных вопросов, касающихся языковой системности. Традиционно семантические расстояния слов измеряются в идеографическом пространстве языка и текста. В исследованиях, имеющих когнитивно-коммуникативную ориентацию, лексическая система языка представляется в виде сетевых моделей, связывающих языковые единицы отношениями различной природы и различной степени близости. В границах лексической системности исследования чаще всего осуществляются на уровне лексической и словообразовательной семантики. Среди наиболее дискутируемых в этой области проблем отметим проблему дифференциации различных словоформ одного слова или разных слов, проблему дифференциации деривационных форм слов, образованных в рамках мутационного и немутационного словообразования, проблему дифференциации в словаре синонимических слов и выявления последовательности их расположения в синонимическом ряду. Одной из последних лексикографических работ, ориентированных на решение синонимических проблем, является «Новый объяснительный словарь синонимов», в котором «синонимы внутри ряда упорядочиваются таким образом, чтобы их пространственная близость отражала меру их семантического сходства» (Ю. Д. Апресян).

Мера сходства при определении семантического расстояния определяется на основе различных функционально-семантических параметров слова. Среди известных методов «измерения» семантического расстояния наибольшую популярность получили метод «шести шагов» Ю. Н. Караулова и «метод ступенчатой идентификации» Э. В. Кузнецовой. Современные исследователи в большей степени склоняются к квантитативным способам решения проблемы через семантическую интерпретацию соотношения частотностей анализируемых слов и словоформ (Н. Д. Голев) или к экспериментальным методам. Среди последних отметим экспериментальные психолингвистические методики, ориентированные на выявление оценки смысловой близости слов, опыты по группировке слов, операции с сочетаниями слов: это и дописывание незаконченных предложений, и вписывание пропущенных букв, и замена некоторых отмеченных слов другими, и оценка правильности предлагаемых предложений и сочетаний слов.

К числу экспериментальных относится и предлагаемая в нашей работе методика измерения семантического расстояния между *деривационно* связанными словами и словоформами на уровне их концептного значения, проявляющегося

через ассоциативное поле. Теоретическая возможность такого измерения видится в том, что различие многих близлежащих лексических единиц обнаруживается не на логико-понятийном и лексико-семантическом уровне их значения, не в плане сочетаемости и синтаксических контекстов, а на уровне концептного значения (концепта) слова. Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначается словом (Д. Н. Шмелев). Эта импликация признаков может быть не обязательно истинной, но и ложной или сомнительной, так как к импликационалу подключаются все стереотипные ассоциации. В границах концептного значения существует свободный, или слабый, импликационал – признаки, о совместимости которых с данным понятием (интенционалом) можно судить лишь предположительно: их наличие и отсутствие одинаково вероятно и проблематично (М. В. Никитин). При определении семантических расстояний между словами с опорой на ассоциативные поля слов происходит актуализация и такого компонента концептного значения слова, как «лексический фон» (Е. М. Верещагин). Лексический фон определяется как совокупность непонятных семантических долей, которые могут иметь как личностный, так и социально-детерминированный характер. Социальные семантически доли могут отражать опыт функционирования слова в определенном национально-культурном или межкультурном пространстве.

Измерение семантического расстояния на уровне концептного содержания слова представляется универсальным, поскольку данный план, представленный в ассоциациях наличествует в любом слове и в любой словоформе.

Под степенью содержательного расстояния между деривационно связанными единицами языковой системы понимается глубина количественных и качественных различий между содержанием двух различных слов, представленных их ассоциативными полями.

Количественные отношения (экстенционал поля) квалифицируются как общие и различающиеся компоненты лексического состава поля в их количественных характеристиках. Одним из примеров проявления градуальности в рамках полевого способа описания лексико-семантического материала является оппозиция ядра и периферии (ближней и дальней) поля. Качественное описание различий (интенционал поля) предполагает дифференциацию всех слов-реакций в границах поля по различным качественным параметрам, среди которых значимыми являются следующие оппозиции признаков, носящих универсальный характер: семантические / формальные / формально-семантические; синтагматические / парадигматические; понятийные / образные (коннотации); нейтральные / оценочные; номинативные / стилистические; индивидуальные (личностные) / повторяющиеся; универсальные (экзотерические) / уникальные (эзотериче-

ские, национально-культурные). В задачу описания интенционала ассоциативного поля входит также описание способа ассоциативного отражения семантических и структурно-семантических связей слов-стимулов в пределах системных лексических группировок слов. Различные группировки лексики в границах той или иной части речи могут быть описаны на основании дополнительного набора более частных характеристик.

Одним из важных параметров исследования является разработка методики перевода количественно-качественных

характеристик ассоциативных полей слов в системно-семиологическое пространство с целью моделирования доминантных и маргинальных семантических зон значений слов, релевантных в плане их сопоставительного анализа.

Итогом описания определенного фрагмента лексики в заданном аспекте является построение шкалы семантических расстройств деривационно связанных словоформ и слов и определение поведения данной шкалы в зависимости от воздействия определяющих ее факторов.

Модификация формы слова как способ создания эвфемизма и дисфемизма

А. А. Яскевич

Отдел теоретического и славянского языкознания Института языкознания Национальной академии наук Беларуси

Эвфемизмы, дисфемизмы, форма слова, неформальная коммуникация, языковая игра

Summary. The article is devoted to analysis of euphemistic and disphemistic nominations in Russian slang, that are built by formal modification.

Сфера неформальной коммуникации (НК), которая стала предметом нашего исследования характеризуется высокой долей игрового компонента (В. В. Химик). Мы не будем включаться в дискуссию об определении языковой игры (определению последней, например, посвящено около 20 страниц в книге [6, 14 и далее]). Применительно к нашему материалу основным признаком языковой игры будет внимание к несистемным (по своей сущности) связям языковых единиц в речи. Одним из проявлений актуализации связей такого рода являются различные модификации **формы** слова, поскольку системообразующим признаком лексики являются семантические связи слов, а форма слова по отношению к смыслам в значительной мере вторична и несущественна.

Исследования эвфемии, естественно, основываются на семантических классификациях. При этом феномены, основанные на связях форм слов, либо не рассматриваются [5], либо получают недостаточное освещение [3]. В частности, в русистике в теории эвфемии встречаются такие дескрипции как «паронимическая замена», «каламбурное созвучие». Иллюстративный материал при этом носит, как правило, случайный характер. Однако более интересные выводы в отношении интересующего нас явления можно сделать, если идти «от материала». Обратившись к лексике НК мы обнаруживаем весь спектр модификаций формы – от мены / вставки звука до сближений со сходными словами либо отрезками слов, которые могут осмысливаться как носители некоего значения. Последнее явление в научной литературе нередко именуют паронимией. Впрочем, многозначность данного термина вносит некоторую неясность в общую картину явления.

Обратимся к материалу. Высокочастотны в современной НК эвфемизмы *блин* (полное совпадение с существующей лексемой), *грёбаный* (модификация путем протезы), широко употребляются производные корня *звезд-*. Лексемы (и их производные) *(за)долбать* и *заколебать* употребляются в НК не со значением лексем, для которых эта форма первоначальна. Обсценная лексика основных корней мата обладает в НК множеством эвфемистических заменителей, которые согласно общей тенденции варьируются от деформации до сближения с формально близким словом (точнее, как мы уже говорили, с отрезком, который воспринимается как носитель определенного значения). Это явление в связи с матом замечается исследователями НК (В. В. Химик) характеризует данное употребление как «эвфемистических замены». З. Кёстер-Тома «эвфемизмы, широко используемые носителями русского языка» [2, 30].

Как отмечается исследователями (например, [1, 48]), дисфемизмы в целом недостаточно изучены. В НК дисфемизация в плане формы также довольно активна, особенно в компьютерном жаргоне. Важно заметить, что данное явление примыкает к просто снижающим формальным модификациям: например, *веник* ‘жесткий диск’ (от *винчестер*), *соларка* ‘OC Solaris’, *кеды* – ‘KDE (оконный менеджер для Unix-систем)’. В случае дисфемизации обязательно происходит, как отмечают исследователи, «огрубление», т. е. затрагивается такая сфера как «непристойность» или, по крайней мере, реализуется оскорбительная интенция: *дырдос*,

дурдос ‘OC DR-DOS’, *контупер* ‘компьютер’, *писюк* ‘компьютер’ (от англ. сокращения *PC* ‘personal computer’), *мудератор* ‘модератор’, *хрень* ‘OC Windows XP’, *гуй* (*зубый*) ‘GUI – graphical user interface’ и др. Компьютерным жаргоном сфера распространения феномена не ограничена: *говназия* ‘гимназия’, *дерьмократия* ‘демократия’. Явно оскорбительным образованием предстает форма *гиббон* ‘сотрудник ГИБДД’. Весьма активно в НК слово *ситуёвина* ‘ситуация’. Очевидно, той же самой природы и явление НК, которое называют «фокус-покус прием» (а также несколькими другими терминами, см. [6, 168]). В виде частого примера в книгах по просторечию приводятся употребления из А. Солженицына – «маслице да фуяслице», «без подьёмника, без фуёмника» («Один день Ивана Денисовича»). Правда, здесь дисфемизм формальной модификации подвергся эвфемизации путем той же формальной модификации – формы *фуяслице*, *фуёмник*, безусловно, вторичны.

Выводы:

1. Модификация формы – активный способ создания эвфемистических и дисфемистических номинаций в русском языке.

2. Степень нейтральности для эвфемизма и «огрубления» для дисфемизма как правило зависит от степени деформированности исходного слова: полное совпадение с существующей лексемой (например, *заколебать*, *блин*) дает практически нейтральные жаргонизмы; минимальная модификация в пределах одного звука (*грёбаный*, *ипантуый*) – всего лишь призвана показать намерение говорящего избежать прямых обвинений в нарушении приличий.

3. Модифицирование формы может доходить до того, что в итоговой форме остается один звук (например, *японский городской*) от исходной либо даже только сочетаемость слова-стимула (например, модель «*полный(-ое)+ сущ.*»)

Игровая природа данного явления (не именуемая отношения к собственно семантическим связям слов), а также яркая экспрессивность данных лексем жестко блокируют их в сфере НК, не давая проникать в литературный язык.

Из всех типов эвфемизмов образования такого типа в наибольшей степени апеллируют к игровой стратегии эвфемии – говорящий не отказывается от передачи смысла, он лишь стремится выразиться так, чтобы избежать наиболее ожидаемых обвинений в непристойности.

Литература

1. Барينو А. В. Стилистическая оппозиция эвфемизм / дисфемизм в ракурсе функциональных стилей современного русского литературного языка (к постановке проблемы) // Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Вып. 4 (12). 2002. С. 44–48.
2. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. Берлин, 1993. № 2. С. 15–31.
3. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования.
4. Россова А. В. Дисфемизм // Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Вып. 1 (8). 1999. С. 103–105.
5. Россова А. В. Эвфемизм // Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Вып. 1 (9). 2000. С. 96–99.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.